

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

R13352

12.1

2/4098

~~301 f 5~~

PE3300. S6. M6

REP. SLAV. 9363

302496666%

В З Г Л Я Д Т
на
С Л О В О О П О Л К У И Г О Р Е В Ъ,

Всев. Миллера.

ВЗГЛЯДЪ

на

СИОНО

о

ИОАКУ ИГОРЄВѢ.

Д'євници поїткъ на Дніпрѣ,
виступаються голоси чрезъ міре до Києва.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ Ф. В. МИЛЛЕРА, Яуз. ч. 1 кв., № 82.

1877.

ПОСКАЖАЕТСЯ

ЧЕЧВЕРТОМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ОХІКЗАС

КХ

Казани.

Предисловие.

Предлагаемое изслѣдованіе представляетъ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы о Словѣ о Полку Игоревѣ, поставленные въ программѣ четвертаго Археологическаго съезда въ Казани:

52) *Было ли Слово о Полку Игоревѣ произведениемъ неграмотнаго народнаго пѣвца, впослѣдствіи записаннымъ прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшаго подъ вліяніемъ литературы своего времени?*

53) *Есть ли основаніе считать Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго, или появленіе Бояна можетъ быть объяснено инымъ образомъ?*

54) *Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ (Велеса, Дажьбога, Стрибога, Хорса) въ Словѣ о Полку Игоревѣ выводить, что авторъ былъ проникнутъ языческимъ мировоззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ имёнъ можетъ найти иное объясненіе?*

Отвѣтъ на эти вопросы, авторъ не могъ не затронуть и другихъ, тѣсно съ ними связанныхъ, и небольшое изслѣдованіе, задуманное первоначально въ формѣ

II

журналъ ой статьи, незамѣтно разрослось до размѣровъ книги. Наведенный изученіемъ памятника на илькоторыя соображенія объ отдельныхъ словахъ и поправки текста, авторъ счелъ не лишнимъ снова напечатать при изслѣдованіи самъ текстъ и приложить къ нему небольшой комментарій, не имѣющій, впрочемъ, никакого притязанія на полноту. Илькоторые догадки являются въ первый разъ, другія уже были высказаны предшествующими изслѣдователями, и автору приходилось только выбирать объясненія, казавшіяся ему болѣе правдоподобными. Не имѣя возможности удлинить многою времени вопросу, выходящему собственно за предѣлы его специальности, авторъ долженъ заранѣе просить извиненія, если гдѣнибудь приводится, какъ новое, толкованіе, уже предложенное кѣмъ нибудь раньше его. Изучить все, что когда либо было писано о „Словѣ“, уже само по себѣ представляетъ работу, для которой у автора ильтѣ ни времени, ни, признаться, желанія. Его цѣлью было отвѣтить лишь на главные вопросы, до сихъ поръ возбуждаемые Словомъ о Полку Игоревъ, и если онъ при слушать вдается въ детали, то исключительно въ надеждѣ, что быть можетъ илькоторые изъ его догадокъ найдутъ сочувствіе у специалистовъ по этому вопросу и не пропадутъ безслѣдно въ дальнѣйшихъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ.

Глава первая.

Ни одинъ памятникъ древне-русской литературы не пользуется столь обширной известностью, какъ „Слово о Полку Игоревѣ“. Каждый образованный русскій знаетъ его, каждый изучалъ его въ школѣ и помнить наизусть отдалъныя мѣста. Лучшіе поэты перекладывали „Слово“ въ стихи по частямъ или вполнѣ и черпали изъ этого богатаго родника отдалъныя выраженія и высоко-поэтическія сравненія. Интересъ, возбужденный имъ въ концѣ прошлаго вѣка, не умалился въ теченіе трехъ четвертей столѣтія и лучшимъ доказательствомъ тому служить масса изданій, переводовъ, примѣчаній, изслѣдованій, которыя тянутся отъ 1800 года вплоть до 76-го¹). Если некоторые изъ трудовъ, накопившихся за этотъ періодъ, должны быть отнесены

---

¹⁾ Подробный критический обзоръ литературы „Слова“ см. въ Филологическихъ Запискахъ 1875, вып. 6-й и 1876, вып. 1, 2, 3, 4, въ статьяхъ г. Смирнова, и въ Жур. М. Н. Пр. 1876, Сентябрь и Октябрь, ст. Е. Барсова.

къ замыслению Бояню, если далеко не всѣ соотвѣтствуютъ наукѣ сего времени, то все же въ пониманіи и оцѣнкѣ „Слова“ достигнутъ огромный успѣхъ, и трудами русскихъ ученыхъ мы имѣемъ полное основаніе гордиться. Достаточно сравнить первое изданіе 1800 г. и переводъ графа Мусина-Пушкина съ изданіемъ и примѣчаніями профессора Тихонравова, чтобы убѣдиться, какъ много отдельныхъ подробностей, представлявшихся загадкой въ началѣ текущаго столѣтія, для наскъ вполнѣ ясны, какъ много грамматическихъ формъ, нуждавшихся въ исправленіи по взгляду прежнихъ kommentаторовъ, оказываются вполнѣ законными, какъ много исправлено ошибокъ, произошедшихъ отъ неправильнаго дѣленія словъ и разстановки знаковъ препинанія. Едва ли бы достигла и нѣмецкая наука большихъ результатовъ, работая при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, стараясь возстановить и объяснить древній памятникъ, на основаніи лишь неудовлетворительного изданія единственной рукописи, исчезнувшей безслѣдно. Просматривая массу комментаріевъ, разсѣянныхъ по изданіямъ и отдельнымъ изслѣдованіямъ, видимъ, какъ мало по малу складывались результаты, которые считаются теперь общепризнанными и вошли въ учебники, и если въ настоящее время ученикъ гимназіи понимаетъ „Слово“ во многомъ лучше, нежели его первые издатели, то этимъ обязанъ онъ массѣ

трудовъ, положенныхъ цѣлымъ рядомъ ученыхъ изслѣдователей—Шишковымъ, Пожарскимъ, Грамматинымъ, Максимовичемъ, Дубенскимъ, кн. Вяземскимъ, Буслаевымъ, Тихонравовымъ, Барсовымъ и мн. др.

Предлагая нѣкоторыя соображенія къ вопросу о „Словѣ“, мы должны оговориться, что не можемъ прибавить много нового къ пониманію отдѣльныхъ словъ и оборотовъ. Мы вообще не думаемъ, чтобы мѣста, справедливо заподозрѣнныя критикой въ искаженіи, могли быть исправлены при теперешнихъ средствахъ: всякая поправка, какъ бы она ни была остроумна, будетъ только *въроятна* и не увеличить нашихъ свѣдѣній. Правильное чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ можетъ быть возстановлено только какою нибудь счастливою случайностью, находкой нового списка или покрайней мѣрѣ отдѣльныхъ мѣсть изъ „Слова“ въ какомъ нибудь другомъ памятнику. Насъ занимаютъ болѣе общіе вопросы — мѣсто „Слова“ въ ряду памятниковъ нашей литературы, вопросъ о самостоятельности автора, характеръ произведенія, языкъ и т. п. Эти вопросы были часто и мною обсуждаемы, но все же не достигли такой обработки, чтобы считаться вполнѣ решенными, хотя уже ученики заучиваются въ учебникахъ, что „Слово“ было прежде пѣснью и записано лишь вслѣдствіи, что авторъ его принадлежалъ къ „дружиннымъ“ пѣвцамъ, что

оно относится къ „дружинному“ эпосу¹), что Боянъ былъ древне-русскій пѣвецъ, „растекавшія мыслью по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, шизымъ орломъ подъ облакы“ и выражавшій свою житейскую мудрость въ пословицахъ: ни хытру, ни горазду суда. Божія не минути и т. п.

Методъ нашего изслѣдованія будетъ зависѣть отъ рѣшенія первого вопроса: есть ли „Слово“ пѣснь (народная или дружинная), пѣвшаяся и затѣмъ записанная какимъ нибудь книжникомъ, или оно произведеніе книжного человѣка, хорошо знакомаго съ литературой своего времени?

Первое мнѣніе, на нашъ взглядъ, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Оно опирается на название *пѣснь*, которымъ обозначаетъ авторъ свое произведеніе²) и на нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ подозрѣваютъ стихи. Но если авторъ и называетъ свое произведеніе пѣснью, то тутъ же называетъ его *повѣстью*³) и во всякомъ случаѣ вѣтъ доказательствъ, чтобы эта *пѣснь* или *повѣсть* когда нибудь пѣлась. Существованіе нѣсколькихъ стиховъ, или вѣрнѣе размѣренныхъ предложеній, конечно также не доказываетъ, что „Слово“ ходило въ устахъ пѣвцовъ,

¹) См. напр. Руководство для исторического изученія замѣчательныхъ произведеній русской литературы т. Стоюнина.

²) Начати же ся тѣй пѣсни; пѣти было пѣснь Игореви; пѣвша пѣснь старымъ княземъ.

³) Почнемъ же, братіе, повѣсть сю.

какъ наши олонецкія былины. Напротивъ „Слово“ *toto coelo* отличается отъ устной поэзіи и носить всѣ признаки книжности и искусственности.

Предположимъ на минуту, что авторъ дѣйствительно самъ пѣлъ походъ Игоря, былъ неграмотный воинъ, дружиинникъ, рапсодъ въ родѣ крестьянина Рябинина. Положимъ далѣе, что только одно поколѣніе ходила его пѣснь въ устахъ дружины и затѣмъ попала подъ перо книжника. Неужели въ переложеніи послѣдняго она могла такъ мало исказиться, что историкъ открываетъ въ ней цѣлую генеалогію князей, воспоминаніе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, предпріятіяхъ, характерѣ и событіяхъ жизни? Неужели впродолженіе одного поколѣнія не перепутались, не исказились имена болѣе тридцати князей, упоминавшихся въ пѣсни, неужели всякий изъ пѣвцовъ такъ же твердо помнилъ всякое имя, всякое отчество, всякое обстоятельство изъ жизни князей, какъ самъ авторъ? Неужели эта большая и наполненная именами пѣснь могла избѣгнуть искаженія, которое неминуемо постигаетъ всякое устное произведеніе и преимущественно личные имена. Если въ какія нибудь 30 лѣтъ имена еще не могли бы исказиться до неузнаваемости— какъ, напримѣръ, въ нашихъ духовныхъ стихахъ¹⁾—

---

¹⁾ Здѣсь находимъ: Малаеей или Молоферъ изъ Олофернъ; Сахатарь или Сафать рѣка изъ долины Іосафатовой; Волотъ, Волото-

—то все же не могли бы конечно остатъся въ томъ видѣ, какъ были въ первоначальной пѣсни.

Итакъ уже одно это обстоятельство указываетъ на несостоятельность предположенія, что „Слово“ было вначалѣ настоящей пѣснью.

Главный мотивъ разбираемой гипотезы—желаніе объяснить существованіе нѣсколькихъ мѣстъ, въ которыхъ подозрѣваютъ метрическій складъ. И вотъ, на основаніи двухъ-трехъ подобныхъ мѣстъ, нѣкоторые издатели (Гербелль, Малашевъ) дѣлятъ произвольно все „Слово“ на строфы и получаютъ стихи въ родѣ:

Боянъ же, братіе,
Не десять соколовъ
На стадо лебедѣй пущаше,
Нѣ своя вѣщіа прѣсты
На живая струны вѣскладаше;
Они же сами
Княземъ славу рокотаху.

Тѣ, которые производили надъ „Словомъ“ подобные опыты, имѣли въ виду аналогію между нимъ и нашими былинами. Какъ послѣднія иногда утрачиваютъ стихотворную форму и переходятъ въ прозу

манъ, Волотомиръ, Володимиръ изъ Птолемея (см. Jagič, Archiv für Slavische Philologie, I р. 87); Опорхала, Аполшій, Иполшій изъ Святополкъ (см. стихи о Борисѣ и Глѣбѣ въ сборникѣ г. Безсонова, I часть, выпускъ 3-й).

(напр. сказка про Илью Муромца), такъ было, думали они, и съ пѣснию XII-го вѣка. Но можно ли здѣсь видѣть какую нибудь аналогію? Если былина рассказывается прозой, это значитъ, что рассказчикъ позабылъ стихъ и передалъ только его содержаніе, какъ умѣлъ. Но можно ли предположить тоже самое о книжникѣ, якобы записавшемъ прозою пѣснь Игореву? Конечно нѣтъ. Еслибы онъ позабылъ складъ пѣсни, не помнилъ стиховъ, а только передавалъ содержаніе, то долженъ былъ бы позабыть и массу подробностей, забываемыхъ гораздо легче, долженъ бы былъ перепутать имена, отчества и т. д. Если же, напротивъ, онъ хорошо помнилъ пѣснь—а въ этомъ трудно сомнѣваться,—то пѣсенныи складъ сохранился бы гораздо ярче, нежели въ текстѣ, который мы имѣемъ передъ глазами, и стихъ пробивался бы не въ двухъ-трехъ мѣстахъ, а гораздо чаще. Такимъ образомъ разбираемая гипотеза вводить насъ въ дилемму, изъ которой мы не видимъ исхода.

Вместо того, чтобы считать нѣкоторыя метрическія мѣста, напримѣръ плачъ Ярославны, послѣдними уцѣлѣвшими остатками пѣсни, не легче ли предположить, что авторъ въ теченіи поэтическаго разсказа, кое-гдѣ невольно впадалъ въ лиризмъ и облекалъ поэтическіе әпизоды въ склады quasi стиха, увлекаясь по временамъ замышленіемъ Бояновымъ, хотя и рѣшилъ въ началѣ слѣдоватъ

былинамъ своего времени? Чѣдѣ такое замышленіе бояново—увидимъ ниже.

Авторъ пѣсни, говорить иные, принадлежалъ къ воинамъ, княжескимъ дружинникамъ и былъ участникомъ похода. Грамотность же въ тѣ времена была распространена только въ духовномъ сословіи, — ergo авторъ былъ не грамотенъ и не могъ самъ записать своего произведенія. Что авторъ былъ воинъ — выводятъ изъ мастерскаго описанія битвы и различнаго вооруженія; что у него было не книжное (христіаское), а языческое міросозерцаніе — изъ того, что упоминаются имена боговъ — Хорса, Дажь-бога, Стри-бога, Велеса. Всѣ эти предположенія до такой степени голословны, что разлетаются сами собой при чтеніи памятника. Достаточно прочесть искусственное начало „Слова“, это колебаніе автора, сльдоватъ ли ему замышленію поэта Бояна или былинамъ своего времени, вспомнить кудреватыя и вычурныя выраженія ¹), политическую тенденцію, фамиліарность съ князья-

---

¹) Напр. растѣкашется мыслю по древу; иже и стягну умъ крѣпостю своею и поостри сердца своего мужествомъ; скача по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая, славію, оба полы сего времени и т. п.

На нѣкоторыя книжныя выраженія, напоминающія складъ воинскихъ повѣстей, указалъ Е. В. Барсовъ, приводя нѣкоторыя (иногда впрочемъ не вполнѣ наглядныя) параллели изъ повѣсти I. Флавія о положеніи Іерусалима. См. Ж. М. Н. Пр. Октябрь 1876, стр. 109 — 112.

ми, полное знаніе ихъ взаимныхъ отношеній — чтобы убѣдиться, что авторъ не могъ быть неграмотнымъ пѣвцомъ, проникнутымъ народными миѳическими воззрѣніями.

Вмѣсто дѣтской наивности, навязываемой ему niektóryми учеными, находимъ всюду мысль человѣка вполнѣ развитаго для своего времени, представителя и поборника политической идеи, сознавшайся далеко не всѣми князьями этого периода, идеи о необходимости забыть вѣчныя распри и дружно сплотиться для отпора поганыхъ. Для проповѣдія этой идеи авторъ прибѣгаетъ въ воззваніи къ князьямъ къ такимъ средствамъ, которыхъ показываютъ въ немъ человѣка, знакомаго съ личностями и характерами современныхъ князей: онъ льстить, кому слѣдуетъ (Всеволоду, Рюрику и Давиду, Ярославу Осмомыслу, Роману и Мстиславу), другихъ укоряетъ (Ярослава и внуковъ Всеслава) и дѣйствуетъ на самолюбіе современниковъ, указывая на заслуги предковъ.

Неужели этотъ политический дѣятель былъ неграмотенъ и только потому, что принадлежалъ къ княжеской дружины, былъ не монахъ, а воинъ? Неужели при дворахъ князей XII-го вѣка не было книжныхъ людей и всѣ таковые прятались въ стѣнахъ кіево-печерскаго монастыря и облекались монашеской мантіей?

Языческое міровоззрѣніе видѣть въ именахъ язы-

ческихъ божествъ. Еслибъ авторъ былъ книжникомъ, воспитавшимся на чтеніи Священнаго Писания, онъ не могъ бы упоминать языческія божества, не откращиваясь отъ нихъ и не обличая при этомъ *емильскаю идолослуженія*. Происхожденіе отъ боговъ (Бояне Велесовъ внуче) не могло бы считаться почетнымъ эпитетомъ для христіанина — пѣвца или князя, — и все произведеніе было бы украшено не изреченіями Бояна, а выдержками изъ Священнаго Писанія. На нашъ взглядъ, эти факты свидѣтельствовали бы, въ крайнемъ случаѣ, только о томъ, что авторъ былъ не духовное лицо, а мірянинъ, но никакъ не о томъ, что онъ дѣйствительно вѣрилъ въ существованіе Велесовъ, Дажь-боговъ, Стри-боговъ.

Эти имена встрѣчаются у него въ нѣкоторыхъ украшающихъ эпитетахъ (ер. ornans), какъ достояніе поэтическаго языка и заключать отсюда о язычествѣ автора было бы такъ же произвольно, какъ еслибъ кто нибудь утверждалъ, что Державинъ вѣрилъ въ бога Леля, котораго упоминаетъ въ пѣсняхъ. Можно ли думать, чтобы авторъ, присыпающій спасеніе Игоря изъ плѣна помощи Бога (Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли Полоуецкой на землю Русскую) и упоминающій о Богородицѣ Пирогощѣ, вѣрилъ въ тоже время въ происхожденіе князя отъ Дажь-бога или Бояна отъ Велеса? Очевидно присутствіе божествъ въ эпите-

такъ слѣдуетъ объяснить иначе и ниже мы предложимъ свое объясненіе.

Итакъ, мы исходимъ изъ мысли, что „Слово“ произведеніе книжное, что авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный, что онъ написалъ его, а не пѣль и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу. Какъ произведеніе книжное, оно должно носить признаки литературы ему современной, обнаруживать въ авторѣ знакомство съ книжной словесностью, ибо всякий авторъ, какъ бы онъ ни былъ геніаленъ, сынъ своего времени и воспитанъ на его литературныхъ произведеніяхъ. Прежде чѣмъ указывать аналогіи для поэтическихъ оборотовъ „Слова“ въ народныхъ былинахъ и малорусскихъ думахъ, слѣдуетъ поэтому искать ихъ въ книжной словесности и уже потомъ, когда отношеніе автора къ послѣдней будетъ опредѣлено, выясняться сами собою, его индивидуальные черты, обнаружится насколько онъ самостоятеленъ и насколько зависить отъ прочитанныхъ книгъ. Указывать на то, какъ измѣняется оцѣнка автора, котораго источники намъ извѣстны— было бы повторять азбучную истину. Но все же мы поставимъ вопросъ: такъ ли бы смотрѣла критика на автора Задонщины, еслибы Слово о Полку Игоревѣ вовсе не было извѣстно? Находя въ Задонщинѣ поэтическія сравненія, весьма высокой пробы и приписывая ихъ поэтическому таланту

автора, считала ли бы критика его бездарнымъ компиляторомъ? Очевидно нѣтъ. Она утверждала бы, что у него было по малой мѣрѣ поэтическое чутье, хотя и заглушаемое часто общимъ безвкусіемъ его времени. Вѣдь подобной невѣрной оцѣнкѣ могъ бы подвергнуться и авторъ „Слова“, еслибы случайно найдены были замысленія Бояна, которымъ онъ подражалъ. Во избѣжаніе подобныхъ ошибокъ, прежде нежели заподозрить автора въ самостоятельности, не лучше ли поискать, какія данные для себя могъ онъ найти въ литературѣ своего времени.

Что же намъ известно изъ этой литературы?

Къ сожалѣнію очень, очень немного. Но намъ известенъ одинъ вѣскій фактъ, что литература эта была подражательная, заключалась въ массѣ переводовъ или передѣлокъ византійскихъ произведеній, переходившихъ на Русь чрезъ южно-славянскую среду. Просматривая рядъ произведеній этой литературы и отыскивая произведения аналогичные „Слову“, естественно остановиться на отдѣлѣ старинныхъ „повѣстей“, „исторій“ и „сказаний“, въ родѣ исторіи Александра Македонскаго, о Троянской войнѣ, о Дѣяніи Девгеніевѣ, повѣсти о Соломонѣ и т. д. Значеніе ряда этихъ произведеній свѣтской литературы выяснено общеизвѣстнымъ трудомъ г. Пыпина ¹⁾) и потому останавливаться на

---

¹⁾ Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. 1858.

общей ихъ оцѣнкѣ считаемъ лишнимъ. Такъ же выясненъ фактъ, что хотя большая часть этихъ произведеній сохранилась въ позднихъ спискахъ, XV и XVI вв., знакомство съ ними относится уже къ первымъ вѣкамъ древней нашей литературы.

Есть полное основаніе согласиться съ мнѣніемъ г. Пыпина, что, напримѣръ, „Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита“, заключавшееся въ сборникѣ, гдѣ найдено „Слово“, или Слово о Акирѣ премудромъ, сказка изъ 1001 ночи могли быть известны уже въ XII вѣкѣ¹).

Смотря съ этой точки на Слово о Полку Игоревѣ, всего ближе искать матерьялъ къ его объясненію въ произведеніи, вошедшемъ въ одинъ сборникъ съ нимъ, въ Дѣяніи Девгеніевомъ, известномъ по единственной рукописи изъ Погодинского древлехранилища. „Дѣяніе“ имѣть для настѣнъ тѣмъ большее значеніе, что недавно была открыта греческая рукопись поэмы о Дигенисѣ и издана Саюю и Леграномъ²), съ обширнымъ предисловіемъ, освѣщающимъ значеніе этого памятника византійской литературы.

---

¹⁾ Пыпинъ, стр. 83, 84 и слѣд.

²⁾ *Les Exploits de Digenis Akritas, par C. Sathas et E. Legrand.*
Paris. Maisonneuve et C-ie. 1875.

Глава вторая.

Передъ нами пространный византійскій герои-
ческій романъ X-го вѣка. Единственная рукопись
этого произведенія, состоявшаго изъ десяти пѣ-
сенъ, принадлежитъ библіотекѣ греческой школы
въ Трапезунтѣ и была пожертвована туда учите-
лемъ этой школы Саввою Іоаннидисомъ. Къ сожа-
лѣнію эта единственная и притомъ поздняя руко-
пись далеко не полна: недостаетъ всей первой
книги, начала второй, одного мѣста седьмой и
конца десятой. Сверхъ того оказывается много
пропусковъ, находившихся уже въ рукописи, по-
служившей оригиналомъ для трапезунтской¹⁾.

Ученые издатели такъ опредѣляютъ языкъ этого
памятника: настоящая поэма, говорять они, без-

---

¹⁾ Вагнеръ въ рецензіи изданія „Дигениса“ Леграна и Саэы (Liter. Centralbl. 1876. № 1, стр. 17) сообщаетъ пріятное извѣстіе, что проф. Gius. Müller'у посчастливилось найти въ Туринѣ другой спи-
сокъ этой поэмы болѣе древній и полный. Изданіе новой рукописи
вероятно не заставитъ себя ждать.

спорно самый древній извѣстный намъ памятникъ греческаго народнаго языка. Между тѣмъ языкъ поэта не относится ни къ народному нарѣчію нашего времени, ни къ тому, которое находимъ въ поэмахъ XVI-го вѣка или въ поэмахъ Феодора Продрома, относящихся въ XII-му. Это смѣсь народнаго греческаго съ литературнымъ, или съ тѣмъ, который обыкновенно обозначаютъ названіемъ церковнаго. До сихъ поръ нашъ памятникъ единственный въ своемъ родѣ; онъ представляетъ чрезвычайно любопытную fazу греческаго языка. Это первый образчикъ народнаго діалекта, существовавшаго долгое время рядомъ съ литературнымъ и впослѣдствіи замѣнившаго послѣдній. Новогреческій языкъ не преобладаетъ въ поэмѣ: онъ входитъ въ пропорціи не болѣе $\frac{1}{10}$; синтаксисъ колеблется между древне-греческимъ и народнымъ, представляя черты того и другаго; иногда въ одной и той же фразѣ древняя форма стоитъ рядомъ съ новой и современной. Иногда поэтъ принимаетъ романическое спряженіе, но кажется по принужденію ритма или размѣра ¹⁾.

Далѣе издатели находятъ, что языкъ поэмы менѣе удаленъ отъ древне-греческаго, нежели языкъ некоторыхъ произведеній XII-го вѣка. На основаніи переходнаго состоянія языка, прекратившагося къ

---

¹⁾ Ibid. p. 260.

XII-му столѣтію, и доказательствъ, почерпнутыхъ изъ содержанія памятника, издатели считаютъ автора современникомъ героя, воспѣтаго имъ и человѣкомъ весьма близкимъ къ Дигенису. Авторъ былъ начитанъ и въ священномъ Писаніи и въ древнихъ классикахъ; онъ украшаетъ свое произведеніе стихами Гомера и Пиндара.

Герой поэмы Василій Дигенисъ (Βασίλειος Διγενής Ἀχρίτης) историческое лицо, облеченнное многими чертами эпическихъ героевъ и прославляемое доселѣ въ народныхъ греческихъ пѣсняхъ. Онъ называется Дигенисомъ (двоероднымъ), какъ сынъ арабскаго эмира Мусура, принявшаго христіанство, и гречанки изъ знаменитаго рода Дуковъ. Другое имя Ахрітѣс дано ему какъ охранителю границъ византійской имперіи въ Азіи, противъ набѣговъ сарацинъ. Акриты были полу независимые властители, соотвѣтствовавшіе маркизамъ, маркграфамъ, грузинскимъ арнаурамъ, персидскимъ пехлеванамъ, армянскимъ марзбанамъ, турецкимъ пашамъ. Еслибы мы искали подобныхъ стражей границъ у насть, то нашли бы ихъ въ народныхъ представленияхъ о богатыряхъ, стоявшихъ на заставѣ богатырской и въ старомъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ. Подвиги одного изъ самыхъ извѣстныхъ Акритовъ, Дигениса, храбраго защитника византійскихъ владѣній на Евфратѣ, составляютъ содержаніе нашего романа. Дигенисъ сталъ для Эллиновъ

такимъ же популярнымъ героемъ, какимъ является Илья Муромецъ въ русскихъ былинахъ. Кромъ личныхъ подвиговъ, ему послужило къ славѣ его происхожденіе съ материнской стороны отъ знаменитаго и популярнаго греческаго рода Дуковъ, сажавшаго императоровъ на византійскій престолъ.

Но обратимся къ содержанію поэмы.

Содержаніе недостающей первой пѣсни можетъ быть въ общихъ чертахъ возстановлено древнерусской повѣстью о прекрасномъ Девгеніи, передѣлкой болгарской редакціи византійского романа. Мы говоримъ въ *общихъ чертахъ*, потому что болгарская передѣлка отнеслась, повидимому, довольно самостоятельно къ своему источнику.

Бабка Диогениса—вдова знаменитаго Андроника Дуки, прославившагося сначала въ царствованіе Феодоры, затѣмъ при Львѣ Мудромъ, когда Андроникъ спасъ имперію отъ Арабовъ. Въ поэмѣ она называется *генеральшей* (*στρατήγος*); въ славянской передѣлкѣ *вдовою царскаю роды*. Поэма даетъ ей одну дочь, будущую мать Диогениса, и пять сыновей, изъ которыхъ особенно прославился Константинъ Дука, трагически погибшій впослѣдствіи претендентъ на византійскій престолъ. „*Повѣсть*“ упоминаетъ только трехъ *велельпныхъ и велеварныхъ сыновъ* и *одну дщерь* великой красоты. Амиръ, царь аравитскія земли, вторгнувшись въ предѣлы Имперіи, похитилъ эту красавицу, въ то время когда

ея мать была въ церкви, а братья на охотѣ. Одна только старая служанка видѣла это и передала огорченной матери, не нашедшей дочери дома. Вдова впадаетъ въ отчаяніе и призываетъ громкими воплями отсутствующихъ сыновей пресловѣтъ похитителя. Когда они вернулись съ охоты, мать говоритъ имъ: „чада моя милая, никимъ же необижена града сего, развѣ имѣли есте у себя вы едину сестру и та нынѣ похищена руками Амира царя аравитцкіе земли; и урѣа ми сердечное кореніе, и унзѣ мя яко бездушную трость, а нынѣ заклинаю вы, чада моя возлюбленная, да не преслушати вамъ заповѣди моей: идите вы, угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своея не возмете, и вы и сами тамо главы своя поло(жи)те за сестрицу свою и я оплачу и обѣ васъ, яко безчадна суть“ (sic). Сыновья сѣли на коней „и поѣхаша яко златокрылатые ястребы, кони же подъ ними яко летаху“. Дорогой братья встрѣтили стражу Амира, въ числѣ 3000 человѣкъ, „и поскочиша на амировыхъ стражей и начаша ихъ бити, яко добрые косцы траву косити, овіихъ изсѣкоша, а овіихъ связаша и приведоша на гору высоку и гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овца“. Только трехъ стражей пощадили братья и, разспросивъ про силы Амира, послали къ нему съ вѣстью о своемъ привадѣ. Когда отпущеные срацьинне раасказали царю о побѣдѣ

стражей, царь Амиръ „ужастенъ бысть и призвавъ кметевъ своихъ и рече имъ: братія моя, силніи кмети! видѣхъ я ночесь сонъ, яко ястребы три біюще мя крилы своими и едва не предложиша на тѣлъ моемъ ранъ; занеже братаничи сіи пріидутъ, а начнутъ про творити“. Въ это время подъѣзжаютъ братья, насыщаютъ надъ стражей Амира, упрекаютъ его за похищеніе сестры ихъ „татьбою“ и спрашиваютъ, гдѣ она находится. Амиръ указываетъ на гору, покрытую тѣлами прекрасныхъ дѣвъ и женъ: тамъ среди труповъ лежить и трупъ сестры ихъ, убитой за то, что не исполнила волю Амира.

Отсюда мы можемъ уже обратиться къ греческой поэмѣ, открывающейся въ трапезунтской рукописи поисками братьевъ среди труповъ. Къ славянской передѣлкѣ возвратимся впослѣдствіи. Братья, пораженные видомъ столькихъ труповъ, поднимаютъ головы, заглядываютъ въ лица, отыскивая прекрасную сестру. Они не находятъ ея и начинаютъ рыдать, призываю солнце въ свидѣтели:

„О солнце лучезарное! свѣтильникъ всей вселенной,
Которое изъ этихъ тѣлъ—сестра, намъ укажи ты,
Чтобъ мы оплакали ее и погребли съ другими.
Какую голову намъ взять, поднять какую руку?
Какое слово отвезти намъ матери прекрасной?
Какъ горько всплачется она, волосы свои терзая?
За что содѣжало ты намъ, о солнце! зло такое?“ и т. д.

Долго оплакивали братья участь сестры, наконецъ, не найдя ея трупа, погребли всѣ другіе трупы и пошли къ эмиру, угрожая ему смертью. Эмиръ спрашиваетъ ихъ, кто они, какого рода, какой семьи. Старшій, въ гордыхъ словахъ, перечисляетъ предковъ и кончаетъ прежней угрозой. Эмиръ въ отвѣтъ говоритъ о своемъ высокомъ происхождении, о своихъ подвигахъ и признается въ пламенной любви къ ихъ сестрѣ. Если они согласны взять его въ зятья, онъ откажется отъ вѣры Магомета и поселится въ Имперіи. Сестра ихъ находится въ его палаткѣ, гдѣ братья свидѣлись съ ней, проливая слезы радости. Слѣдуетъ описание путешествія эмира съ невѣстой къ ея матери и радостной встрѣчи послѣдней съ сыновьями и дочерью.

Третья книга. Мать эмира, узнавъ о его бѣгствѣ къ Грекамъ, пишетъ ему письмо, полное упрековъ. Она укоряетъ сына за измѣну вѣрѣ отцовъ, напоминаетъ ихъ славные дѣянія, ставитъ ему въ примѣръ покойнаго отца, котораго не могли склонить къ миру никакія обѣщанія Грековъ, и умоляетъ вернуться на родину, взявъ съ собою жену. Въ противномъ случаѣ она угрожаетъ ему проклятіемъ.

Письмо подействовало на сына: онъ вспомнилъ о родинѣ, о прежнихъ женахъ и дѣтяхъ, о городахъ и дворцахъ, которые достанутся другому и впаль въ раздумье. Онъ идетъ къ женѣ и со-

общаетъ ей о своемъ рѣшеніи вѣхать на родину, посѣтить мать и затѣмъ снова вернуться; при этомъ просить жену никому не говорить о письмѣ его матери. Но намѣреніе эмира обнаружилъ шурьямъ вѣщій сонъ, увидѣнныій младшимъ изъ нихъ. Этотъ сонъ онъ разсказываетъ братьямъ:

Во снѣ я видѣлъ коршуновъ на Левкопетрѣ, хищ-
ныхъ,

И златокрылаго орла: преслѣдовалъ голубку
Онъ бѣлую, какъ чистый снѣгъ, и полетѣлъ за нею,
И скрылся въ комнату, гдѣ спитъ нашъ зять съ
сестрою нашей.

Чтобы поймать его, туда я бросился поспѣшино,
Разставилъ руки и заразъ обѣихъ птицъ поймалъ я.

Константинъ Дука понялъ значеніе сна и всѣ пятеро поскакали къ Левкопетрѣ, гдѣ нашли всадниковъ, посланныхъ матерью эмира. Съ ними вмѣстѣ братья пошли къ зятю и осыпали его упреками, за намѣреніе покинуть ихъ сестру. Смущенный эмиръ идетъ къ женѣ и, увѣренный, что она открыла братьямъ его замыселъ, упрекаетъ ее и грозитъ лишить себя жизни. Отъ сильнаго огорченія жена не могла сначала оправдываться, потомъ увѣряетъ мужа въ своей невиновности и примиряетъ его съ братьями. На семейномъ совѣтѣ рѣшено, что эмиръ пойдетъ на родину одинъ и постарается скорѣе вернуться къ

женѣ. Слѣдующія главы описываютъ путешествіе эмира, прибытіе въ Эдессу и свиданіе съ матерью, которой онъ разсказываетъ свои похожденія. Эмиръ склоняетъ мать принять христіанство и ѿхать съ нимъ къ Грекамъ. Возвращеніемъ его и страстнымъ свиданіемъ съ женой кончается третья книга.

Первые книги только введеніе въ исторію Дигениса Акрита. Съ четвертой поэтъ начинаетъ прославленіе этого героя и потому предпосыпаетъ дальнѣйшему введеніе, обнаруживающее въ авторѣ знакомство съ обычными пріемами эпическихъ пѣвцовъ. Введеніе начинается обращеніемъ къ читателю.

Хочу, о другъ, повѣстовать о многихъ я дѣяньяхъ,
О подвигахъ безчисленныхъ и о войны трофеяхъ,
Которыми прославился герой Акритъ Дигенисъ,
Достойный удивленія всѣхъ, за то что совершилъ
онъ...

Великія дѣянія, блестящія побѣды
И благородство—на земль прославили героя и т. д.

Второй сюжетъ автора—любовь и онъ пускается въ разсужденія о неотразимой силѣ этого чувства надъ слабыми смертными. Затѣмъ продолжаетъ:

Оставь, не пой, о человѣкъ! ты басни объ Ахиллѣ,
Иль о героѣ Гекторѣ—вѣдь ложны эти миѳы.
Царь Македонскій Александръ, чтѣ въ замыслахъ
могучихъ,

И съ помощію божества властителемъ сталъ міра,
Лишилъ человѣческую мощь имълъ и дерзновеніе.
А старый воинъ Филоаппъ, Киннамъ и Іоанникій—
Изъ этихъ всѣхъ богатырей, прославленныхъ, мо-
гучихъ,

Никто не можетъ рядомъ стать съ Дигенисомъ
Акритомъ:

Они украсили себя дѣлами измышенія,
Но все, что совершилъ Акритъ, вполнѣ достовѣрно,
И въ этихъ подвигахъ никто не долженъ сомнѣ-
ваться!

Затѣмъ авторъ повторяетъ въ краткихъ чертахъ біографію отца Дигениса, говорить о рожденіи и воспитаніи Василія и его первыхъ подвигахъ на охотѣ. На 12-мъ году онъ уже проситъ отца отпустить его на охоту за дикими звѣрями и убиваетъ медвѣдя, задушивъ его руками. Другой подвигъ мальчика былъ бой съ львицей: ударомъ меча онъ разсѣкаетъ ей голову до плечъ. Восхищенные силой и ловкостью Дигениса, отецъ и дядья поздравляютъ его. Отецъ самъ хочетъ омыть ему ноги и облекаетъ его богатой одеждой. Здѣсь поэтъ посвящаетъ нѣсколько стиховъ описанію дивной красоты своего героя: у него русыя кудри, большие черные глаза, черные брови и розы на ланитахъ.

Когда окончилось военное воспитаніе Дигениса, эмиръ удаляется отъ государственныхъ дѣлъ въ

свой дворецъ, посвятивъ себя исключительно дѣламъ благочестія. Сынъ принимаетъ начальство надъ домашними палликарами и скоро заявляетъ о себѣ подвигами храбрости. Онъ получилъ желаніе ознакомиться съ жизнью разбойниковъ, апелатовъ, и, вооружившись копьемъ и палицей, отправляется на конѣ въ мѣста, гдѣ надѣялся ихъ встрѣтить. У одного болота онъ увидѣлъ трупъ льва, убитаго знаменитымъ предводителемъ разбойниковъ Іоанникіемъ. Далѣе онъ узнаетъ изъ разговора съ водоносомъ шайки о мѣстопребываніи вождя Филопаппа и находитъ его шатерь. Когда онъ заявилъ предводителю о желаніи вступить въ шайку, Филопаппъ подвергаетъ его испытанію: пятнадцать дней долженъ Дигенисъ стоять на каравулѣ, вооруженный одною палицей, ничего не ѿсть и не спать все это время. Затѣмъ долженъ идти на львовъ и принести вождю доказательство своей побѣды. (Здѣсь довольно большой пропускъ). Дигенисъ, вѣроятно пройдя чрезъ всѣ назначенные испытанія, обезоруживаетъ всю шайку и приносить Филопаппу оружіе всѣхъ его разбойниковъ, со словами: если этотъ подарокъ тебѣ не нравится, я поступлю съ тобою, какъ съ ними.

Пѣснь кончается возвращеніемъ Дигениса домой, послѣ того какъ онъ всюду распространилъ страхъ своего имени.

Пятая книга посвящена любви Дигениса къ пре-

красной Евдокіи, дочери стратига Дуки, родственника шурьевъ эмира. Молва безпрестанно приносила нашему герою извѣстія о необыкновенной красотѣ Евдокіи. Однажды Дигенису пришлось возвращаться съ охоты мимо мраморного дворца ея отца. Онъ остановился и запѣлъ любовную пѣснь, которая глубоко потрясла сердце дѣвушки. Не рѣшаясь выглянуть въ окошко, она приказала кормилицѣ посмотреть на пѣвца, и та немедленно восклицаетъ: „о если бы небо внушило отцу твоему взять его въ зятья, ибо прекраснѣе его нѣтъ никакого на свѣтѣ!“ Слышиа такой отзывъ, Евдокія сама смотритъ на Дигениса сквозь щель. Между тѣмъ Василій разспрашиваетъ людей, принадлежитъ ли этаотъ дворецъ Дукѣ и здѣсь ли живетъ его знаменитая дочь. Самъ хозяинъ выдаетъ себя за слугу и говоритъ Дигенису: „много смѣльчаковъ пытались похитить красавицу, но попадали во власть ея отца и были преданы смерти“. Дигенисъ, догадавшись съ кѣмъ имѣеть дѣло, отвѣчаетъ, что не намѣренъ похищать дѣвушки и не боится засады: онъ желаетъ взять ее въ супруги съ согласія отца и просить служителя помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Дука отказывается. Дигенисъ, подойдя подъ окно дѣвушки, говоритъ: „дай мнѣ знать, любишь ли ты меня или любишь другаго: я не хочу дѣйствовать противъ твоей воли“. Евдокія посыпаетъ кормилицу сказать ему: „Богъ покажетъ тебѣ, что я

тебя ношу въ сердцѣ, но я не знаю, юноша, кто ты и какого рода; если же ты Василій Дигенисъ Акритъ, ты высокаго и богатаго рода и чрезъ Дуковъ нашъ родственникъ. Отецъ мой подстерегаетъ тебя; онъ слышалъ отъ многихъ о твоемъ мужествѣ, но берегись, юноша, не подвергай себя опасности ради меня, потому что мой отецъ жестокъ и тебя не пощадить“. Услыша этотъ отвѣтъ, Дигенисъ просить Евдокію показаться въ окнѣ и его просьба исполняется. (Здѣсь пропускъ цѣлаго ряда стиховъ, въ которыхъ вѣроятно описывалось свиданіе). Послѣднія слова Евдокіи были: „иди съ чувствомъ радости, о юноша, и не забывай меня“. — Жди меня эту ночь,—отвѣчаетъ Дигенисъ и, погруженный въ заботы о предстоящемъ свиданіи, возвращается домой. Не отвѣчая на вопросы матери, обезпокоенной его озабоченнымъ видомъ, онъ приготовляетъ все для похищенія Евдокіи и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ условленнаго времени. Въ условленный часъ онъ уже подъ окномъ Евдокіи и поетъ мелодическую пѣснь, аккомпанируя себѣ на лирѣ. (Здѣсь пропускъ, по мнѣнію издателей, по крайней мѣрѣ 200 стиховъ, содержащихъ описание похищенія Евдокіи и бѣгства Дигениса, преслѣдуемаго сыновьями и служителями Дуки). Дигенисъ, видя, что погоня его настигаетъ, сажаетъ невѣсту на камень въ сторонѣ отъ дороги, а самъ бросается на преслѣдователей. Ударомъ

меча онъ разрубаетъ одного изъ служителей Дуки и обращаетъ прочихъ въ бѣгство. Затѣмъ, замѣтивъ, что братья невѣсты приближаются къ мѣсту, гдѣ она сидѣла, онъ обращается противъ нихъ и легкими ударами палицы выбиваѣтъ ихъ изъ сѣдель. Видя пораженіе своихъ людей, старый Дука смирился и со слезами подходитъ къ Василію. Дигенисъ падаетъ предъ нимъ на колѣна, проситъ прощенія за все совершившееся и желаетъ быть его зятемъ. Дука даетъ съ радостью свое согласіе и просить Дигениса воротиться, чтобы сыграть свадьбу и принять богатое приданое. Дигенисъ говоритъ, что не нуждается въ дарахъ, что онъ искалъ только любви Евдокіи и просить отдать приданое ея братьямъ. Онъ приглашаетъ Дуку съ сыновьями отправиться съ нимъ къ его отцу, ѣмиру; если же они не согласны, онъ уѣдетъ съ невѣстою одинъ. (Пропускъ). Возвращеніе Дигениса съ невѣстою и пышная встрѣча со стороны ѣмира. Ѣмиръ возлагаетъ на голову невѣсты великолѣпный вѣнецъ и сажаетъ ее на богато-убраннаго коня. Слѣдуетъ описание торжества, при которомъ сама природа, по словамъ поэта, раздѣляла всеобщую радость:

Великолѣпіе празднествъ и общее веселье
Кто въ состояніи описать, кто разскказать возмож-
жетъ?

Возвеселилася земля и раззвѣла въ восторгѣ,
И горы прыгали окрестъ и скалы сладко пѣли,
И рѣки медленно текли отъ радости великой и т. д.

Слѣдуетъ перечисленіе великолѣпныхъ даровъ, поднесенныхъ Дукой Дигенису, состоявшихъ изъ коней со сбруей, соколовъ, роскошныхъ одеждъ, оружія и денегъ. Празднества продолжались еще три мѣсяца послѣ свадьбы. Когда старый Дука и гости разѣхались, Дигенисъ съ молодой женой отправляется къ границамъ для ихъ защиты и съ этихъ поръ получаетъ прозвище Акрита, т. е. гранничара. Подобно средневѣковымъ рыцарямъ или нашимъ народнымъ богатырямъ, Дигенисъ любилъ бродить одинъ, вдали отъ своихъ *палликаровъ*, ища приключеній. Эти приключенія, подвиги личной храбрости, поединки съ другими богатырями—сдѣлали его любимымъ народнымъ героемъ. Рассказъ о нѣкоторыхъ приключеніяхъ юнаго богатыря заставъ богатырской влагаетъ авторъ въ уста его самого въ шестой и седьмой пѣсняхъ. Не останавливаясь на подробномъ изложеніи содержанія, замѣтимъ, что въ похожденіи, описанномъ въ шестой пѣсни, Дигенисъ поддается минутному влечению къ одной дѣвушкѣ, покинутой ея женихомъ, при весьма романтической обстановкѣ, въ лѣсу, на берегу ручья. Эта измѣна женѣ сопровождалася сильными угрызеніями совѣсти, но авторъ, повидимому, не склон-

ненъ строго судить своего героя за это рыцарское приключение.

Седьмая книга открывается прославлениемъ царя мѣсяцовъ—мѣсяца мая, когда вся природа благоухаетъ запахомъ цвѣтовъ, когда земля соперничаетъ по убранству съ небомъ и душа человѣка неудержимо влечется къ утѣхамъ Афродиты. Ди-генисъ разбилъ шатерь свой на роскошномъ лугу, недалеко отъ ручья. Въ то время какъ герой отдыхалъ, Евдокія пошла купаться и подверглась нападенію дракона, принявшаго видъ молодаго человѣка. Ея крикъ пробудилъ мужа: онъ бросается на помощь и вступаетъ въ бой съ врагомъ, принявшимъ свой природный видъ. Ударъ меча сражаетъ чудовище, и подоспѣвшіе служители относятъ его тѣло отъ шатра. За боемъ съ дракономъ слѣдуетъ бой со львомъ и съ тремя стами *апелатовъ*, намѣревавшихся овладѣть Евдокіей. Также пѣснь содержитъ описание поединка Ди-гениса съ тремя самыми знаменитыми предводителями апелатовъ: Филопаппомъ, Киннамомъ и Іоанникіемъ. Троє сражаются съ однимъ, но терпятъ пораженіе и старый Филопаппъ проситъ Акрита принять начальство надъ всею шайкой. Ди-генисъ отказывается. (Пропускъ). Побѣжденный предводитель хочетъ отомстить за свое пораженіе: онъ созываетъ кострами апелатовъ изо всѣхъ горъ и ущелий и решается пресить помощи у знаменитой

богатырши Максимо, которая, по преданію, происходила отъ древнихъ амазонокъ и превосходила силою всѣхъ богатырей своего времени. Филопаппъ, чтобы получить ея помошь, прибѣгаетъ къ обману, говоря, что нужно выручить изъ рукъ врага дѣвушку, которую любить Ioannikij. Максимо велитъ своему первому палликару Мелемензису созвать всю шайку и избрать сотню самыхъ храбрыхъ. Отрядъ подъѣзжаетъ къ мѣсту, гдѣ находился Акритъ, съ намѣреніемъ напасть на него врасплохъ; но Дигенисъ не попался въ обманъ, ибо зорко слѣдилъ за всѣми движеніями непріятеля. Филопаппъ уговариваетъ Мелемензиса лучше сдѣлать попытку, похитить тайкомъ Евдокію, не жели вступать въ рискованный бой съ Дигенисомъ; но Мелемензисъ считаетъ такой поступокъ недостойнымъ храбраго воина. Максимо, видя одного только Дигениса безъ людей, полагаетъ, что онъ не ожидаетъ никакого нападенія; но, узнавъ отъ Филопаппа, что Акритъ постоянно ъздитъ одинъ со своею женою, она бранитъ стараго вождя, что онъ ложнымъ извѣстіемъ заставилъ ее собрать столько людей противъ человѣка, съ которымъ она одна управится. Она хочетъ перейти Евфратъ, чтобы немедленно напасть на Дигениса; но герой предупреждаетъ ее и говоритъ: „не переходи, Максимо, мужчинѣ прилично идти на встрѣчу женщинѣ, я самъ приду къ тебѣ, какъ требуетъ приличіе!“

Съ этими словами Дигенисъ бросается съ конемъ въ рѣку и вступаетъ въ бой съ богатыршей. Ударомъ меча онъ отсѣкаетъ голову ея коню и амазонка падаетъ на землю, умоляя побѣдителя о пощадѣ. Рыцарственный Дигенисъ щадитъ ее какъ женщину и вступаетъ въ бой съ ея спутниками, которыхъ скоро обращаетъ въ бѣгство. Амазонка просить Дигениса возобновить съ нею бой на слѣдующее утро. Дигенисъ соглашается. Максимо является на условленное мѣсто въ великолѣпномъ платьѣ, убранномъ жемчугомъ, драгоценными камнями и въ золотомъ панцыре; подъ нею конь бѣлый, какъ снѣгъ. Сначала они боятся на копьяхъ, потомъ переходятъ къ мечамъ и Дигенисъ поранилъ ея розовый пальчикъ. Она бросаетъ мечъ и трепещетъ за свою жизнь. Дигенисъ снова пощадилъ жизнь красавицы. Тогда Максимо объявляетъ ему, что она рѣшилась сохранить свою девственность для человѣка, который побѣдить ее. Теперь она принадлежитъ ему вполнѣ. Дигенисъ отвѣчаетъ, что онъ женатъ и не можетъ исполнить ея желаніе. Тѣмъ не менѣе Дигенисъ въ концѣ концовъ не можетъ устоять предъ обаяніемъ ея красоты и молодости... Послѣ любовнаго свиданія они разстаются.

Восьмая книга описываетъ подробно прекрасный дворецъ и обширные сады Дигениса на берегу Евфрата. Поэтъ описываетъ образъ жизни своего

героя. Пѣснь кончается смертью и похоронами его отца, эмира.

Девятая книга разсказываетъ о смерти матери Акрита и изображаетъ горесть сына:

О мать, сладчайшая, кто насъ съ тобою разлучилъ
на вѣкъ?

Внезапно корень кто срубилъ моей несчастной
жизни?

Кто погасилъ мнѣ свѣтъ очей? я ничего не вижу!
Кто ласки матери моей меня лишилъ жестоко?
Скажи мнѣ слово сладкое, любезнѣйшая матерь!
И объяви мнѣ поскорѣй, кто днесъ тебя похитилъ?
Я драгоцѣнныи выкупъ дамъ, чтобъ ты была сво-
бодна.

Увы! о свѣтъ моихъ очей, любезнѣйшая матерь!
Когда я ликъ увижу твой и голосъ твой услышу?
Зачѣмъ сокровище мое, о гробъ жестокій, скрыль-
ты?—

Зачѣмъ скосилъ ты лучшій цвѣтъ моей печальной
жизни?

Ты погасилъ мнѣ свѣтъ очей, ты душу омрачилъ мнѣ,
Похитивъ мать, вскорившую меня своею грудью.

Дигенисъ похоронилъ мать въ одной могилѣ съ
отцомъ. Съ этого времени онъ всю любовь свою
сосредоточилъ на Евдокіи и не переставалъ ее
любить до самой смерти.

Отъ *десятой*, послѣдней пѣсни, содержавшей

описаніе смерти Дигениса, сохранился, къ сожалѣнію, лишь небольшой отрывокъ.

Утрата конца поэмы тѣмъ болѣе непріятна, что въ заключительныхъ стихахъ, по всей вѣроятности, поетъ называлъ самаго себя.

Вотъ начало этой пѣсни:

Начнемъ теперь повѣстовать Дигениса кончину,
Начнемъ разскать, исполненный слезами и печалью.
Все что ни есть прекраснаго въ обманчивомъ семъ
мирѣ,

Все это роковая смерть береть и мракъ аида.
Какъ легкій сонъ проходятъ здѣсь богатство, честь
и слава.

Такъ быстро и постигла смерть Дигениса Акрита
и т. д.

Чувствую приближеніе смерти, нашъ герой призываешь къ постели нѣжно-любимую жену и долго
бесѣдуешь съ нею.

Изъ содержания, предшествующаго каждой пѣсни,
узнаемъ, что Евдокія не пережила своего супруга.

Изъ этого бѣлага обзора содержанія, можно себѣ
составить понятіе о византійской поэмы. Очевидно,
что авторъ ея, знакомый съ Гомеромъ, имѣть въ
виду написать эпопею о Дивеніяхъ и собрать въ
десяти пѣсняхъ отдельные эпизоды изъ его біографіи. Авторъ жаретка зналъ семейныя отношенія
своего героя, его образъ жизни и домашнюю обста-

новку. Нѣкоторыя похожденія, быть можетъ, слышалъ отъ самого Дигениса, являющагося разсказчикомъ въ 6-й и 7-й книгѣ. Другія событія доносила къ кому стουстая народная молва, конечно, разукрашивая ихъ и преувеличивая. Юный, прекрасный богатырь, одиноко бродившій на границѣ, полный отваги и великодушія сталъ скоро любимой темой народныхъ пѣсенъ.

Овладѣвъ этой личностью, народная фантазія перенесла на имя Дигениса подвиги, которые прежде приписывались другимъ именамъ. Дигенисъ сталъ идеаломъ народнаго богатыря, подобнаго Ильѣ Муромцу, Евдокія — идеаломъ женской красоты, какъ прекрасная Елена. Народная пѣсня съ особенной любовью останавливается на нѣкоторыхъ похожденіяхъ героя: на островѣ Кипрѣ до сихъ поръ распространена пѣсня о похищении Евдокіи Дигенисомъ, въ которой, совершенно въ разладъ съ поэмой, Хилопаппъ (Филопаппъ) является сватомъ, засыпаемымъ Дигенисомъ къ родителямъ Евдокіи, а самъ женихъ играетъ на скрипкѣ и убиваетъ дракона пощечиной. Другая пѣсня воспѣваетъ похищеніе Евдокіи апелатами. Акритъ пашетъ землю на берегу рѣки; прилетаетъ птичка и приносить извѣстіе, что домъ его разоренъ и волюбленная уведена. Акритъ бросается въ полоню; встречаетъ Узовъ и Эзиновъ, послѣднікъ у дѣвскаго моста; подѣлжаетъ въ городу, где

находитъ жену, убиваетъ похитителей и въ томъ числѣ 300 Варанговъ (Варяговъ) на дѣвскомъ мосту и т. д. Есть пѣсни, которая изображаетъ прекрасные сады Дигениса, другія воспѣваютъ борьбу героя со смертью Харономъ ¹⁾), еще другія смерть Евдокіи, задушеннай умирающимъ Дигенисомъ въ послѣднемъ объятіи. Но и самая поэма вызывала подражанія у позднѣйшихъ писателей и нѣтъ сомнѣнія, что можно бы было указать въ цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній ея отголоски, если бы рука времени была менѣе безжалостна надъ произведеніями средневѣковой Византіи.

Издатели указываютъ въ предисловіи на аллегорическую поэму Мелитеніота, относимую къ концу XIII-го и началу XIV-го вѣка, въ которой находятъ массу яркихъ подражаній поэмѣ о Дигенисѣ. Близость въ отдѣльныхъ мѣстахъ такова, что нѣрѣдко сомнительное чтеніе въ Дигенисѣ находить объясненіе въ поэмѣ Мелитеніота и наоборотъ. Извѣстный поэтъ XII-го вѣка, Феодоръ Продромъ, воспѣвая императора Мануила Комнена, считаетъ умѣстнымъ называть своего героя *новымъ Акритомъ* или *вторымъ Акритомъ*. Слѣдовательно еще два вѣка послѣ смерти Акрита, имя его гремѣло славою.

¹⁾ Нѣкоторыя ново-греческія пѣсни о борьбѣ Дигениса съ Харономъ приведены въ прозаическомъ изложеніи въ статьѣ проф. А. Веселовскаго „Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ“.
Вѣсти Европы. 1875. Апрѣль, стр. 763—766.

Отсылая всѣхъ интересующихся исторической стороной поэмы къ обширному предисловію издателей, замѣтимъ, что на поэму слѣдуетъ смотрѣть, какъ на любимый и широко-распространенный героический эпосъ средневѣковаго Эллинизма и что герой его Дигенисъ Акритъ былъ для Грековъ среднихъ вѣковъ и нового времени такимъ же блестящимъ представителемъ Эллинизма, такимъ же популярнымъ богатыремъ, какъ Ахиллъ для древней Эллады. Понятно, что этотъ богатый сюжетъ долженъ быть отразиться на литературахъ, находившихся въ тѣсной зависимости отъ византійской, понятно, что разсказъ о подвигахъ Дигениса долженъ быть выйти далеко за предѣлы страны и народа, среди которыхъ онъ сложился. Здѣсь кстати припомнить слова Ліутпранда о быстромъ распространеніи византійскихъ произведеній въ его время. Когда Ліутпрандъ былъ въ Константино-полѣ (958), пѣсни о сыновьяхъ Романа Лакапена (945) пѣлись не только въ Европѣ, но въ Азії и Африкѣ ¹⁾). Естественно, что и ближайшая соседка Византіи, Болгарія, усвоившая такую массу византійскихъ произведеній, должна была познакомиться съ популярною личностью Дигениса, и въ свою очередь водворить эту личность на русской почвѣ.

---

¹⁾) *Antapodosis V, 22. Quod justo Dei iudicio ita accidisse non solum Europa, sed et Asia nunc cantat et Africa,*

Слѣдуетъ возвратиться къ повѣсти о прекрасномъ Девгеніи, чтобы опредѣлить, какую форму приняла византійское произведеніе на славянской почвѣ.

Уже первый взглядъ показываетъ, что славянская передѣлка отнеслась къ своему оригиналу весьма самостоятельно. Историческія черты, генеалогическія подробности, не представлявшія интереса для славянскаго читателя, стерты. Повѣсть проникнута большимъ благочестіемъ и нѣкоторые эпизоды, представлявшіе соблазнъ пуританскому чувству, обойдены вовсе или подверглись измѣненію.

Въ обзорѣ содержанія мы остановились на напрасныхъ поискахъ трупа сестры братьями. Не найдя его, братаничи сѣли на коней и запѣли ангельскую пѣснь: „благословенъ Господь Богъ нашъ, научая руць мои на ополченіе и на брань! Затѣмъ они сказали другъ другу: „попомнимъ, братіе, слово и приказъ матери своея: днемъ ся родили, днемъ ся мы и скончаемъся по повелѣнію матери своея, и главы свои положимъ за сестрицу свою“. Они вызываютъ Амира на смертный бой и по его желанію бросаютъ между собою жребій, кому изъ нихъ трехъ съ нимъ биться. Жребій падаетъ на младшаго брата и оба старшіе начинаютъ его снаряжать: *идь стоять братаничи и на толжъ мысль аки солнце сѣятъ; и толь Амира щарк крутѣть, и тимъ лѣстъ сельта, аки тма тежко.* Слѣдуетъ ангельская пѣснь братьевъ и бой младшаго съ Амиромъ. Амиръ

сброшень съ коня и просить пощады, обѣщаюсь принять святое крещеніе изъ любви къ ихъ сестрѣ. Благочестивая повѣсть, во избѣжаніе соблазна, считаетъ нужнымъ ярко выставить невинность и чистоту дѣвицы, не смотря на то, что она была въ плену у Амира. „Братія! говорить Амиръ, видите оно поле прекрасно: тамо стоятъ многія шатры, а въ нихъ сѣдитъ сестра ваша; а гдѣ сестра ваша ходитъ, и тутъ изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ, а стражи ея стрежаху далече отъ шатровъ“. Далѣе первый вопросъ братьевъ къ сестрѣ таковъ: „повѣждь намъ, сестрица, дерзость Амира царя, аще къ тебѣ прикоснулся единомъ словомъ, то отынемъ же главу его и отвеземъ въ греческую землю, да потомъ не будетъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву“. Сестра успокоиваетъ сомнѣнія братьевъ: когда Амиръ похитилъ ее, при ней было 12 кормилецъ; когда она жила въ шатрѣ, онъ прїезжалъ разъ въ мѣсяцъ и только издали смотрѣлъ на нее; никто не видѣлъ лица ея и не входилъ въ шатель. Затѣмъ она сама изъявляетъ желаніе выйти за Амира, если онъ приметъ христіанство. Братья желаютъ, чтобы Амиръ немедленно крестился и вѣхалъ съ ними въ греческую землю, но онъ посыпаетъ ихъ съ невѣстой впередъ, говоря, что самъ собираетъ своихъ людей, желающихъ принять вѣру Христову и свои несмѣтныя богатства и съ честью

пріѣдетъ къ Грекамъ. Братья отправляются впередъ, а Амиръ сажаетъ на престолъ свой младшаго брата, и увѣривъ мать, что ѿдетъ истреблять Грековъ, собираетъ своихъ людей и богатство. На сумежьи греческой земли онъ объявляетъ дружинѣ истинную цѣль своей поѣздки и зоветъ съ собою всѣхъ желающихъ креститься. Нѣкоторые изъ кметей слѣдуютъ за нимъ. Не доѣзжая до града греческаго, братья съѣзжаются съ Амировъ. Слѣдуетъ крещеніе въ Евфратѣ, причемъ крестилъ Амира патріархъ, а восприемникомъ былъ царь *тада того*.

Послѣ свадьбы Амиръ живетъ во дворцѣ съ молодой женой. Посольство матери къ сыну разсказано довольно близко къ византійской поэмѣ, но вѣщій сонъ, открывшій замыселъ Амира, видить не одинъ изъ шурьевъ, а сама жена: „въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылый соколъ и ять мя и изнесе изъ полаты моей и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола и соколь мя опусти“. Сонъ очевидно искаженъ въ славянской передѣлкѣ и толкованіе его *волхвами, книжниками и фарисеями*, собранными братьями, не вполнѣ къ нему подходитъ. Волхвы сказали: „госпожу нашу, прекрасную дѣвицу, зять вашъ новокрещенный Амиръ царь, по повелѣнію матери своея, хощетъ исхитить изъ полаты и бѣжати въ ерацynскую землю, и съ любимою сестри-

цею вашею; а три врана, то суть три срацыненнина—стоять за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ, прислани суть ко Амиру царю отъ матери съ грамотами“. Намѣренья Амира изобличены. Срацынне сквачены и крещены, а кони ихъ розданы шурьимъ Дигениса. „Повѣсть“ на этомъ кончаетъ разсказъ объ Амирѣ и не упоминаетъ путешествія его къ матери, съ согласія шурьевъ, путевыхъ приключеній, возвращенія къ женѣ съ матерью и близкими, принявшиими крещеніе т. е. обходить молчаніемъ большую часть событій, рассказанныхъ въ третьей книгѣ византійской поэмы.

Разсказъ о рожденіи и воспитаніи Девгенія, о его „ловахъ“, о борьбѣ со львомъ, лютымъ звѣремъ, довольно близокъ къ разсказу, содержащемуся въ 4-ой книгѣ. Восхищенный подвигами сына, Амиръ восклицаетъ: „о свѣтозарное солнце, преславный Девгеній! отъ поту звѣринова и отъ хля медвѣжая порты на тебѣ изрудилися; но идемъ мы, сыне, отъ сего лѣсу темного, есть въ семъ лѣсу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяеть, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему никто пріѣсти, и ненеже бо въ немъ многая чудеса творятся, и наїхъ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ тебѣ своими руками омыю лице твое и руцѣ и ноги“. У источника повѣсть помѣщаетъ бой Девгенія съ змѣемъ, т. е. тотъ эпизодъ, который въ повѣстіи описывается въ пятой книгѣ и влагается въ уста

самого Дигениса. Въ поэмѣ, какъ мы знаемъ, змѣй напалъ на прекрасную Евдокію, купавшуюся въ рѣкѣ,—здѣсь же онъ нападаетъ на самого Девгенія, который еще не женатъ.

Изъ дальнѣйшихъ похожденій Девгенія повѣсть знаетъ только два — бой съ Филиппомъ и Максимо и похищеніе Евдокіи, дочери стратига. Оба похожденія во многомъ отличаются отъ разсказа поэмы, многія детали пропущены, много именъ не упомянуто и многое передѣлано на другой ладъ. Въ поэмѣ женильба Дигениса предшествуеть битвѣ съ Филиппомъ и Максимо, въ повѣсти послѣдній эпизодъ идетъ сначала и носить отдѣльное заглавіе: *сказание о Филиппѣ и Максимѣ и о храбрости ихъ*. Это заглавіе, которое известно изъ утраченного пушкинского сборника, указываетъ, что въ нѣкоторыхъ деталяхъ разсказъ сборника расходится съ повѣстью о прекрасномъ Девгеніи. Въ послѣдней двѣа-богатырша называется Максимианой, а богатырь Филиппомъ. Кто былъ этотъ Филиппа — повѣсть не указываетъ; Максимиана — же т. е. Максимо, въ разладъ съ поэмою, называется его дочерью. Разсказъ открывается посланиемъ отца и дочери къ прекрасному Девгенію. Остановившись съ войскомъ на рѣкѣ Еорантѣ (Евфратѣ), они посыпаютъ Девгенію грамоты съ прелестю: „о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгей! ты царствующий во всѣхъ насть юродыни и сминыхъ, яко май

мъсяцъ во всѣхъ мъсяцахъ: въ маѣ мъсяцъ всяка красота земная процвѣтаетъ и древа лиственное листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, такоже и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не полѣнися, приди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Ефраитъ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никако же нѣсть помышленія никакова жъ“. Подобной грамоты нѣть въ византійской поэмѣ и посланіе при сочинено славянскимъ разскажщикомъ; но въ упоминаніи о маѣ, царѣ мѣсяцевъ, нельзѧ не видѣть подражанія началу седьмой книги (см. выше).

Девгеній догадался о хитрости, но всетаки хочетъ єхать. Отецъ отговариваетъ его, говоря: „чадо мое милое, преславный Девгеней! рано тебѣ въ силную рать пхать: еще ты въ ратехъ не бывалъ и ничево ратнаго дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филипапа въ ратехъ храбръ и силенъ, также и Максимьяна, дщерь его, мужескую дерзость имѣть, и войско ихъ храбро и много зѣло“. Девгеній не слушаетъ совѣта отца и съ немногими людьми єдетъ на Ефраитъ рѣку. На людей его нападаетъ Филипапа со всѣмъ войскомъ, но, видя опасность, Девгеній перескочилъ рѣку пѣшъ, яко соколъ дюжей отъ руку ловца и, вскочивъ на коня, началъ гонять яко добрый жнецъ траву косить. Побивъ 2000 воиновъ, онъ нападаетъ на самого Филипапу и тулимъ концемъ копья сбрасываетъ его съ коня. Максимьяна

бросилась на помощь отцу, но Девгеній и ее сбросилъ на землю ударомъ руки по лицу.

Этотъ эпизодъ *Повѣсть* связываетъ съ дальнѣйшимъ, носящимъ въ пушкинской рукописи заглавіе—аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгевѣ и о вѣсхыщеніи Стратиговнѣ—следующимъ образомъ. Пораженный Филиппа проситъ пощады у Девгенія и, называя его *златокрылатымъ ястребомъ*, говоритъ ему о преславномъ Стратигѣ, имѣющемъ четырехъ сыновей и прекрасную дочь: „мнози цари и короли храбріи и силніи суть, а никто не можетъ ея пояти; кто не прїдетъ, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отъѣхать; развѣ тебя Богъ одаритъ“. Девгеній обѣщается отпустить его, если слова его окажутся правдой. Въ свою очередь Максимьяна просить Девгенія: „о свѣтозарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній! мнози ко мнѣ цари и короли присылалися храбріи и силніи, во мнозѣ силъ, а никто мя не оскверня единымъ словомъ; всѣ побѣждени моими руками, а нынѣ Богомъ покоренна есми тебѣ; еще ты совокупиши со мною, да будемъ мы вмѣстѣ и силы нашей не можетъ держати никто же“. Благочестивая повѣсть, во избѣжаніе соблазна читателя, передѣала дальнѣйшее: въ поэмѣ Дигенисъ склоняется на просьбу Максимо и измѣняетъ женѣ, въ повѣсти онъ является цѣломудреннымъ, береть книгу, въ которой написана его судьба и вычитываетъ оттуда, что

если онъ сочетается съ прекрасной Стратиговной (Евдокіей) — его житія 36 лѣтъ, если же съ Максимьнай — то 16, и отпускаетъ Максимьну къ своей матери съ своими людьми. Нечего и говорить, что тотъ исходъ битвы съ Максимо, который изображаетъ византійская поэма, есть именно древній, первоначальный: любовной связью кончается и бой Ильи Муромца съ бабой Горынью и другихъ русскихъ богатырей съ наленичами удалимы. Благочестія ради обойдено въ повѣсти и другое любовное приключение Дигениса, разсказанное въ шестой книгѣ поэмы.

Вернувшись домой къ родителямъ, прекрасный Девгений помышляетъ о Стратиговѣ и, не взирая на убѣжденія отца, решается ее похитить. Онъ собираетъ свое войско и идетъ въ землю Стратигова. Отъ одного юноши узнаетъ онъ, что Стратигъ съ сыновьями уѣхалъ на охоту, а дочь осталась въ замкѣ. Нѣкоторыя детали поэмы сохранены повѣстью: Девгений скакать около замка на бѣломъ коиѣ, у коего сдѣланы звонцы въ гравѣ „и отъ того играний умъ исхититьца“. Стратиговна, какъ и въ поэмѣ, смотрѣть на богатыря чрезъ окошко и то ссыпаетъ къ нему пермиллицу. Къ сожалѣнію рѣчью послѣдней къ Девгению обрывается поэма и продолженіе слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ.

Карамзинъ приводить отрывокъ изъ утраченной впослѣдствіи пушкинской рукописи и эти вм-

писни исторіографа, позволяютъ намъ нѣсколько продолжить разсказъ о похожденіяхъ Девгения. „Девгений“⁴⁾ вѣдь къ славной красавицѣ Стратиговнѣ, бренчить подъ окномъ ея на гусяхъ серебреныхъ съ золотыми струнами и говоритъ: „кажи ми отца своего и братію, каковы суть? И нача дѣва ему глаголати: на отцѣ моемъ брони златы и шеломъ златъ съ каменiemъ драгымъ и жемчюгомъ сажень; а конь у него покрытъ паволокою зеленою, а братія моя суть въ серебреныхъ бронѣхъ, только шеломы златы, а кони у нихъ чрвленою паволокою покрыты“. Къ сожалѣнію въ трапезунтской поэмѣ нельзя указать соотвѣтствующаго мѣста: весь разговоръ Диогениса съ Евдокіей прощущенъ и изъ него сохранились лишь заключительныя слова красавицы: „возвратись домой съ радостью, о юноша! и не забывай меня“. Случайная выписка Карамзина восполнаетъ, такимъ образомъ, греческую поэму. Въ какихъ чертахъ было описано въ повѣсти о Девгении самое похищеніе Стратиговны — неизвѣстно. Карамзинъ приводить вторую выписку уже послѣ разсказа о битвѣ Девгения съ отцемъ и братьями его невѣсты. Въ трапезунтской же рукописи, хотя эта битва и существуетъ, не ведется о похищеніи прощущенъ.

„Пребывъ отца и братьевъ, Девгений, говорить

4) Кар. И. Г. Р. III томъ, 272.

имъ: „азъ старости твоей дѣля пожалую, дамъ ти свободу и сыномъ твоимъ; толико знаменіе свое хощу възложити на васъ... И бѣ на Стратигѣ златъ крестъ прадѣда его многоцѣненъ, а у сыновъ его жуковины многоцѣнны съ драгымъ каменіемъ; то взя у нихъ за знаменіа мѣсто“.

Такихъ рѣчей къ побѣжденному отцу и шурьямъ нѣтъ въ трапезунтской поэмѣ. Напротивъ Дигенисъ падаетъ въ ноги старому Дукѣ и просить его благословенія. Не только не беретъ Дигенисъ „знаменія“ своей побѣды (крестъ и жуковины), но и отказывается отъ богатаго приданаго предлагаемаго Дукой за дочерью: ея богатство уступаетъ жениху шурьямъ. Отсюда видно, что болгарская повѣсть либо сильно измѣнена противъ поэмы, либо, чтѣ намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, передѣлана не изъ этой поэмы, а изъ прозаической византійской повѣсти о томъ же героѣ.

Третья выписка у Карамзина взята изъ того мѣста повѣсти, въ которомъ перечислялись дары, поднесенные старымъ Дукой Дигенису, когда первый прїѣхалъ праздновать свадьбу дочери: „пода Стратигѣ своему зятю 30 фаревъ, а покрыты драгими паволоками, а сѣдла и узды златомъ кованы; пода ему конюхъ 20 пардусовъ и соколовъ 30 съ крѣмилици своими, и дасть ему кожуховъ 50 сущимъ златомъ шиты и паволокъ великихъ 100; шатерь великъ единъ шить весь златомъ: вмѣщающіяся воинъ

многы тисуща вой, и ужица бяху шатра того шолькова, а колца сребренна; и подастъ ему икону злату св. Феодоръ, и копіа 4 Аравитская и мечъ дастъ прадѣда своего. А теща подастъ ему драгыхъ павоюкъ зеленыхъ 30, кожуховъ 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ драгымъ каменемъ и съ жемчугомъ; прѣвыш шуринъ уноша подастъ ему 50 поясовъ златокованныхъ, и ина шурья даша ему многы дары, имъ же нѣсть числа“.

Этимъ кончаются выписки Карамзина, но неизвѣстно кончалась ли этимъ „повѣсть“ въ утраченной рукописи. Не лишено интереса сравнить перечисленіе даровъ въ повѣсти и поэмѣ. Послѣдовательность приношеній не нарушена въ славянской передѣлкѣ, но цифры увеличены и замѣтны слѣды того, что переводчикъ не совсѣмъ понималъ текстъ. Тридцати фарямъ повѣсти соотвѣтствуютъ въ поэмѣ двѣнадцать лучшихъ коней и рослыхъ вороныхъ (*Ἴππους ἀρίστους δώδεκα καὶ ταρμεγέθεις μαύρους*); двадцати пардусамъ—двѣнадцать, тридцати соколамъ „съ кормилицы своими“ (т. е. съ сокольниками?)—двѣнадцать аbazгійскихъ соколовъ перелинявшихъ (*ἴέραχας χάν δώδεκα μουτάτους Αβαζγίκους*); а „кормилицы“ кажется запущи въ повѣсть чрезъ невѣрное осмысленіе византійского слова *βαΐτςα* (иначе *βαΐα*), по глоссарію Legrand и Sathas'a—*nourrice, servante* (лат. *bajula*). Въ поэмѣ говорится, что въ числѣ даровъ были 12 корми-

лицъ и 12 горничныхъ (ѡс халѣ байтас дѣбека, халѣ дѣбека тюспадас). Въ повѣсти шатеръ доведенъ до гигантскіхъ размѣровъ (онъ вмѣщаетъ многа тысячи вой); чего нѣтъ въ поэмѣ; за то въ поэмѣ упомянуты двѣ иконы св. Феодоровъ, вмѣсто одной въ повѣсти. Число кошій аравитскихъ уменьшено въ слав. передѣлкѣ изъ 10 въ четыре, а изъ знаменитаго меча Хозроева, поднесеннаго Дукой Дигенису, сдѣланъ мечъ прадѣда Стратигова. Другая черта, говорящая въ пользу предположенія, что слав. повѣсть имѣла оригиналъ не поэму, а какую нибудь прозаическую редакцію, та, что въ поэмѣ не говорится ни слова о дарахъ тещи и шурьевъ. Едва ли такую подробность могъ славянскій литераторъ придѣлать отъ себя: въ немъ скорѣе замѣтна охота къ сокращенію, нежели къ рас пространенію.

Глава третья.

Намъ могутъ поставить вопросъ, зачѣмъ, отыскавъ литературный вліянія въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, мы спустились къ византійской поэмѣ „Х-го вѣка“ и къ славянской ея обработкѣ? Неужели мы предполагаемъ, что „Охоно“, это поэтическое произведение русскаго пѣвца, наполненное нашимъ, роднымъ, содержаніемъ, могло быть передѣлано византійской эпохи, воспѣвающей какого-то полуказочнаго боратыри?

На вопросъ, поставленный въ такой формѣ, мы конечно должны отвѣтить отрицательно; но дѣло шокуаетъ иной видъ, если мы поставимъ вопросъ более правильно. Мы исходимъ изъ убѣжденія, что авторъ „Слова“ былъ человекъ книжный, читераторъ XII-го вѣка, знакомый съ произведеніями духовными и светскими, перешедшими въ наше свидѣтельство изъ Византіи чрезъ Болгарію. Авторъ этотъ, обладавший замѣчательнымъ талантомъ, высокимъ чувствомъ красоты, сумѣшиль прославить

походъ близкаго ему князя Игоря противъ Половцевъ. Неужели этотъ авторъ, сынъ своего времени, воспитавшійся на иноземныхъ византійскихъ произведеніяхъ въ русской одеждѣ, дѣйствуя въ тѣ времена, когда вся наша молодая литература состояла изъ переводовъ и подражаній,—сохранилъ себя вдали отъ всякаго вліянія, отъ всякой реминисценціи прочтенныхъ книгъ? Не имѣя образцовъ, этотъ литераторъ создалъ и литературную форму и поэтическій языкъ, движимый исключительно личнымъ творчествомъ, наитіемъ свыше? Идея рука объ руку съ ходомъ культуры, наша литература всегда была подражательна, всегда отражала на себѣ чужеземное культурное вліяніе и единственное блестящее исключеніе представляетъ „Слово“, авторъ которого былъ однѣ самостоителенъ, однѣ безъ образцовъ создалъ то, чего не могли создать ни Шекспиръ, ни Шиллеръ, ни Байронъ, которые всѣ воспитались на образцахъ и вили свое въ унаследованныя формы.

Признаемся, что подобныя предположенія едва-ли могутъ быть вѣроятны для того, кто не допускаетъ скачковъ и чудесъ въ исторіи литературы и считаетъ аксіомой постепенность въ развитіи. Поэтому думаемъ, что, отыскивая образцы, которымъ могъ подражать авторъ „Слова“, мы доступаемъ научнѣе, нежели тѣ, которые считаютъ это произведеніе блестящимъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Понятно, что дѣло идетъ не о содержаніи „Слова“, а о формѣ, о поэтическомъ языкѣ т. е. о томъ, въ чемъ авторъ *mог* подражать другимъ.

Если мы обратили прежде всего вниманіе на поэзію о прекрасномъ Девгеніи, то отнюдь не въ убѣжденіи, что именно ее, а не другое произведеніе, взялъ авторъ „Слова“ себѣ образцомъ. Пушкинъ въ Евгениіи Онѣгінѣ не подражалъ *известному* произведенію Байрона, но все же изученіе этого поэта отразилось на русскомъ романѣ, и знакомство съ Байрономъ уясняетъ для историка литературы нѣкоторыя черты Пушкина. Съ такою же цѣлью остановились мы на одномъ характеристическомъ произведеніи Византіи X-го вѣка, перешедшемъ къ намъ черезъ Болгарію въ видѣ героической повѣсти и спрашиваемъ себя, не найдемъ ли въ Словѣ чего нибудь аналогичнаго ему?

Аналогію можно видѣть и въ общемъ характерѣ рассказа, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

Оба произведенія написаны съ цѣлью прославить известнаго героя, отличающагося военною доблестью. Содержаніе обоихъ состоитъ изъ описанія битвъ, прославленія мужества, при чемъ авторы прибѣгаютъ къ поэтическимъ сравненіямъ и уподобленіямъ. Оба — богаты картины природы и эта природа отражаетъ радость и горе человѣка, предрѣкаетъ усцѣхъ и бѣду. Въ обоихъ эпической рассказъ прерывается иногда, прямою рѣчью вла-

гаемою въ уста действующихъ лицъ, въ обоймъ вѣщіе сны предсказываютъ будущее. Припомнимъ отдельный мѣста:

Въ Словѣ Святославъ видитъ мутенъ сонъ и разсказываетъ его боярамъ; въ повѣсти такие сны характеристическая черта. Передъ прибытиемъ братьевъ за похищенной сестрою, Амиръ видить сонъ и разсказываетъ его кметямъ: три ястреба били его крылами и едва не убили. Эти три ястреба три брата похищенной девушки. Другой сонъ видитъ жена Амира или по византійской поэмѣ младшій изъ шурьевъ, когда за Амировъ пріехали сарацины: въ этомъ снѣ Амиръ является златокрылатымъ соколомъ, жена его голубкой, сарацины воронами.

Далѣе обратимъ вниманіе на употребительныя въ „Словѣ“ сравненія юдей съ соколами и воронами: се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола зата поискати града Тымуторокана; (Игорь) чолетъ соколомъ подъ мыглами, избивая гуси и лебеди; а ты буй Романе и Мстиславе!... высоко плаваешь на дѣло въ буести, яко соколь на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буестяхъ одолѣти; ни тебѣ чрѣный воронъ поганый половчине! Подобныя сравненія столь же обычны въ византійскомъ романѣ:

Въ пятой книгѣ¹⁾ читаемъ: подѣбно тому, какъ

¹⁾ Фт. 1264 слвд.

хороший соколь, высмотрѣвъ куропатку, бросается и охватываетъ ее, такъ юноша (Дигенисъ), разсѣявшіи враговъ (враговъ) въ бою. По словамъ *повѣсти*, братья, бросившіеся отыскывать сестру, поѣхали, яко златокрылые ястрѣбы¹⁾. Филипапа въ *повѣсти* называется Девдевія. златокрылатымъ ястрѣбомъ; три сарацина представляются черными воронами, какъ сила враждебная.

Замѣтимъ, что соколъ вошелъ въ поэтическія сравненія чрезъ любимую въ Византіи и на Руси соколиную охоту. Особенно цѣнились соколы *переливающие*, которые носили въ Византіи название *мутато* отъ латинскаго *mutatus* (*mutare*—мѣнять). Описывая, напримѣръ, охоту эмира съ сыномъ Дигенисомъ, поэтъ не забываетъ упомянуть, что охотники несли бѣлыхъ соколовъ уже перелинявшихъ (ιεράκια ἐβάστασον λευκά εχ τῶν μοιτάτων), и въ числѣ даровъ, принесенныхъ Дигенису тестемъ, не послѣднее мѣсто занимаетъ дюжина абацгійскихъ соколовъ *мутато*. Въ полную аналогию съ этимъ, находимъ въ Словѣ замѣданіе: *«Коли соколъ въ мытарѣ бываетъ, высоко птица вѣзвивается; не дастъ гнѣзда своего въ обиду»*¹⁾:

¹⁾ См. Du Cange, Gl. Lat. s. v. *muta*: *accipitrum morbus, gallis la muë; accipitres enim quotannis pennas mutant, vetusque spolium deponunt; quo tempore vehementer aegrotantiam usque ad periculum mortis. Muta—domuncula in qua includuntur fideones; cum plamæ... mutant... Mutat et quod securiorum est apud. Demetr.*

Въ „Словѣ“ Буй-туръ Всеволодъ обращается къ брату съ слѣдующими словами: „одинъ братъ, одинъ *свѣтлъ* ты, Игорю, оба есвѣ Свѧтъславичъ“. Въ этомъ эпитетѣ—*свѣтлъ*—не трудно узнать обычное ласкательное обращеніе въ Византіи, встрѣчающееся и въ „поэмѣ“ и въ „повѣсти“ весьма часто. „Сядь здѣсь, *свѣтлъ мой сладкій*—говорить Ди-генисъ женѣ—и посмотри, какого мужа имѣшь“ ¹). О дочь многолюбимая, *свѣтлъ моихъ очей* ²). „О *свѣтле*, *свѣтозарное солнце*, младой юноша!“—говорить кор-милица Стратиговны Девгенію. „О свѣтозарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній!“—такъ обра-щается къ богатырю побѣжденная Максимьяна.

Constant lib. 2. *Mutatus*—*accipiter mutatus*, qui *mutam evasit*, *μουτατὸς ἑράξ*. Средневѣковой латинскій охотничій терминъ вмѣстѣ съ соколиной охотой перешелъ въ ново-европ. языки:ср. нѣмец. *sich mausen* (*mutare pennas*), *die Mause*, или *Mause-Zeit*—*tempus mutationis plumarum*; *die Mause*—кѣтка, куда сажаютъ линяющихъ соколовъ, голланд. *muutep*=*mutare*, (Frisch—Teutsch-Lateinisches Wörterbuch 1741); франц. *тиег*, *тие*, по-слѣднее и въ значеніи кѣтки (Diez, Etymol. Wört. d. Roman. Spr. s. v.). Этотъ же терминъ, по мнѣнію Никлошича (см. Слов. с. ч., мыто), перешелъ въ слав. царичія: серб. *мутаритисе*—*рернас mutare*, русс. мыть и мыть—линянье. Отъ соколовъ терминъ могъ быть перенесенъ и на другихъ животныхъ: лошадь въ мыту (Даль).

1) V ст. 1257, αὐτοῦ καθόσι, φῶς μον. γλυκύ. καὶ βλέπε τίνα ἔγεις.

2) II 150, ω θύτατερ παιπόθητε, φῶς τῶν ἐρων ὀμβάτων.

Обычай называть царя *солнцемъ* былъ распространень въ Византіи и этотъ эпитетъ могъ перейти и къ русскимъ княжескимъ дворамъ. Если въ народныхъ пѣсняхъ Владіміръ носить постоянный эпитетъ „красное солнышко“, то конечно мы будемъ ближе къ истинѣ, сравнивая этотъ эпитетъ съ византійскимъ „свѣтозарное солнце (ἡλιε λαμπρότατε), нежели открывая въ немъ послѣдніе отголоски миѳического значенія князя, какъ солнечнаго бога¹⁾). Тотъ же почетный эпитетъ слѣдуетъ видѣть и въ Словѣ: чрѣнныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыти *4 солнца* (т. е. 4-хъ князей). *Два солнца* помѣркоста, оба багряная стѣна погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Свѧтъславъ тьмою ся поволокоста.

Какъ доселѣ всѣ наши титулы представляютъ *переводъ* иноземныхъ, такъ могло уже быть въ древней Руſи, ибо ничто не дѣйствуетъ такъ обаятельно на націю, воспринимающую культуру отъ другой, какъ внѣшній лоскъ, блескъ и этикетъ двора и пышность одежды.

¹⁾ Къ византійскому титулу сводить наше „красное солнышко“ Ягичъ, Archiv. I 160), при чемъ приводитъ изъ Carmina Graeca Medii aevi (Wagner'a) стихи:

δέσποτα πάντων δέσποτα τῶν ἡμερῶν αὐθέντης
τῆς Ρωμανίας ὁ ἥλιος χριστιανῶν τὸ χράτος...
«δέσποτα, πάντων δέσποτα» ἐβότι Φαρσαλέως
τῆς Ρωμανίας ἥλιος.

„Слово“ представляет много картинъ природы и всюду проглядываетъ желаніе автора приводить состояніе природы въ соотвѣтствіе съ состояніемъ людей. Когда русскимъ угрожаетъ несчастье, земля тутнеть, реки жутко текутъ, красавыя зари сеять погодиютъ, чрезвычайно тучи съ моря идутъ. Послѣ пораженіяничуть трава и салоцами, а древо с туюю къ земли преклонилось. Напротивъ, когда Игорь бѣжитъ изъ польши, зловѣщіе вороны не каркаютъ, галки умолки, сороки не трескотали и т. д. и т. д.

Ту же черту, то же стремленіе пользоваться картинами природы для выраженія состоянія духа людей или для предсказанія ихъ судьбы, находимъ и въ византійскомъ произведеніи. Братья снаряжаютъ младшаго для борьбы съ Амиромъ: „а гдѣ стоять братаничи, и на томъ мѣстѣ аки солище сіяеть; а гдѣ Амира царя крутигъ, и тамъ иѣсть свѣта, ани тьма темно“. Когда спровалась свадьба имира, земли радовались и размѣшили цветами, горы прыгали и скалы пѣли, реки задерживали бѣгъ отъ великой радости (V ст. 1376—1378).

Одушевляя природу, заставляя ее раздѣлять радость и скорбь людей, несѣть въведеніе въ свое произведеніе обращенія героевъ къ предметамъ видимаго міра. Ярославна обращается съ упреками къ вѣтру, къ Днѣпру и свѣтлому солнцу. Князь Игорь порицаетъ реку Стругу, уточнившую юношу Ростислава и восхваляетъ Донъ.

Такой же поэтический приемъ находимъ въ византийской поэмѣ. Какъ Ярославна упрекаетъ скрытое и тресвѣтлое солнце, за то что оно „простре горячую свою лужу на ладъ вои“, таѢ братъ, не находя трупа сестры, обращаются съ подобными же упреками къ тому же свѣту: „О солнце лучезарное, свѣтильникъ всей вселенной!“¹⁾ и т. д. (см. стр. 19).

Другая, характеристическая черта „Слова“ та, что действующія лица не только описываются, но какъ бы выводятся на сцену, эпической разсказъ прерывается часто рѣчами, обращеніемъ Игоря къ дружинѣ, разговоромъ между Всеволодомъ и Игоремъ, между княземъ Святославомъ и боярами, между Игоремъ и Дономъ, плачемъ Ярославны и т. д. Все произведение проникнуто драматизмомъ и это придаетъ ему необыкновенное оживленіе. Подобную манеру разсказывать, вводя въ разсказъ себестоящихъ рѣчи действующихъ лицъ, можно подметить русскій литераторъ XIII-го вѣка въ византийскихъ повѣстяхъ, въ возмущенный и вычурный поэтический языкѣ въ премныхъ рѣчахъ могъ отразиться и на языке нашево поэта. Тоже мати похищенной Амиромъ девушки, описываетъ свое горе сыновьями: Амиръ, говорить она, „урва ми сердеч-

¹⁾ Ӯлє ѿ Ӯларпәртәтә! фәштәр тәннәр тәй хәбәрчү ж. т. 1.

ное кореніе и унзѣ мя яко бездушную тростъ". Игорь говорить: „хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!“ Братья въ „повѣсти“ даютъ такой обѣтъ: „днемъ ся родили, днемъ ся мы и скончаемъся по повелѣнію матери своея, и главы свои положимъ за сестрицу свою“. Огорченный судьбою племянниковъ, Святославъ восклицаетъ: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати!“ Въ „повѣсти“ Амиръ, удерживая сына отъ опасной охоты говоритъ: „чадо! рано тебѣ о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити!“ и далѣе, предостерегая его отъ боя съ Филипапой, восклицаетъ: „чадо мое милое, преславный Девгеній! рано тебѣ въ сильную рать пхать: еще ты въ ратехъ не бывалъ“ и т. д. Обращенія, выражая порывы души, дышутъ какою то умилостью, которая была во вкусѣ того времени. Авторъ „Слова“ любить влагать въ уста дѣйствующихъ лицъ рѣчи жалобныя, сопровождаемыя слезами. Жены рускія *всплакаша* аркучи: уже намъ своихъ *милыхъ* ладъ ни мыслю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати; великий князь Святославъ „изрони злато слово слезами смѣшено“. Ярославна рано *плачеть* и стонеть будто кукушка и т. д. Подобными умилыми рѣчами наполнено и византійское произведеніе: мать причитываетъ о похищенной дочери, братья, мужественные воины, *пла-*

чутъ горькими слезами о сестрѣ, Амиръ съ плачомъ говорить съ будущими шурьями, когда они побѣдили его. Дигенисъ съ рыданіемъ причитываетъ на могилѣ матери: кто разлучилъ насъ, сладчайшая мать? кто срубилъ корень моей жизни? кто погасиль мой свѣтъ? кто лишилъ меня материнской ласки? Изреки мнѣ *сладчайшее слово*, возлюбленная мать! и т. д. (см. стр. 32).

Можно быть увѣрену, что будь эта византійская поэма извѣстна романтической школѣ, она открыла бы въ ней „перлы чистаго романтизма“. Не отыскивая этихъ перловъ, можно замѣтить однако, что авторъ писалъ во вкусѣ своего времени. Византійцамъ, пресыщеннымъ утонченностью столичной жизни, конечно должны были нравиться описанія природы, подвиговъ мужества и романическихъ приключеній *рыцаря* Дигениса, бродящаго съ своею ладой среди цвѣтушихъ рощъ, отдыхающаго на берегу ручьевъ и играющаго на лирѣ. Авторъ любить любовныя сцены, и если чувство Дигениса не можетъ назваться *обожаніемъ* дамы, и стоять ближе къ античной страстности, все же его любовныя похожденія разыгрываются при самой романтической обстановкѣ: цвѣтисты лугъ, дѣва у ручья, сладkie звуки лиры, красавица на бѣломъ конѣ, побѣжденная великолѣбнымъ рыцаремъ и т. п.

Понятно, что многія пикантныя черты были стерты въ славянской передѣлкѣ, порыбы чувства

замѣнены рѣчью умилльной и гласами ангельскими, любовь незаконная исключана во избѣжаніе соблазна, но все же и въ „Повѣсти“ осталось многое, что морда нравиться ицикнику мірянину, не затворишему сердце для нѣжныхъ чувствъ. Да статочно прочесть высоко-поэтическій плачь Ярославы, чтобы составить себѣ понятіе о взглядѣ автора на женщину. Не тѣмъ романтическимъ языкомъ говорила бы женщина подъ перомъ монастырского ицикника и слова ея, хотя и умилльныя, дышали бы скорѣе чувствомъ христіанскаго смиренія и преданности судьбѣ. Не съ молитвой къ Богу о возвращеніи *исторіи* обращается тоскующая жена: Ярославна, какъ влюбленная, просить Дибръ привѣять ея ладу, упрекаетъ солдата и выгры, награждая ихъ нѣжными эпитетами. Этотъ прелестный плачь свидѣтельствуетъ, конечно, не о двоечкѣ автора, какъ думаютъ обыкновенно, а о его изящномъ вкусѣ, и о томъ *мирскомъ и романтическомъ* настроеніи, которое не укладывалось въ молитву со славянскими текстами. Кажды рыцарь, Диogenисъ въ своихъ приложеніяхъ съ врагами часто возвращается мыслью къ дорогой женѣ — красавицѣ Евдокіи, таъ, по представлению автора „Слова“, должна была бы думать и русскій князь въ подобъ только крайнее увѣщаніе битвой, когда воинъ преодолѣваетъ ранами, заставляетъ Всеволода забыть „святые хоры, красные Глыбовы, свычай

и «бытия». Подвиги молодецкой художнице любовь — воть что всего больше хватало за душу нашего поэта; картины битвы и воспоминания о юдѣ, красавицѣ, поджидающей дома богатыря, возникали рядомъ въ его романтическомъ воображении. Тоже сантиментальное чувство подсказывало ему и измы речи русскихъ женъ, и яркий эпитетъ *милыхъ ладъ*, которымъ они называють отсутствующихъ мужей. Быть можетъ мы ошибаемся, но намъ эта *不可缺少*, проникающая женские образы „Слова“, представляется отголоскомъ византійской, синий, сантиментальности. Едва ли такое романтическое отношение къ женщинѣ составляло реальную, жизненную черту русского общества XII-го вѣка.

Но одно изъ главныхъ доказательствъ книжности „Слова“ слѣдуетъ видѣть въ его началь, въ обращеніи автора къ читателямъ, которыхъ онъ называетъ „братье“, въ воспоминаніи о пѣвцахъ древности Воянѣ и въ обозначеніи сюжета, имѣющаго составить содержаніе всего произведенія. Откуда, если не изъ византійскихъ произведеній и русскихъ подражаний этимъ произведеніямъ, могла явиться мысль начать „Слово“ этимъ освященнымъ вѣками литературнымъ приемомъ? Неужели авторъ случайно *повторилъ* классический *exordium*, эту необходимую принадлежность всякого эпического произведенія, утвержденную Гомеромъ, Виргилемъ и школой эпическихъ поэтовъ?

Въ *exordium* входило обозначение воспѣваемаго героя и обращеніе къ музѣ, которую въ „Словѣ“ замѣняетъ автору пѣвецъ Боянъ. Уже кн. Вяземскій (стр. 7) указалъ на книжность этого начала и привелъ аналогію ему въ одномъ изъ словъ Кирилла Туровскаго¹⁾). Мы же, отыскивая аналогій между византійскимъ романомъ и „Словомъ“ должны были бы указать ближе, гдѣ могъ авторъ „Слова“, конечно незнакомый съ Гомеромъ и Виргилиемъ, найти образецъ для своего запѣва. Къ сожалѣнію, повѣсть о Девгеніи безъ всякаго *exordium*'а прямо вводитъ читателя *in medias res*: Бѣ нѣкая вдова царскаго рода и т. д.; а начальная пѣснь византійской поэмы, *безъ сомнія* открывавшаяся обычнымъ началомъ, утрачена. Мы говоримъ *безъ сомнія*, имѣя достаточное основаніе: авторъ предполагаетъ краткое *exordium* всѣмъ книгамъ, и особенно подробное четвертой, съ которой собственно начинается біографія Диогениса, между тѣмъ какъ первыя три повѣствуютъ о его отцѣ

1) Якоже историци и вѣтія, рекше лѣтописцы и пѣснотворцы (замѣтимъ это книжное, отнюдь не народное имя, которымъ и авторъ „Слова“ называетъ Бояна) приклоняютъ своя слухы въ бывшай межу цари рати и вѣтыченія да украсятъ словесы и возобновиша муществовавшася храбро по своемъ, цари и недавъшихъ въ брани, племѧ врагомъ и тѣхъ славище похвалами вѣчаша; и колими паче намъ яко есть и хвалу къ хвалѣ приложити храбрымъ великимъ воеводамъ Божіимъ храбро подвизавшися по Свѣтии Божии, своеемъ Цари и Господѣ нашемъ Иисусъ Христъ.

емиръ. Это, сохранившееся вполнѣ, начало четвертой пѣсни позволяетъ намъ судить о характерѣ начала первой. Что же содержитъ оно?

- 1) Обращеніе къ читателю, который называется ласковымъ эпитетомъ ѿ фѣлтате—о любезнѣйшій!
- 2) Обозначеніе героя, имѣющаго быть воспѣтымъ.
- 3) Воспоминаніе о другихъ герояхъ — Ахиллѣ, Гекторѣ, Александрѣ, Филопаппѣ, Киннамѣ, Ioannикіи, которые, впрочемъ, на взглядъ автора, уступаютъ воспѣваемому имъ герою¹⁾.

Не находимъ ли въ этомъ всѣ черты начала „Слова“, за исключеніемъ Бояна?

Третью черту можно видѣть въ томъ, что и „Слово“ упоминаетъ о другихъ богатыряхъ—старомъ Ярославѣ, храбромъ Мстиславѣ, красномъ Романѣ,—хотя и не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ авторъ поэмы называетъ другихъ героевъ.

Но спѣшимъ оговориться, чтобы не подвергнуться обвиненію въ поспѣшности выводовъ. Намъ могутъ сказать, что эти аналогіи „Слова“ и поэмы необходимо ведутъ къ одному изъ двухъ предположеній: либо авторъ „Слова“ зналъ по гречески и читалъ поэму въ подлинникѣ, либо славянская передѣлка, бывшая у него подъ руками, во многомъ отличалась отъ известной намъ повѣсти о

---

¹⁾ См. выше страницу 22.

Древности и содержала то, что последний не соединить. Такое выражение было бы пустячно, если бы мы именно поэму «Диченц» считали образцем, которому следовал авторъ «Слова». Повторяю, что мы далеки отъ этой мысли. Все, въ чёмъ убѣждаютъ насъ вышеприведенные аналогии, только то, что византійское произведение въ славянской одѣї входитъ въ яругъ начитанности русского литератора, что подъ впечатліемъ знакомства съ нимъ и съ другими произведеніями того же рода, у него сложилась своя манера поэтизовать, свое понятіе о величествѣ, внесъ къ тому направлению, которое мы не умѣемъ характеризовать инымъ названіемъ кромѣ «романтизма». Относясь сознательно къ своему произведенію, обдумывая его планъ и подробности, онъ невольно черпалъ мысли, образы, выраженія, сохранившіеся въ запасѣ его памяти; но, переработанные душою поэта, эти мысли, образы и тѣмператія перестали для него быть чужими, иноземными, стали родными и свободно выливались изъ языка пера. Если можно картины и образы поэта называть «подражаніями», то эти подражанія были не рабскія, а бессознательныя, явившіяся какъ следы пролитыхъ книгъ. Начало «Слова» оно было построено по тому или другому образцу; но, обдумывая произведеніе, авторъ невольно пришелъ къ мысли, что ему слѣдуетъ создать патетическое вступленіе, и знакомство съ литератур-

ными приемами немедленно пришло на помощь: вступление вылилось въ формы уже готовыя.

Замѣтимъ еще одно свойство „Слова“, свидѣтельствующее о книжности его автора. Это его поучительность, явное желаніе автора, чтобы произведеніе его было назиданіемъ для современниковъ. Пораженіе Игоря даетъ ему полный просторъ представить бѣдственную картину Россіи, раздираемой междуусобіями князей; онъ упрекаетъ князей, возбуждаетъ ихъ къ единодушію, хвалить строителей земли, порицаетъ „кующихъ крамолу“. Всюду чувствуется глубокое убѣжденіе автора въ томъ, что произведеніе литературы должно быть назидательно, убѣжденіе, сложившееся конечно подъ влияніемъ литературы его времени и едва ли возможное въ безъискусственномъ народномъ рапсодѣ. Такой назидательности чужды наши народныя былины. Мораль во всѣхъ видахъ, въ проповѣдяхъ, въ житіяхъ, въ притчахъ, въ изреченіяхъ—составляетъ характерную черту нашей книжной словесности. Особенною популярностью пользуется мораль, заключающаяся въ притчахъ (Степанить и Ихнилатъ) и въ апоеегмахъ (Пчелы, Даниилъ Заточникъ, Менандъ Мудрый) и этими „моральными“ произведеніями снабжала нась въ изобилии византійская литература. Въ томъ же сборникѣ, где было найдено „Слово“ и повѣсть о Девгеніи, заключалась старинная сказка „Синагрипъ“, чир-

Адоровъ, Иналискія страны“, иначе „Слово о Акирѣ премудромъ“, извѣстная изъ Тысячи и одной ночи и содержащая рядъ поученій Акира пріемному сыну, выраженныхъ въ видѣ краткихъ изречений, обращавшихъ житейской мудрости; напримѣръ:

Чадо мое Анадаме, съ другомъ живи три годы,
а говори съ нимъ устны, а не сердцемъ.

Льстива человѣка бѣгай, а съ нечестивыми на
дорогу не ходи.

Лучше съ умнымъ великій камень поднять, нежели съ безумнымъ вино пить.

Аще умнаго человѣка послушающи, и то аки
сахару насладишися.

Лучше есть слѣпъ очима, нежели сердцемъ.

Лучше есть смерть нежели золь животъ.

Чадо, птица царь орёлъ и зло затворилъ (?).

Нелзѣ слѣпу храбру быти, ниже грѣшному по
смерти спастися.

Пьянь на конехъ не гоняй, и самъ тѣмъ храбръ
не чинись: мнози бо, чадо, отъ того безъ Божія
суда умираютъ, хмелемъ и т. д.

Назидательные изречения находились и въ автобиографии, а въ одномъ мѣстѣ Ипатьевской, подобное изречение приписано Омирю: „О лесть зла есть, якоже Омиръ пишетъ, до обличенія сладка есть, обличена же зла есть. Кто въ ней ходить конецъ золь, пріимаетъ; о злѣ зла зло есть“. Этимъ книжнымъ пристрастіемъ къ апоѳегматъ слѣдуетъ объ-

яснять и изречения, встречающиеся въ „Словѣ“. Какъ въ Ипатьевской летописи вышеупомянутое изреченіе приписано Омѣру, таинъ и автору „Слова“ приводить изъ Божія „примѣни“, которая можетъ быть примѣнена къ Всеславу: ни хитрѹ, ни го разду, ни итицу горазду, суда Божія не минути! ¹⁾ Бояну же приписано и другое изреченіе: „тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“, изъ котораго авторъ дѣлаетъ примѣненіе къ своему герою: руской земли безъ Игоря.

Конечно мы не можемъ указать источникъ, изъ котораго авторъ „Слова“ почерпнулъ оба изречения, но для насть достаточно и того, что любовь къ апоегмамъ и притомъ освященнымъ какимъ нибудь авторитетомъ, составляетъ характерную черту литераторовъ, какъ византійскихъ, такъ и ихъ славянскихъ подражателей. Ограничимся лишь однимъ примѣромъ изъ византійского романа. Видя озабоченность Дигениса, послѣ его первого свиданія съ Евдокіей, мать старается развѣдать причину и говоритъ: „что случилось съ тобою, дитя мое, что ты такъ огорченъ? Не ранилъ ли тебя звѣрь, не терзаетъ ли тебя страхъ или не околдовалъ ли тебя злой духъ, видя твое мужество? Какъ Гомеръ говорить въ своей книжѣ устами Ѹетиды

---

¹⁾ Извѣстно, что это изреченіе повторено въ одномъ изъ позднѣйшихъ списковъ Даниила Заточника: суда де Божія ни хитрууму, ни горазду не минути.

къ сыну ея Ахиллесу: проговори, не скрывай въ умѣ, дабы мы знали оба, ибо тотъ, кто скрываетъ печаль, мучится отъ нея. Или какъ кто-то изъ мудрецовъ сказалъ: умъ встревоженный есть червь гложущій кости. Есть и другая пословица, которая гласитъ: цвѣтеть тѣло смертнаго изгоняющаго заботы“.

Глава четвертая.

Всѣ приведенные выше аналогіи между „Словомъ“ и книжными произведеніями, имѣли цѣлью выяснить точку зрењія, съ какой слѣдуетъ смотрѣть на это произведеніе XII-го вѣка. Если въ читатель возникло сомнѣніе въ правильности взгляда, по которому авторъ „Слова“ былъ неграмотнымъ пѣвцомъ дружинникомъ, наша цѣль уже достигнута отчасти. Но нельзя ли ближе подойти къ нашему автору? Если онъ былъ знакомъ съ духомъ и направлениемъ литературы своего времени, если онъ усвоилъ себѣ приемы византійской повѣсти, то это вліяніе было не непосредственное, оно шло чрезъ юго-славянскую среду, которая должна была оставить свою окраску, пересыпая византійскія произведенія на русскую почву. Поставщицей византійскихъ произведеній, уже передѣланныхъ, была въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ для насъ Болгарія, въ которой соприкосновеніе съ образованностью

Византії вызвало бойкую литературную жизнь въ X-мъ вѣкѣ. Изъ болгарскихъ книгъ черпали наши предки свои свѣдѣнія о мірѣ и его чудесахъ, о подвигахъ и странствіяхъ героевъ древности, о мудрости житейской, о звѣряхъ и чудныхъ птицахъ, о древнейшей исторіи, словомъ, всѣ свѣдѣнія, которыя могли удовлетворять пытливости ума и дѣйствовать на воображеніе. Г. Пыпинъ¹⁾ приводитъ любопытную выписку изъ белорусского перевода Іоанна Дамаскина, находящуюся въ заключеніи статьи о ересехъ. Переводчикъ или переписчикъ счелъ не лишнимъ прибавить отъ себя небольшое разсужденіе, гдѣ говорится между прочимъ: „у насъ ани десятая части книгъ учителей нашихъ старыхъ не преведено лѣнности ради и нерадѣнія властелей нашихъ, бо нынешнего вѣку мнящіеся учители—грѣхъ нашикъ ради—большею *въ болгарскіе басни*, або паче въ басніе бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителяхъ разумехъ наслаждаются“.

Спрашивается, не отразилось ли и на „Словѣ“ вліяніе болгарскій басенъ или, вѣрѣю, не сохранилось ли оно какихъ нибудь слѣдовъ, указывающихъ на то, что обращами ему служили византійскія произведения, воспринявшія болгарскую окраску.

¹⁾ Стр. 142.

Нечего и говорить, что подобные слѣды можно искать не въ исторической части „Слова“, а только въ томъ, что можетъ быть вообще названо замыслениемъ Бояна, въ томъ, что самъ авторъ ставитъ себя образцомъ для подражанія, хотя и даетъ слово слѣдоватъ былинамъ своего времени. Къ этимъ замысленіямъ относится вся миѳология Слова и нѣкоторые темные намеки на какого-то Трояна, на дѣву Обиду, на дива и нѣк. друг.

Рассмотримъ отдѣльныя мѣста.

Выше мы уже высказали сомнѣніе въ языческомъ міровоззрѣніи автора „Слова“. Для насъ авторъ христіанинъ, не признающій языческихъ боговъ и упоминающій имена ихъ съ такимъ же намѣреніемъ, какъ поэты XVIII-го вѣка говорили объ Аполлонѣ, Діанѣ, Парнассе, Пегасѣ и т. п.

Дѣйствительно не трудно убѣдиться, что имена божествъ служатъ автору, какъ украшающіе эпитеты, и что съ ними не соединяется никакого миѳического представленія.

Даждь-богъ. 1) Тогда, при Олаѣ Гориславичи, съяшется, растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-божа внука въ княжихъ крамолахъ, вѣди человѣкомъ скратишаъ ¹⁾). 2) Въстала обида въ

---

¹⁾ Извѣстно, что мѣсто это повторено въ харатьиномъ списѣ Апостола XIV в. Син. Библіотеки, въ приписѣ переписчика: Сего же лѣта бысть бой на русской земли. Михаилъ съ Юрьемъ о княжение Новгородское. При сихъ князехъ съяшется и ростяще оусо-

силахъ Дажь-божа внука, вступила дѣвою на землю Троянию, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи.

Въ этихъ обоихъ мѣстахъ нѣтъ ничего, что бы свидѣтельствовало о вѣрованіи автора въ Дажь-бога; нѣтъ ни одной черты, которою бы характеризовалось это божество. Жизнь Дажь-божа внука и силы Дажь-божа внука ничто иное, какъ поэтическая метонимія вмѣсто *жизни князей и сила князей*. Если имя божества употребляется какъ epitheton ornans, то едва ли поэтъ, употребляющій этотъ эпитетъ, вѣритъ въ его реальность. „Боговидный“, „рожденный отъ бога“ и тому подобныя прилагательные употреблялись древними поэтами, какъ эпитеты храбрыхъ витязей и только въ рѣдкихъ случаяхъ эти эпитеты находились въ связи съ какимъ нибудь народнымъ преданіемъ о происхожденіи героевъ отъ боговъ.

Изъ обоихъ мѣсть „Слова“ у насъ дѣлались весьма произвольные выводы. Говорили, что подъ внукомъ Дажь-бога слѣдуетъ разумѣть русскій народъ и что слѣдовательно на Руси было преданіе о происхожденіи Русскихъ отъ Дажь-бога¹⁾). Никакихъ иныхъ доказательствъ существованія подобной генеалогіи

бицами. Гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человѣкомъ.

1) Этотъ выводъ принимаетъ безъ проверки и Крекъ, *Einleitung in die Slav. Literaturgeschichte*, I р. 103.

на Руси не нашли и она исключительно зиждется на этихъ мѣстахъ „Слова“.

Но такой легенды нельзя указать въ древній-шихъ вѣрованіяхъ индоевропейцевъ: никогда, насколько мы знаемъ, не было въ древности распространено мнѣніе о равенствѣ между людьми: всегда и всюду была аристократія и плебеи. Происхожденіе отъ божества всегда было привилегіей царей, князей, предводителей, властителей и вообще аристократіи, низшія же сословія, масса народа, никогда не изъявляли притязаніе на такихъ высокихъ предковъ. Отъ связей Зевса или Аполлона съ смертными женами вели свою генеалогію многіе знатные роды Греціи, но отнюдь не вся нація Эллиновъ.

Поэтому нельзя думать, чтобы когданибудь русские Славяне создали преданіе о своемъ „солярномъ“ происхожденіи. Но помимо этого общаго возраженія, разбираемое толкованіе не согласно и съ текстомъ „Слова“. Достаточно прочесть нѣсколько предшествующихъ строкъ, чтобы решить, кого разумѣть авторъ подъ внукомъ Дажь-бога. „Уже братіе невеселая година вѣсталася, уже пустыни силу (т. е. войско Игоря) прикрыла; вѣсталася обида въ силахъ Дажь-божа внука“, т. е. бѣда поразила (военные) силы князя внука Дажь-бога. Въ другомъ мѣстѣ стоять рядомъ „жизнь Дажь-божа внука“ и „вѣщи человѣкомъ“ и конечно здѣсь не тождество. Здѣсь изображаются бѣствія, причиняющія

междоусобіями: тогда съялисъ и созрѣвали сѣмена раздора, погибало бѣгатство (жизнь) князя въ княжихъ крамолахъ и сокращался вѣкъ простыхъ людей¹⁾.

Итакъ внукомъ Дажь-бога называется князь. Спрашивается, создалъ ли авторъ эту генеалогію, или взялъ ее изъ народныхъ преданій, или наконецъ изъ замысленія Бомна? Для насъ вѣроятнѣе послѣднєе, ибо рядомъ съ внукомъ Дажь-бога упоминается земля Трояни, которая, какъ увидимъ ниже, несомнѣнно восходитъ къ замысленіямъ Бояновымъ. Неужели могъ авторъ, человѣкъ начитанный и близкій ко двору, знаяшій столькихъ князей и конечно ихъ генеалогію, серьёзно думать, что предкомъ нашихъ князей былъ не Рюрикъ, Олегъ, Святославъ и Владимиръ Святой, а солнечный богъ Дажь-богъ? Для насъ покрайней мѣрѣ это совершенно невѣроятно и въ такомъ эпитетѣ князя мы не видимъ миѳологіи, какъ не находимъ ея въ выше-приведенныхъ княжескихъ титулахъ *свѧтыи соплемъи и сопливъ*. Никто не отрицаетъ того, что Дажь-богъ

---

1) „Жизнь“ употребляетъ авторъ „Слова“ въ значеніи „богатства, обилія, имущества“ ер. жиръ и слова: Ирославе и вси виуще Всеславли! уже помизите стязи свои... уще бо выскочисте изъ дѣдней славы, вы бо своими крамолами начисте наводити поганыя на землю русскую на жизнь Всеславлю, т. е. на богатство, на удѣлы вашего покойного дѣда Всеслава. Понятіе жизнь (*βίος*) передается словомъ „животъ“, на тоцъ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла.

было именемъ солнечнаго божа¹); следовательно внукъ Дажь-бога значить потомокъ солнца, солнцеродный. Этотъ эпитетъ соответствуетъ византійскому ἡλιογέννυτος—рожденный солнцемъ и заключаетъ не больше миѳологии, нежели послѣдній въ византійскомъ романѣ о Дигенисѣ („солнцеродно“ называетъ напримѣръ Дигенисъ свою жену²) или эпитетъ *свѣтозарное солнце*, которымъ въ „Повѣсти“ чествуютъ прекраснаго Девгения.

Замѣтимъ мимоходомъ, что если бы для автора „Слова“ Дажь-богъ или Хорсъ былъ солнечнымъ богомъ, отчего Ярославна, обращаясь къ солицу, не называетъ его этими именами? Отчего она восклицаетъ „свѣтлое и тресвѣтлое солнце!“ а не „свѣтлый Дажь-боже!“ Конечно потому, что авторъ христіанинъ не считаетъ солнце богомъ и чувствуетъ предѣль, у которого поэтическій языкъ долженъ остановиться. Христіанскія понятія не дозволяли ему назвать прямо солнце богомъ, хотя его христіанскому чувству не противорѣчило назвать князя *солнцероднымъ*, какъ не противорѣчило этотъ титулъ и понятіямъ христіанѣйшихъ византійскихъ писателей.

---

¹) Солнце его же наричаютъ Дажь-богъ.... Солнце царь, сынъ Свароговъ еже есть Дажь-богъ, бѣ бо мужъ силенъ. Ипат. лѣт.

²) VII, ст. 2019: ἦ δὲ ἡλιογέννυτος ἀφυω ἰδεῖσα τούτους κτλ.

Здѣсь мы не можемъ удержаться отъ другаго предположенія.

Свидѣтельства книжной литературы о нашихъ русскихъ божествахъ въ высшей степени скучны. Мы знаемъ только, что на Руси хорошо извѣстны были имена Перуна и Волоса. Другія имена за-свидѣтельствованы весьма плохо и въ томъ числѣ Дажь-богъ. Нѣтъ основанія сомнѣваться, что послѣдній былъ *славянскимъ* божествомъ, но и нѣть прямыхъ указаний за то, что онъ былъ *популярнымъ* *русскимъ* именемъ солнечнаго бога. Это имя помимо „Слова“ и Несторовой лѣтописи упоминается въ одномъ мѣстѣ лѣтописи Ипатской во вставкѣ изъ греческой хроники Малалы. Дажь-богъ переводъ греческаго *Ἥλιος*. Составитель русской лѣтописи пользовался не греческимъ текстомъ византійскаго хронографа, а его славянскимъ, болгарскимъ, переводомъ, и Дажь-богъ по всей вѣроятности долженъ быть отчисленъ на счетъ этого греческаго перевода, относимаго къ X-му вѣку, когда языческія вѣрованія были еще свѣжи у Славянъ. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появление Дажь-бога въ „Словѣ?“

„Внукъ Дажь-божъ“ могло быть болгарской передачей византійскаго эпитета, приданаго въ какомъ нибудь византійскомъ произведеніи какому нибудь миѳическому или историческому лицу. Дажь-богъ былъ представленъ на мѣсто Геліоса или Феба.

Въ свою очередь авторъ „Слова“, найдя өтотъ өпитетъ въ болгарскомъ произведеніи, воспользовался имъ, не отдавая себѣ въ немъ отчета и украсилъ имъ своихъ князей.

Здѣсь мы уже прямо видимъ безотчетное заимствованіе и надѣемся подтвердить это объясненіе другими данными.

Велесъ. Чили вѣспти было, вѣщай Бояне, Велесовъ енуче. Здѣсь снова видимъ, что авторъ воспользовался именемъ языческаго божества, какъ украшающимъ өпитетомъ. Какъ герой его поэмы называется внукомъ Дажь-бога, такъ пѣвецъ Боянь, идеалъ автора, называется внукомъ Велеса. Нежели и здѣсь авторъ взялъ название божества на прокатъ изъ какого нибудь болгарского произведения, хотя божество өто хорошо известно на Руси?

Дѣйствительно, это предположеніе кажется намъ вѣроятнѣе, нежели другое, что авторъ повторилъ русское народное убѣжденіе въ происхожденіи Бояна отъ Велеса, скотія бога.

Обратимъ вниманіе на самую форму имени. Какъ относятся между собою формы Велесъ и Волосъ? Отвѣтъ находимъ немедленно, лишь только заглянемъ въ тексты, сохранившіе ту или другую форму. *Русская* форма, известная русскому лѣтописцу не Велесъ, а Волосъ. Олегъ и дружина его клялись въ Перуномъ богомъ своимъ и *Волосомъ* скотіимъ богомъ“ (подъ годомъ 907); Русскіе при Святославѣ,

заключая миръ говорили: да имъемъ клятву... въ Перуна и въ Волоса, скотія бова. (971); монахъ Яковъ говорить, что по возвращеніи Владимира изъ Корсуни въ Кіевъ, идолъ Волоса сташили въ рѣку Почайну.

Съ другой стороны *Велесъ* упоминается въ Хожденіи Богородицы по мукамъ, известномъ по рукописи XII вѣка, произведеніи болгарского происхождения, хотя рукопись и русского правописанія. *Хожденіе* имѣть тѣмъ большее значеніе для насъ, что въ немъ, какъ известно, найденъ былъ и богъ Троянъ, сближенный съ темнымъ Трояномъ „Слова“: „иъ забына бога и вѣроваша юже ны бѣ тварь богъ на работу створиша, то они все богы проаваша солнце и мъсяцъ, землю и воду, звѣри и гады, то сетьнѣе и человѣчъ окамената утрія“¹⁾ Трояна, Хѣрса, Велеса, Перуна на богы обратиша“²⁾). Форма *Veless* и *Velles* встречается еще въ *Mater Verborum* и въ *Житіи Авраамія Ростовскаго*. Не касаясь этимологіи имени Велеса, замѣтимъ, что фонетическое отличіе обѣихъ формъ сводится къ известному пристрастію русскихъ славянъ къ о вместо е, являющаго въ соотвѣтствующихъ словахъ въ другихъ славянскихъ на-

¹⁾ Мѣсто испорченное; вѣроятно было человѣческа имена.

²⁾ См. Тихонравова—Памятники отреченнй русской литературы, II 23. Дринова—Заселеніе балканскаго полуострова славянами, 76. Archiv f. Slav. Philol. I 127.

рѣчіяхъ. Всего замѣтнѣе это явленіе въ началѣ словъ: олень=елень, Олена=Елена, озеро=езеро, Остапъ=Евстафій, Овдотья (Андотья)=Евдокія, одинъ=единъ, одва=едва и т. д. ¹⁾). Но къ той же категоріи явленій фонетики принадлежитъ и о вм. е въ срединѣ словъ: бобръ и бебръ, волотъ и велеть, полынь и пельнь, Волосъ и Велесь. Хотя во всей строгости и нельзя провести это явленіе въ нарѣчіяхъ и говорахъ русскаго языка, однако въ некоторыхъ случаяхъ сами памятники, въ которыхъ является та или другая форма, позволяютъ намъ отличить русскую съ е отъ церковно-славянской съ ё. Указанное отличіе подтверждается и топографическими названіями. У южныхъ славянъ находимъ гору Велесь въ Босніи, городъ Велесь въ Болгаріи; у вѣсъ встрѣчаемъ Волосовъ яръ въ винницкомъ повѣтѣ, село Волосово и станцію по Балтійской желѣзной дорогѣ, Волосову улицу въ Новгородѣ, Волосовъ-Никольскій монастырь (Влад. губ. и уѣзда), [упоминаемый въ Актахъ XIV-го вѣка].

Если наше соображеніе вѣрно, является вопросъ, почему авторъ „Слова“, конечно хорошо знакомый съ русской формой Волосъ, которая употребляется

¹⁾ См. Miklosich — Vergl. Lautlehre, 1852, p. 376; Буслаевъ — Ист. Грам. § 26, 3 б. Колосовъ — Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. языка, стр. 15. Потебня — къ исторіи звуковъ русскаго языка. Филолог. Зап. 1876. I, стр. 17.

въ лѣтописи и была въ живой памяти народа¹⁾), употребилъ форму книжную, болгарскую? Вѣроятно потому, что нашелъ ее въ замысленіи Бояна, кѣ-
торый самъ называется Велесовымъ внукомъ. От-
куда Боянъ, оттуда и Велесъ, а гдѣ искать первого
увидимъ ниже. Но почему именно Волосъ выбранъ
въ праотцы пѣвцу Бояну? Иаслѣдователь значеніе
Волоса въ нашей миѳологии завело бы насъ слиш-
комъ въ сторону отъ нашей задачи. Замѣтимъ
только, что мнѣніе Аѳанасьевъ о тождествѣ Волоса
съ громовникомъ Перуномъ намъ кажется неосно-
вательнымъ²⁾ и что это божество по всей вѣроят-
ности сооствѣствовало богу *пастырю*, солнечному
Аполлону (*ѹбмос*), известному музыканту, предво-
дителю хора музъ³⁾. Въ Греціи всѣ поэты считали
себя подъ покровительствомъ бога музыканта и
многіе пѣвцы древности возводили свой родъ къ

---

1) Вспомнимъ обычай въ южной Россіи завивать Волосу бороду
во время жатвы; обычай; соплюдаемый еще досель и конечно тѣмъ
болѣе соплюдавшійся въ XII вѣкѣ.

2) Поэт. Воззрѣнія I. 694 слвд.

3) Мы раздѣляемъ мнѣніе, высказанное пр. Срезневскимъ еще
въ 1846 г. о солнечной природѣ Велеса. Велесова страна гдѣ-то
за моремъ, куда погружается солнце. У Чеховъ говорится: *zalet' t
n'kam za moře k Welesu* т. е. пропасть невѣдомо куда. Вацерадъ
сравниваетъ Велеса со скотицмъ богомъ Паномъ: *Weles, veless' pan,
ymago hircina* 237. *Weles, pan primus calamos cera conjungere
plures instituit; pan curat oves oviumque magistros* 238. (См. Ж.
М. Н. Пр. часть LI отд. II стр. 52)

жему (Орфей, Линъ). Въ состязаніи Гомера и Гесіода потомкомъ Аполлона называется первый поэтъ.

Думаемъ, что въ томъ-же смыслѣ, какъ въ наше время поэтъ назывался внукомъ Аполлона, называется и Боянъ внукомъ Велеса. Приравненіе Аполлона Велесу, славянскому богу, возможно было у тѣхъ Славянъ, которые по близкимъ сношениямъ съ Византіей, сохранившей еще многія классическія преданія, были знакомы съ греческой миѳологіей. Такими Славянами были безъ сомнѣнія Болгаре и если болгарскій переводчикъ Малалы могъ сопоставить греческаго Геліоса съ Даждьбогомъ, то вѣроятно нашелся и другой, который не затруднился классическій титулъ поэта—внукъ Аполлона—передѣлать согласно съ славянской миѳологіей во внука Велеса. Этотъ ославяненный титулъ въ его болгарской формѣ авторъ „Слова“ перенесъ и въ свое произведеніе, почерпнувъ его въ томъ же, намъ неизвѣстномъ, источнику, гдѣ онъ нашелъ Даждьбожа внука, Бояна, Трояна, дива, дѣву обиду и друг.

Хорсъ. „Всеславъ князъ людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влькомъ рыскаше. Изъ Киева дорискаше до туръ Тиуторокая, великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше“.

Личности князя Всеслава придаетъ авторъ Слова замѣтный миѳической колоритъ, Слухъ у него также, что изъ Киева онъ сдышилъ звонъ заутреніи.

въ Полоцкѣ, а быстрота Ѣзды такова, что онъ обгоняетъ солнце и, выбѣжавъ ночью изъ Киева, раньше солнечнаго восхода прибѣгаетъ въ Тмутаракань. Очевидно, всѣ эти черты относятся къ области поэтической гиперболы, которою авторъ пересыпаетъ исторические факты изъ жизни Все-слава. Очевидно, что передъ авторомъ носится не воспоминаніе о дѣйствительномъ историческомъ лицѣ, а о какомъ то вѣщемъ богатырѣ, въ родѣ Вольги Святославича.

Въ этой связи, среди поэтическихъ гиперболъ, находимъ мы Хорса, миѳологическое имя солнца, и этого то бoga богатырь обгоняетъ въ бѣгѣ. Очевидно, что богъ, обгоняемый смертнымъ, уже пересталъ быть божомъ (хотя и названъ „Великимъ“) и упоминается ради поэтическихъ цѣлей. Чтобъ герой могъ состязаться со свѣтиломъ, нужно чтобъ это свѣтило было олицетворено и поэть естественно, по общему свойству своихъ собратій, прибѣгнуль къ миѳологии и предиочель ими *хорсъ* именіи *солнце*. Труднѣе другой вопросъ, выбралъ ли авторъ этого бoga самостоительно, или нашелъ его тамъ же, гдѣ Велеса и Даждьбога. Хорсъ, повидимому, быдь такъ же извѣстенъ у насть, какъ и Болгарамъ¹⁾),

1) Ср. *рожденіе Богородицы* (выше) и *Слово и Откровеніе святыхъ Апостолъ*. — Древности. I Археол. Словарь стр. 13. Лѣтоп. Русс. Лит. V, Отд. II, 5. Ж. М. И. Пр. 1846 VII 49—51. II 31—37. Аѳанасьевъ—Поэт. Воззр. III 538. Член. Общ. Ист. и Др. II кн. 2.

хотя, быть можетъ, и не бытъ исконнымъ славянскимъ именемъ солнечнаго бога, а заимствованъ Славянами съ востока (ср. зенд. hvare khšaeta; пехлевійск. .kharséti, парсійск. qarséti, новоперсид. khvaršéd). Все же въ виду болгарской формы Хрѣзъ въ „Словѣ“ (а не русской Хърсъ или Хорсъ) и окружающихъ словъ, отзывающихся болгарщиной, мы болѣе склонны думать, что этотъ богъ также занесенъ книжнымъ путемъ и авторъ не нашелъ нужнымъ передѣлать его имя по русскому выговору.

Для самаго факта, — что богатырь перегоняетъ солнце,—считаемъ не лишнимъ привести одну болгарскую *коллскую* пѣсню, сохранившую хотя и въ новыхъ формахъ весьма древнее, быть можетъ, преданіе. Беремъ ее изъ изданія Безсонова II, 5 слѣд.

Похвалился добрый юнакъ,—
Ей Коледо мой, Коледо !)—
Вчера вечеромъ на посидѣлкахъ,
Передъ парнями и передъ дѣвками,
Что есть у него добрый конь,
Что перегонить онъ ясное солнце.
Услышала его солнцева сестра,
Солнцева сестра, красавица,
И говоритъ брату:

---

¹⁾ Принѣвъ послѣ каждого стиха; Коледа—праздникъ Р. Кр.

„Леле варе¹⁾), солнце-братецъ!
Похвалился добрый юнакъ,
Вчера вечеромъ на посидѣлкахъ,
Спозаранку на кладенцѣ,
Передъ парнями и дѣвками,
Что есть у него добрый конь,
Что перегонить онъ ясное солнце“.
Солнце сестрѣ отвѣчаетъ:
Леле варе, милая сестра!
Иди къ нему и скажи,
Чтобы онъ шелъ ранымъ-рано,
Чтобъ онъ шелъ туда далеко,
Туда далеко, на востокъ,
Чтобъ мы оба перегонялись;
Если меня онъ перегонитъ,
Пусть возьметъ мою милу сестру,
Еслижъ я его пѣрегоню,
То возьму у него добра коня.
Подоспѣла солнцева сестра
Ранымъ-рано на кладенецъ,
Нашла доброго юнака
И тихо ему говорила:
„Леле варе, добрый юнакъ!
Осѣдлай ты доброго коня,
И иди туда далеко,

---

¹⁾ Междометія, употребляемыя въ пріпѣвахъ и обѣщаніи съ родными.

Туда далеко, на востокъ,
Перегони ясное солнце,
Возьми у него милу сестру,
Милу сестру красавицу“.
Послушалъ ее добрый юнакъ,
Вскочилъ на доброго коня,
Отправился на востокъ
И оба они погнались.
Пока солнце дошло до обѣда,
Добрый юнакъ ровно на полдень ¹⁾).
Закликало ясное солнце:
Стой, подожди, добрый юнакъ,
Тутъ меня прямо у полудня,
Подъ стволистымъ орѣшникомъ.
Соскочилъ добрый юнакъ,
Воткнулъ копье, привязалъ коня,
Легъ и захрапѣлъ.
Миновало его ясно солнце,
Миновало прямо полдень
И достигаетъ уже икиндію ²⁾)
А юнакъ крѣпко спить.
Конь его ржетъ ³⁾), ногою бьетъ:
Встань, встань, добрый юнакъ!
Потерялъ ты доброго коня.

¹⁾ Время обѣда обыкновенно раньше полудня у Болгаръ.

²⁾ Турец. икиндит — третья молитва между полднемъ и закатомъ солнца.

³⁾ Цвилли.

Юнакъ встаетъ пути сбираетъ,
Пути сбираетъ, слезы роняетъ.
Добрый конь говоритъ:
Молчи, молчи, добрый юнакъ!
Сунь руку въ пазуху
И вынь тонкіе платки,
Перевяжи черныя очи,
Черныя очи, удашое сердце,
Чтобы лѣсь ихъ не задѣль.
Пока солнце на заходѣ,
Добрый юнакъ солнцу въ ворота.
Встрѣтила его солнцева сестра,
Солнцева сестра, красавица,
Прихватила его доброго коня
И проводитъ его по двору ¹⁾).

Пѣсня содержитъ, повидимому, какую то миѳологическую подкладку. Отношения между *солнцемъ* его сестрою и людьми-богатырями затрагиваются, во многихъ болгарскихъ пѣсняхъ.

¹⁾ Пѣсня оканчивается обращеніемъ колядующихъ къ хозяевамъ:

На здравіе тебѣ, хозяюшка!
Отъ Бога тебѣ много здоровья!
Сколько здравецъ ¹⁾ по планинѣ,
Столько здравья въ этомъ домѣ,
Въ этомъ домѣ, въ этой дружинѣ,
По дружинѣ, по людямъ.
Вамъ здравіе и на ваши сиотъ!
Ей Колядо мой, Колядо!

¹⁾ Игра словъ: здравецъ—растеніе амарантъ.

Какъ украшающій эпитетъ вѣтровъ употреблено въ „Словѣ“ выраженіе „Стрибожи внучи“. Объ этомъ славянскомъ Эолѣ ничего неизвѣстно, кромѣ имени и нѣтъ основанія думать, чтобы авторъ „Слова“ зналъ о немъ, болѣе чѣмъ мы. Замѣтимъ, что въ плачѣ Ярославны при обращеніи къ вѣтру поэты миновали этотъ эпитетъ, и, называя вѣтръ *господиномъ*, не счелъ возможнымъ назвать его богомъ. Причину мы предположили выше.

Странно, что авторъ, перебравшій въ своемъ произведеніи четырехъ языческихъ божествъ — Даждьбога, Велеса, Хрѣса, Стрибога — нигдѣ не обронилъ ни слова о самомъ главномъ русскомъ богѣ, которымъ прежде клялись русскіе язычники, о громовнике Перунѣ. Нельзя же думать, чтобы этотъ богъ былъ ему неизвѣстенъ. Для объясненія этой странности можно предположить лишь то, что авторъ не нашелъ Перуна въ болгарскомъ источнике, изъ котораго черпалъ свою миѳологію.

Дивъ. „Дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣй. — Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеся дивъ на землю“. Кажется со времени Дубенскаго большинство комментаторовъ колеблется въ выборѣ для слова *дивъ* между двумя значеніями — иочной птицы, удода и какого то миѳического существа. Хотя первое значеніе и могло бы подойти къ первому

мѣсту—дивъ кличетъ врѣху древа,—но едва ли оно подходитъ ко второму. Когда авторъ упоминаетъ неблагопріятныя знаменія природы, онъ рисуетъ обыкновенно рядъ картинъ, потому что для него важно, чтобы всѣ предметы природы — деревья, вѣтры, звѣри, птицы—выражали одно и тоже предчувствіе бѣды. „Игорь къ Дону вои ведеть: уже бо бѣды его пасеть птицъ по добію, вѣщи грозу вѣсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисицы брешутъ на чрѣленыя щиты“. Но въ нашемъ мѣстѣ—врѣжая дивъ на землю—такихъ картинъ изъ царства звѣрей нѣть, и упоминовеніе *о птицѣ, почему то бросившейся на землю*, было бы неумѣстно. Итакъ *дивъ* не зловѣщая ночная птица, а какое то миѳическое существо. Каковы же его свойства? Оно живеть въ лѣсу, на вершинахъ деревьевъ и летаетъ надъ землею, какъ злой духъ. Это существо пагубное, злое и, спускаясь на землю, среди людей, причиняетъ бѣду. Послѣднее ясно изъ обстановки, при которой *дивъ* бросился на землю: тогда позоръ смѣнилъ славу и бѣствіе вырвалось на волю. *Дивъ* и по имени и по миѳической роли живо напоминаетъ персидскихъ *дивовъ*, злыхъ духовъ Шахнаме, и восходить къ дѣвамъ (*daêva*), упоминаемымъ уже въ Зенда-вестѣ. По корню, какъ извѣстно, слово дивъ тождественно съ индоевропейскими названіями бога—*deus*, литов. *dëwas*, санскрит. *deva* и означало

первоначально существо свѣтлое (корень *div*—свѣтить), а не демоническое. Переходъ отъ значенія свѣтлого бога къ демону произошелъ на почвѣ Эрана, вслѣдствіе религіозной реформы, низведшей нѣкоторыхъ древнихъ народныхъ боговъ на степень злыхъ духовъ—процессъ часто повторявшійся въ исторіи религій. Замѣчательно, что у Славянъ, такъ же какъ у Эранцевъ, *dīw* имѣлъ значеніе демона, между тѣмъ какъ у Литвы, столь близкой къ Славянамъ націи, *dēwas*, слово вполнѣ соотвѣтствующее диву, означаетъ бога.

Туже противоположность находимъ въ другомъ важномъ имени—богъ. Большинство индоевропейскихъ народовъ имѣютъ название, происходящее отъ первоначального корня *div*. Эранцы и Славяне взяли для этого понятія другой корень, первоначальное *bhag*—чтить: др. персид. *baga* *Aura-*
mazdā—богъ Ормуздъ въ клинообразныхъ надпи-
сахъ Ахеменидовъ, слав. богъ. Литовцы снова рас-
ходятся съ самымъ близкимъ имъ народомъ: богъ
у нихъ *dēwas* и славянское название совершенно
неизвѣстно. Этотъ важный фактъ языка указы-
ваетъ повидимому на какое то древнее религіоз-
ное вліяніе эранскихъ вѣрованій на Славянъ (ср.
Хорсъ и перс. Хуршидъ), вліяніе вполнѣ понятное
по географической близости обоихъ племенъ и
замѣтное въ нѣкоторыхъ фактахъ языка и миѳо-
логіи. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ

трудномъ и почти не початомъ вопросѣ¹⁾ и мы затронули его лишь съ цѣлью объяснить, какимъ образомъ *дивъ*, древнее название бога, стало у Славянъ именемъ категоріи злыхъ духовъ. Отыскивая родственниковъ дива, упоминаемаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ славянскихъ преданіяхъ, немедленно приходимъ къ южнымъ Славянамъ. Поэзія Сербовъ и Болгаръ можно сказать наполнена дивами и самодивами. Сербскіе богатыри боятся съ дивами, которые живутъ на дивской горѣ, въ пещерахъ и повинуются дивскому старѣйшинѣ²⁾. Богатырямъ помогаютъ иногда свѣтлые силы. Болгарская загадка объясняетъ бурный вихрь гонкою и борьбою дивовъ: дивъ дива гони, дивъ дива съ зѣби гризе, дивъ диву гозба готови (кушанье готовить), дивъ съ дива гозба Ѣде³⁾.

Самодивы, существа въ родѣ нашихъ русалокъ, собираются на игрище (самодивско играло), у нихъ своя жрица (самодивска попадя) и часто самодивы похищаютъ смертныхъ дѣвушекъ⁴⁾. Они населяютъ лѣсъ и нападаютъ на неосторожныхъ пастуховъ. Одна пѣсня разсказываетъ, какъ Стоянь пастухъ былъ убитъ въ лѣсу.

1) Ср. нашу статью *Arijský Mitra a Slovapský m r*, въ * asop. Musea Kral.  eskeho*. 1874. pp. 319—343.

2) Срп. Нар. Пјесме II № 8.

3) Аѳанасьевъ Пoэт. Возр. II 617.

4) Dozen—Български народни пѣсни. № 1, стр. 3 и 4.

Стоянъ матери не послушалъ,
Но погналъ свое стадо
По самодивской дубравѣ;
Онъ игралъ на свирѣли
И вызывалъ самодиву,
Чтобъ пришла она бороться,
Самодива показалась,
Какъ косматый ребенокъ,
Они ударились и схватились
И три дня боролись,
Стоянъ уже ее побораетъ,
Какъ самодива прокричала:
Стихіи сестры и вихри,
Днесъ меня Стоянъ поборетъ.
Стихіи спустились,
И вихри закрутились,
Они подняли Стояна,
Положили на сукъ дерева,
Уносили съ верхушки на верхушку,
Кусали кусокъ за кускомъ
И стадо его разсѣяли ²⁾).

Какъ дивы „Слова“ живеть въ лѣсу и сидить на верху дерева, такъ и здѣсь дивы унесли тѣло Стояна на верхушки.

Въ другой пѣснѣ ¹⁾ самодивы пляшутъ подъ

---

¹⁾ Ibid. № 2, стр. 4 и 5.

²⁾ Ibid. № 1.

игру Стояна, затѣмъ улетаютъ промежъ зеленыхъ сосенъ къ цвѣтистому лугу и купаются въ ручье, снявъ самодивскую куртку ²) и зеленый дѣвственныи поясъ. Стоянъ овладѣваетъ этой одеждой и женится на одной самодивѣ, единственной дочери у матери. Три года жила съ нимъ она и родила ему ребенка. На крестьинахъ по просьбѣ кума, св. Ивана, Стоянъ возвратилъ Марійкѣ ея самодивскую одежду, чтобы она проплясала по самодивски. Тогда Марійка выскочила въ трубу, сѣла на крышу, засвистала какъ самодивы и говорила Стояну:

Не говорила ли я тебѣ, Стоянъ,
Что самодива домъ не устроить?
Всплеснула она руками, всплеснула
И высоко полетѣла,
И далеко отлетѣла
• Въ проклятые зеленые лѣса,
Въ самодивскія селища,
На дѣвственный кладенецъ,
Тамъ Марійка выкупалась,
Къ ней вернулось дѣвство,
И къ матери она возвратилась.

Отсылая за другими примѣрами къ пѣснямъ болгарскимъ въ сборникахъ Верковича, Дозона и Без-

---

¹⁾ Самодивско забунче.

сонаса, замѣтимъ, что дивъ „Слова“ по всей вѣроятности вошелъ въ него изъ того же болгарского источника, какъ и вся прочая миѳология.

По поводу *дива* нельзя не остановиться еще на одномъ мѣстѣ „Слова“, именно, на такъ называемой дѣвѣ Обидѣ.

„Уже бо, братіе, невеселая година вѣсталася: уже пустыни силу прикрыла; вѣсталася обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступиль(а) дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у Дону плещущи...“

Обыкновенно полагаютъ что Обида есть какое-то миѳическое существо, имѣющее видъ дѣвы съ лебедиными крыльями, нѣчто въ родѣ Валкирій съ лебедиными сорочками. Одинъ кн. Вяземскій въ противоположность общепринятому мнѣнію видѣть въ Обидѣ прекрасную Елену, за которую Греки бились подъ Троей. Не останавливаясь на этомъ своеобразномъ толкованіи, спросимъ себя, въ какомъ значеніи употребляетъ авторъ „Слова“ выраженіе *обида*? Для отвѣта на этотъ вопросъ достаточно привести то мѣсто, гдѣ про Ольгово храброе гнѣздо говорится, что оно не было порождено обидѣ. Послѣ пораженія Игоря время измѣнилось: гнѣздо, не рожденное для обиды, подтверглось ей отъ Половцевъ, и эту мысль выражаетъ авторъ въ словахъ: обида вѣсталася въ силахъ Дажь-божа внука, т. е. князя Игоря. Здѣсь, на нашъ

взглядъ, вполнѣй законченный смыслъ. Дальше находимъ уже присутствіе какой-то миѳической личности, какую-то дѣву, вступающую на землю Троюнию и плащущую крылами на морѣ. Для выясненія этой дѣвы слѣдуетъ вспомнить два обстоятельства.

Во-первыхъ она является на землѣ Трояновой, которую мы найдемъ ниже у южныхъ славянъ.

Во-вторыхъ эта дѣва, повидимому, соотвѣтствуетъ уже знакомому намъ существу *диву*, упоминаемому въ томъ же „Словѣ“. Съ мѣстомъ о миѳической дѣвѣ сравнимъ дальнѣйшее о дивѣ. И тамъ сначала упоминаются абстрактныя понятія, соотвѣтствующія *обидѣ*:

Уже снесеся *хула* на *хвалу*
Уже тресну *нужда* на волю.

И затѣмъ является миѳологическая личность: уже врѣжеся *дивъ* на землю. Какъ въ этомъ мѣстѣ главнымъ признакомъ бѣдствія обозначается тотъ, что *дивъ* бросился на землю, такъ и въ разбираемомъ мѣстѣ находимъ признакъ бѣды: настала обида и вступила *дива* на землю. Допускаемъ, что *обида*, какъ понятіе грамматически женскаго, могло быть олицетворено поэтомъ въ видѣ женщины; но откуда поэту могъ почерпнуть другія детали: это дѣва, съ лебедиными крыльями и пребываетъ она на склонѣ морѣ и плащется и вступаетъ на землю Троянову?

Эти черты не являются сами собою воображением, если оно поэтически олицетворяет такое понятие, какъ *обида*. Быть можетъ, намъ недостаетъ поэтическаго чувства, но на нашъ взглядъ для *обиды* естественнѣе образъ злой старухи вѣдьмы, нежели дѣвы съ лебедиными крыльями, почему-то плещущей на синемъ морѣ. Появленіе этого нѣсколько неожиданнаго образа, кажется, можно объяснить изъ того же источника, откуда мы вывели *дива*, тѣмъ болѣе что въ параллельномъ мѣстѣ именно *дивъ* соответствуетъ нашей *дивѣ*.

Въ болгарской народной поэзіи трудно найти различіе между разными злыми существами, которые то называются дивами и самодивами, то вилами и самовилами, то юдами, то юдами-самовилами. Всѣ они женскаго рода, всѣ враждебны людямъ, хотя иногда подчиняются чувству любви къ земнымъ юнакамъ; всѣ стараются воспрепятствовать героямъ овладѣть земными красавицами, зорко стерегутъ послѣднихъ, боятся съ юнаками и живутъ преимущественно на моряхъ или вообще на водѣ. Мы уже приводили пѣсни, въ которыхъ упоминаются самодивы, летающія по деревьямъ. Теперь приведемъ *морскихъ юдъ-самовиль*. Въ одной изъ пространныхъ пѣсень, изданныхъ Верковичемъ подъ заглавіемъ „*Веда Словена*“, находимъ пѣсню, (№ VII) воспѣвающую женитьбу Талатинена краля на дочери Ситска краля. Сынъ, родившійся отъ

этого брака, краль Сада, хочетъ похитить дочь царя Рична, прекрасную Дуриду. Онъ садится на чудеснаго коня, умѣющаго плавать какъ рыба, прибываетъ къ берегу моря и переплываетъ на ту сторону въ царство царя Ричны. Но вотъ являются на берегу двѣ юды-самовилы: лица ихъ сіяютъ какъ солнце, одежда на нихъ бѣлая, съ пестрымъ и покрытая золотомъ, брови чорны, какъ морскія піявицы, а косы ниспадаютъ до земли. Сначала Сада принимаетъ ихъ за дочерей царя Ричны, вышедшихъ за водою, и просить у нихъ напиться. Но онѣ сами обличаютъ себя, говоря:

Какой врагъ тебя принесть,
Что ты пришелъ на наше пустынное море?
Мы не двѣ царскія дочери,
И не беремъ студеной воды,
Чтобы принесть ее царю Ричнѣ,
Мы двѣ Юды Самовилы,
Стережемъ пустынное море,
Чтобъ человѣкъ не перешелъ его,
Ни человѣкъ, ни птица,
Чтобъ никто не ходилъ въ землю Ричны,
Не полюбилъ трехъ царскихъ дочерей.
Кто же приходитъ на берегъ моря,
Тотъ наездъ не возвращается:
Мы бросаемъ его въ темную темницу.

Такъ поступаютъ морскія дѣвы и съ Садой, но онъ избавляется затѣмъ и достигаетъ своего желанія.

Въ другой пространной пѣснѣ (№ XV Женитьба Орфена на дочери арабскаго царя), музыкантъ Орфенъ подходитъ къ черному морю, чтобъ перейти на ту сторону, къ своей невѣстѣ, дочери Фейска краля. Изъ чернаго моря выходятъ девять юдѣй и препятствуютъ ему переходъ. Орфенъ поетъ жалобную пѣснь, въ которой проситъ вышняго бога послать ему ангела на помощь. Является старикъ съ бородою до земли, садится на берегъ, бросаетъ косой взглядъ на девять юдѣй и онѣ скрываются на днѣ моря. Орфенъ благополучно переходитъ на тотъ берегъ и добываетъ невѣсту. Въ той же пѣснѣ другія три юды, юды живущія на какомъ-то полѣ, являются покровительницами героя и даютъ ему совѣтъ какъ похитить дочь Фейска краля. Въ другихъ пѣсняхъ упоминается чёрный годъ (цѣрна година), когда юды носятъ черные платки на головахъ и свѣтлый, бѣлый годъ, когда онѣ одѣты въ бѣлое и купаются въ озерахъ¹).

Эти миѳическія существа болгарскихъ пѣсенъ, эти, дѣвы плещущіяся на морѣ и летающія по воздуху, живо напоминаютъ нашу миѳическую дѣву, плещущую на морѣ и вступающую на землю

¹⁾ Ibid. p. 317.

Троянию. Какъ болгарскія морскія юды, эта дѣва злая: ея появление знаменіе обиды, постигшей силы Дажь-божа внука и плескъ ея крыльевъ на морѣ вѣроятно выражаетъ радость несчастію людей. Образъ такой дѣвы-юды могъ авторъ „Слова“ найти тамъ же, гдѣ нашелъ землю Троянию, на которую эта дѣва вступаетъ, тамъ гдѣ нашелъ дивовъ, Дунай, Бояна и многое другое. Если онъ въ поясненіе земли Трояновой прибавилъ отъ себя *у Дону*, то поступилъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ въ другихъ подобныхъ и мы конечно не станемъ искать этой сказочной земли около устья Дона въ Азовское море. Быть можетъ, и дѣва была передѣлана авторомъ изъ *дивы*, или же собственное имя этой миѳической дѣвы опущено, а признаки ея оставлены какъ пригодные, по взгляду автора, къ пластическому изображенію обиды. Это предположеніе можетъ объяснить появление въ „Словѣ“ дѣвы съ характерными признаками болгарскихъ морскихъ юдъ, и представляется намъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что рядомъ съ дѣвою являются и другіе образы изъ болгарского источника—Дажь-божій внуокъ и земля Трояния.

Глава пятая.

Троянъ. Это слово встречается въ 4-хъ мѣстахъ:

1. О Бояне, соловію старого времени! Абы ты
сіа плѣкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену
древу, летая умомъ подъ облакы, свивая, славію,
оба полы сего времени, рища въ тропу Троянию
чрезъ поля на горы.

2. Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля;
были плѣци Олговы, Олга Свѧтъславичя.

3. Вѣстала обида въ силахъ Дажь-божа внука,
вступила дѣвою на землю Троянию.

4. На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ
жребій о дѣвицу себѣ любу: тѣй клюками подпрѣся
о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стру-
жiemъ зата стола Кіевскаго.

О Троянѣ высказываемы были нашими учеными
разныя мнѣнія. Одни видятъ въ немъ римскаго
императора Траяна, другіе считаютъ его древнимъ
богомъ у Славянъ, третьи узнаютъ въ этомъ имени
тѣхъ Троянъ, противъ которыхъ Греки сражались

подъ Троей. Наконецъ пр. Тихонравовъ замѣняетъ Трояна Бояномъ въ трехъ мѣстахъ (1, 2, 4). Послѣдняя поправка уясняетъ весьма мало и мы вполнѣ согласны съ доводами гг. Буслаева и Дринова противъ нея. Всего вѣроятнѣе соображенія г-на Дринова, который старается согласить божество Троянъ, упоминаемое въ „Хожденіи Богородицы“ и въ „Откровеніи святыхъ Апостолъ“ съ императоромъ Траяномъ. Занятіе Дакіи императоромъ Траяномъ, сооруженіе знаменитаго Траинова вала, и моста на Дунай должно было отразиться, по взгиду Дринова, на народномъ сознаніи придунайскихъ Славянъ. Столкновеніе Римлянъ со Славянами, какъ оно ни было кратковременно, оставило по себѣ память въ странѣ въ нѣкоторыхъ сооруженіяхъ и имя Траяна облеклось какимъ-то миѳическимъ ореоломъ въ народныхъ сказаніяхъ, причемъ какъ это часто бываетъ, къ исторической личности и имени пріурочились миѳологическія черты, которыхъ прежде облекали другія личности. Въ болгарской пѣсni являемся царь Троянъ, обладающій огромными богатствами, золотомъ и серебромъ: въ 70 водосмахъ течетъ у него золото и серебро, но не было въ его городѣ воды, потому что змѣй замегалъ источники. Св. Георгій, являясь на конѣ, спасаетъ отъ этого змѣя дочь краля Трояна и повелѣваетъ ему распилить серебрянаго бога, которому христіане должны были кланяться въ его городѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта замѣчательная пѣснь говоритъ обѣ императорѣ Троянѣ, такъ какъ называетъ его *кракемъ и латикомъ*¹). Значеніе ея, въ связи съ сербской сказкой о царѣ Троянѣ съ козыими ушами, для Слова о Полку Игоревѣ прекрасно выяснено Ф. И. Буслаевымъ²). Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться и съ г-мъ Дриновымъ, что въ миѳическомъ образѣ сербско-болгарского Трояна сказывается историческая личность, имѣвшая большое значеніе въ судьбахъ Славянъ³). Римскій императоръ, которому воздавались божескія почести, котораго статуи стояли въ храмахъ, который поразилъ бѣдное славянское населеніе Даики и могуществомъ, и богатствомъ, и громадными сооруженіями, могъ въ преданіяхъ позднѣйшихъ поколѣній принять обликъ древняго бога, но бога враждебнаго свѣтлымъ богамъ, боящагося свѣта и побѣждаемаго свѣтлыми силами. Можетъ быть, подъ игомъ Римлянъ, Славяне должны были одно время воздавать почести статуямъ Трояна; можетъ быть, Римлянеувѣрили ихъ въ его божественности; можетъ быть, на такой культь истукана намекаетъ болгарская пѣсня, въ которой Св. Георгій является разрушителемъ идолослуженія. Какъ бы то ни было,

---

¹) Бѣлгарски народни пѣсни, брат. Миладиновцевъ, № 38.

²) Истор. очерки, I 385.

³) Заселеніе etc р. 77.

едва ли Троянъ, упоминаемый въ обоихъ болгарскихъ памятникахъ въ числѣ языческихъ боговъ — Перуна, Хорса, Дыя, Велеса — кто нибудь другой, а не обоготворенный императоръ, тѣмъ болѣе, что „Откровеніе“ само поясняетъ: Троянъ бяше царь въ Римѣ.

Одно изъ удачнѣйшихъ сближеній, проливающихъ свѣтъ на Трояна въ Словѣ о Полку Игоревѣ было сдѣлано Ф. И. Буслаевымъ¹⁾). Уважаемый профессоръ привелъ изъ словаря Вука Караджича сербскую сказку, или вѣрнѣ легенду, пріуроченную къ развалинамъ города Трояна, выше Дворища на горѣ Церѣ, раздѣляющей Зворникъ и Шабацъ. Въ этомъ городѣ, говоритъ преданіе, правилъ краль Троянъ, который каждую ночь ъздили въ Срѣмъ къ своей возлюбленной. Ъздили же онъ ночью потому, что днемъ боялся быть растопленнымъ солнцемъ. У любовницы Троянъ краль оставался до тѣхъ поръ, пока его кони съѣдѣть кормъ и пока не запоютъ пѣтухи. Однажды мужъ или братъ его любовницы вырвалъ пѣтухамъ языки и насыпалъ конямъ трояновымъ песку вмѣсто овса. Не слыша пѣнія пѣтуховъ, Троянъ замѣшкался долѣе обыкновенного и на возвратномъ пути быль застигнутъ солнечнымъ восходомъ. Опасаясь быть растопленнымъ, онъ залѣзъ въ стогъ сѣна; но по-

¹⁾ Очерки, I 387.

дошли коровы ¹), растрепали стогъ и солнце рас-
топило Трояна.

Трояна сербской сказки, какъ и болгарскихъ пѣсень, проф. Буслаевъ совершенно справедливо приводить въ соотношеніе съ загадочными мѣстами „Слова“. Но изъ той же сказки можно сдѣлать еще нѣкоторыя заключенія. Намъ кажется, что личность юго-славянскаго Трояна послужила автору „Слова“ прототипомъ для тѣхъ миѳическихъ деталей, которыми онъ облекаетъ Всеслава, или иначе, что на мѣсто Трояна былъ поставленъ полоцкій князь. Что разсказывается о Всеславѣ? Это былъ князь, который днемъ „людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше“. Тоже дѣлалъ и сербскій Троянъ; днемъ царилъ, ночью рыскаль. Замѣтимъ кстати, что въ выраженіи „влѣкомъ рыскаше“, мы не можемъ видѣть намека на волкодлачью натуру Всеслава. *Волкъ* употребляется въ „Словѣ“ просто, какъ метафора для выраженія быстроты бѣга: Всеславъ не перекидывался волкомъ, какъ не перекидывались волкомъ Гзакъ ²), Игорь ³), Влуръ ⁴) и Куряне ⁵). Онъ

¹) Солнечные лучи, какъ известно, уподобляются въ Ведахъ коровами.

²) Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ.

³) Въврѣжеся на брѣзъ комонъ и скочъ съ него босымъ влѣкомъ.

⁴) Тогда Влуръ влѣкомъ потече.

⁵) Сами скачутъ, аки сѣрыи влѣци въ полѣ (Куряни). Сравненіе дружины съ волками обычно и болгарскимъ пѣснѣмъ:

такой же оборотень, какъ всѣ эти личности. Другая черта, сближающая Трояна съ Всеславомъ та, что и тотъ, и другой имѣютъ свою любу: Троянъ мчится къ ней ночью въ Срѣмъ, Всеславъ врѣже жребій о дѣвицу себѣ любу и сжавъ коня *шенкелями* „скочи къ граду“. Троянъ избѣгаетъ солица (Хорса) и спѣшилъ домой въ городъ Троянъ съ пѣніемъ пѣтуховъ: Всеславъ дорыскиваетъ *до курса* до Тму-тараканя и великому Хорсу перебѣгаетъ дорогу.

Соображая эти аналогіи, невольно приходимъ къ предположенію, не было ли въ болгарскомъ источнику, изъ котораго авторъ „Слова“ черпалъ нѣкоторыя „старыя словеса“ преданія о Троянѣ, похожаго на то, которое донесла до насъ мѣстная сербская легенда. Авторъ воспользовался нѣкоторыми чертами Трояна для своего вѣщаго Всеслава и слѣды подобной спайки, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть въ самомъ загадочномъ мѣстѣ „Слова“, где говорится о седьмомъ вѣкѣ Трояна въ связи съ Всеславомъ: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребій и дѣвицу себѣ любу“. Какое отношеніе можетъ имѣть Троянъ, если это исто-

---

Колѣ заигралъ на волынкѣ
И собралися юнаки,
Юнаки, какъ волки,
До триста и тридцати,
Триста новой дружины.

См. Dozon — Бѣлгарски народни пѣсни № 28.

рическое лицо, къ русскому Всеславу? Что представлялъ себѣ авторъ подъ седьмымъ вѣкомъ Трояна? Сколько бы мы ни гадали, намъ не разгадать этой загадки и можно положительно сказать, что авторъ „Слова“ зналъ объ этомъ не больше нашего. Онъ просто перенесъ въ свое произведение это выражение своего источника, не понявъ его и, быть можетъ, даже исказивъ. Эпическое число *семь* показываетъ, что мы не придемъ ни къ какому результату, дѣлая математическія выкладки, отъ какого времени слѣдуетъ считать этотъ седьмой вѣкъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ, какъ и въ другихъ славянскихъ, не трудно указать много примѣровъ употребленія *семи* какъ эпического числа: у Болгаръ упоминаются часто въ пѣсняхъ какіе-то семь кралей (седумъ кралеи)¹⁾, семь башень (седумъ кули)²⁾, семь снохъ (седумъ снахи)³⁾ и т. д. Иногда вместо семи кралей является семьдесятъ или семьдесятъ семь⁴⁾. Поэтому, отказываясь отъ надежды найти смыслъ въ седьмомъ вѣкѣ трояно-

¹⁾ Миладиновцы № 142.

²⁾ Ibid. № 156.

³⁾ Ibid. № 232.

⁴⁾ См. Верковича *Веда Словена* *passim*. О семи, какъ обѣ эпическихъ чиселъ срав. Mannhardt *Götterwelt*, I 56, 127, 138, 143, 204, 213. Hahn—Griech. Märchen I 29. Аѳанасьевъ—Н. Р. Сж. VIII 5. Grohmann—*Sagenbuch* p. 23, 28. Kelly—*Indoeur. Trad. and Folklore* p. 25. Lenormant—*Premières Civil.* II 84 и мн. др.

вомъ, обращаемся къ другимъ мѣстамъ, гдѣ упоминается та же личность. Выраженіе, въ которомъ авторъ характеризуетъ полетъ рѣчи Бояновой — рища въ тропу Троянию чресъ поля на горы — понимаютъ обыкновенно въ томъ смыслѣ, что здѣсь топографическое указаніе на *via Trajana* въ древней *Dacia Trajana*. Уже г. Дриновъ справедливо замѣтилъ, что толкователи „Слова“ вообще дѣлали ошибку, принимая реченіе „тропа“ въ современномъ русскомъ его значеніи, именно, въ значеніи „дороги, пути“¹). Г. Дриновъ даетъ этому слову значеніе рва и видѣтъ въ этомъ мѣстѣ „Слова“ указаніе на ровъ „вырытый вдоль знаменитаго Троянова вала и вмѣстѣ съ нимъ тянущейся на протяженіи ста и болѣе верстъ“. Но, соглашаясь съ проф. Дриновымъ въ первой части его замѣчанія, въ томъ, что *тропа* не есть дорога²), мы все же далеко не увѣрены, что *тропа* Трояния былъ *ровъ* у Троянова вала. Г. Дриновъ указываетъ на родственные слова въ слав. нарѣчіяхъ: польск. *trop*, чешск. *trop*, словин. *trop*, *troplja* и *trap*, *traplja* — сльдѣ, далматинск. *trap* — *solum alte fossum*, т. е. дно глубоко вырытое (что г. Дриновъ невѣрно передаетъ словомъ *ровъ*), серб. трап — *fovea adser-*

¹⁾ Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. 1873, стр. 70 и слѣд.

²⁾ Въ „Словѣ“ тропа употреблена сознательно въ отличіе отъ дороги (неготовыми дорогами) и пути (упоминается 5 разъ).

vandis rapis, т. е. яма для сохраненія рѣпы, болгар. трапъ—яма, *ровъ вообщѣ*, въ особенности ровъ, вырытый съ военною цѣлью (*tranchée*).

Хотя нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти слова восходятъ къ одному корню, но этого недостаточно для рѣшенія вопроса о точномъ значеніи „тропы“, и послѣднему слову конечно нельзя придать значеніе *ровъ* на томъ основаніи, что болгар. или серб. *trap* значить яма (или ровъ). Наше *тропа* стоитъ гораздо ближе къ польск. *trop*, чешск. *trop*, словин. *troplja*, словамъ, означающимъ *слѣдъ*, нежели къ болгарско-сербскому *трап*—яма. Въ малорусскомъ *тропа* значить именно стезя, слѣдъ и *въ тропу пойти* значитъ идти *по слѣду*¹). Такъ понимаемъ и мы *рища въ тропу Троянию*. Не видя здѣсь никакого географического указанія, какъ нѣтъ его и въ предыдущихъ образахъ—скача, славію, по мыслену древу и летая умомъ подъ облакы, мы находимъ здѣсь лишь поэтическое продолженіе той же мысли: рысакъ по слѣду Троянову чрезъ поля на горы. Боянъ, рыскавшій сърымъ волкомъ по землѣ, рыскаль на подобіе Трояна, о которомъ ходитъ еще доселъ мѣстное преданіе, что онъ рыскаль по ночамъ изъ города своего въ Срѣмъ. Съ тою же быстротою, какъ Троянъ или Всеславъ, дорыскивавшій изъ Киева до Тмутараканя раньше пѣтуховъ, рыщетъ и воображеніе

¹) Тоже что выражаетъ польскій глаголъ *tropic*—слѣдить.

пѣснотворца Бояна, чрезъ поля на горы. Поэтому авторъ легко могъ сказать, что Боянъ рыщетъ по слѣдамъ Трояновымъ¹⁾.

Гдѣ находилась *земля* Трояна и когда былъ вѣкъ этого миѳического лица, конечно не зналъ и авторъ „Слова“. Здѣсь снова нѣтъ ни топографического, ни хронологического указанія. Земля Троянова, гдѣ владычествовалъ этотъ миѳический царь, вѣкъ его совпадаетъ съ временемъ нашего сказочного царя *Гороха*.

Продолжаемъ разборъ мѣста о тропѣ Трояновой:

„Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореви *таго* внуку“²⁾. Первые издатели „для большей ясности рѣчи“, поставили послѣ *таго* въ скобкахъ Олега. На ошибочность этой вставки уже было указываемо многими изда-телями и на этомъ вопросѣ останавливаться не станемъ. Герой поэмы Игорь называется внукомъ Трояна. Какъ это ни странно, но грамматически другаго смысла не можетъ быть. Какъ же намъ осмыслить этотъ эпитетъ? Вспомнимъ, что Боянъ называется внукомъ Велеса и что *князь* (въ одномъ мѣстѣ именно Игорь) называется внукомъ *Дажь-бога*. Въ параллель съ этимъ въ разбираемомъ

---

¹⁾ Наше толкованіе, повидимому, подкрѣпляется винит. пад. съ предлогомъ въ: *рища въ тропу*, т. е. устремляясь во слѣдъ. При обозначеніи мѣстности мы ожидали бы предлога по: *по тропѣ* (дорогѣ, пути).

мѣстѣ тоже князь названъ внукомъ Трояна. Въ прежнихъ мѣстахъ мы усомнились, чтобъ эти эпитеты возникли на русской почвѣ, и старались объяснить ихъ заимствованіемъ изъ болгарского источника. Тоже объясненіе можно приложить и ко внуку Трояна.

Преданія о какомъ-то царѣ Троянѣ, жившемъ въ глубокой древности, какъ мы видѣли, пріурочиваются къ южнымъ славянамъ. Потомкомъ этого прародителя царя могъ быть названъ скорѣе какой нибудь болгарскій князь, чѣмъ русскій Игорь, внукъ Олега. Но, заимствуя „старыя словеса“ изъ болгарского источника, почерпнувъ изъ нихъ всю тираду отъ словъ: О Бояне, соловію старого времени—до словъ: не буря соколы занесе и т. д. словомъ, выписавъ изъ болгарского памятника все это лирическое отступленіе, авторъ „Слова“ представилъ Игоря на мѣсто какого-то другаго лица и такимъ образомъ русскій князь оказался внукомъ болгарскаго миѳического царя Трояна.

Здѣсь тоже безотчетное сопоставленіе болгарскаго имени съ русскимъ, какъ сопоставленіе того же Трояна съ Всеславомъ или Дуная съ Каалой¹⁾). Дѣйствительно, въ употребленіи Дуная

¹⁾ На фантастическомъ миѳѣ г-на Забылина, который видѣть въ немъ миѳического представителя трехъбратнаго рода, не считаетъ нужнымъ останавливаться. См. Исторія русской жизни. I, стр. 520 слѣд.

находимъ такое же безотчетное перенесеніе чужаго въ свое.

Рассмотримъ мѣста, гдѣ упоминается эта рѣка.

1. Галички Осмомыслъ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, мечи бремены чрезъ облаки, суды ряда до Дуная.

2. Копіа поютъ на Дунаи; Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

3. Дѣвици поютъ на Дунаи: въются голоси чрезъ море до Кіева.

Въ первомъ мѣстѣ Дунай очевидно та рѣка, которая и нынѣ носитъ тоже имя. Онъ течетъ между горами карпатскими, угорскими, и галицкій князь можетъ на немъ загораживать путь венгерскому королю. Итакъ пѣвецъ Игоревъ знаетъ хорошо, гдѣ искать эту рѣку. Что же мы находимъ далѣе? Поэты говорятъ, что копія поютъ на Дунаѣ, что Ярославна хочетъ полетѣть на Дунай и омочить бебрянъ рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ, чтобъ утереть раны Игорю, разбитому на этой рѣкѣ. Эта географія напоминаетъ географію Шекспира? Ярославнѣ нужно попасть на Каялу, а она летитъ,

по дорогѣ, къ Дунаю. Для объясненія этой странности ссылаются на наши былины:

Протекла Дунай рѣка
Ко городу ко Кіеву (Рыбн. II. 50).

Или: Отъ краснаго града отъ Волынца,
По привольной рѣкѣ по Дунаеви,
Иде удалъ добрый молодецъ,
Боярскій сынъ Дюкъ Степановичъ,
Со своей ли со дружиной боярской,
Ко святыму граду ко Кіеву.

Но изъ того, что наши простонародныя былины относятся безсознательно къ географіи, нельзя заключить что такъ же равнодушенъ былъ къ ней авторъ „Слова“, который знаетъ хорошо, гдѣ текутъ Дунай, гдѣ горы угорскія, по какимъ городамъ сидятъ какіе-князья, знаетъ Нѣмцевъ, Венедицевъ и Мораву, знаетъ что въ Крыму живутъ Готы и т. п. Для него Дунай не эпическая рѣка, и если онъ въ плачѣ Ярославны какъ бы забылъ географію, это происходитъ не отъ незнанія, а отъ безотчетнаго сохраненія географического названія, найденнаго въ болгарскомъ образцѣ.

Рѣка Дунай, какъ известно, постоянно упоминается въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ: если гдѣ либо дѣло происходитъ на рѣкѣ, можно сказать навѣрно, что эта рѣка Дунай. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только перелистать

известные сборники болгарскихъ пѣсень. Эту югославянскую рѣку слѣдуетъ видѣть и въ плачѣ Ярославны, и появленіе ея объясняемъ мы себѣ слѣдующимъ образомъ. Весь поэтической плачъ воспроизведеніе какого-то иного, не русскаго, а болгарскаго плача, въ которомъ прототипъ Ярославны оплакивалъ милаго ладу, полежшаго на берегу Дунай въ кровавой битвѣ. „Копіа поютъ на Дунаи“ такъ начиналась эта пѣснь, и голосъ ихъ слышить дѣвица. Очевидно нельзя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми издателями, отдѣлять слова — *Ярославнына масъ слышитъ* — отъ предшествующихъ — *копіа поютъ на Дунаи*. Послѣдовательность пѣсни, нарушенная искаженіемъ *Ярославнына* вмѣсто *Ярославна*, требуетъ, чтобы плачъ начинался со звука копій на Дунаѣ, которыхъ голосъ слышитъ Ярославна. Услыхавъ эту пѣснь копій на Дунаѣ, прототипъ Ярославны говоритъ: полечу зегзицей по Дунаеви и омочу *бебрина* рукавъ¹⁾). Она летить туда, откуда несетъся голосъ. Авторъ, сохранивъ начало болгарской пѣсни съ Дунаемъ, долженъ былъ немедленно поправиться, чтобы „старыя словеса“ согласить съ *былинами* своего времени и прибавилъ — *съ Калъ ръци*, — вслѣдствіе чего получилась географическая несообразность.

---

¹⁾ Замѣтимъ болгар. слово *бебръ* вм. русс. *бобръ*, ср. *Велесъ* и *Велось*. Въ Болгаріи есть село *Беброво*.

Такимъ же литературнымъ заимствованіемъ кажется намъ и третье мѣсто, гдѣ упоминается Дунай: „Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ русской земли. Дѣвицы поютъ на Дунаи: въются голоси чрезъ море до Киева“. Какъ раньше копья *пльи* на Дунаѣ, такъ здѣсь *поютъ* дѣвицы. Обѣ картины должны быть возведены къ одному источнику и этотъ источникъ едва ли русскій.

Мы согласны, что наше толкованіе плача Ярославны можетъ показаться фантастично. Но къ счастью народная поэзія Болгаръ, къ которой мы старались пріурочить образъ тоскующей княгини, сохранила доселѣ замѣчательную пѣсню, представляющую самый лучшій комментарій къ этому образу. Пѣсня изображаетъ и богатыря, изнемогающаго отъ ранъ, и рѣку Дунай, и дѣву, черпающую воду изъ Дуная, чтобы исцѣлить раны витязя, и превращеніе въ кукушку, т. е. всѣ поэтическія черты Ярославнинаго плача. Эта пѣсня, помѣщенная въ сборникѣ Миладиновцевъ (№ 19), носитъ название *Яна кукавица*.

Что бѣлѣть, что лилѣть
На верху бѣлой Бѣлашицы?
Снѣга ли это глубокіе,
Или это бѣлые лебеди?
То не снѣга глубокіе,
То не бѣлые лебеди;

А то бѣлый шатерь,
Подъ шатромъ младой Стоянъ,
Младой Стоянъ боленъ лежить,
Своей сестрѣ онъ говоритъ:
„Милая сестра, бѣлая Яна!
Пойди, Яна, принеси мнѣ
Съ бѣлага Дуная студеной воды!“
Яна брату говорила:
„Ой ли, братъ, милый Стоянъ,
Вѣдь я пути не знаю,
Какъ идти на бѣлый Дунай,
Какъ пойти и дойти“.
Стоянъ велитъ и говоритъ:
„Милая сестра, печальная Яна!
Посѣки себѣ малый перстъ,
Чтобъ потекла черная кровь,
Когда пойдешь ты внизъ горой (лѣсомъ),
Окрась ты дерево и камень.
Какъ придешь на бѣль Дунай,
Ты налей студеной воды,
И снова назадъ возвращайся“.
Яна брата послушала,
Порѣзала малый палецъ,
Отправилась внизъ горою (лѣсомъ),
Дерево, камень окрасила,
На бѣлый Дунай пришла,
Студеной воды налила
И снова назадъ вернулась...“

Эхъ Яна, бѣдная Яна!
Заросила чистая роса,
Смыла она мѣтки,
Тѣ мѣтки, черную кровь,
Что окрасила дерево, камень.
Эй, Яна, бѣдная Яна!
Она стала искать дорогу,
И заскиталась по лѣсу (горѣ).
Три дня она ходить, три дня бродить,
Никакъ слѣда не найдетъ,
Какъ идти къ ея брату,
Къ своему брату, больному Стояну.
Тогда Яна, бѣдная Яна
Печально Бога просила:
Ей Боже, милый Боже!
Сдѣлай меня, Боже, малой птицей,
Сизой птицей кукушкою,
Чтобъ я летала по букамъ,
Чтобъ искала моего брата,
Моего брата, больнаго Стояна!“
И Господь ее услышалъ,
И сдѣлалъ ее сизой птицей,
Сизой птицей кукушкой,
Чтѣ кукуеть и до нынѣ ’).

---

1) Съ приведенною болгарскою пѣснию о Янѣ кукавицѣ ср. другую подобнаго же сюжета въ сборникѣ Миладиновцевъ № 261.

Сличая нѣкоторыя черты этой народной болгарской пѣсни съ началомъ „плача Ярославны“, неизвѣстно приходишь къ вопросу, не нашелъ ли авторъ „Слова“ образъ тоскующей женщины кукушки, летающей за водою на Дунай, въ измышеніяхъ Бояна, т. е. въ какомъ-то болгарскомъ источникѣ? Этому не противорѣчить то, что мы выше сказали о византійскихъ книжныхъ аналогіяхъ обращенію Ярославны къ предметамъ природы, потому что болгарскій источникъ въ свою очередь могъ быть воспроизведеніемъ чего нибудь византійского, причемъ болгарскій поэтъ могъ такъ же вносить черты своей національной поэзіи, какъ и русскій его подражатель.

Теперь приступаемъ къ самому трудному вопросу въ „Словѣ“, къ вѣщему пѣвцу Бояну.

Шо ми бѣлеи, лелентъ?
Ели ми е бѣли шаторъ?
Ель ми е грутка снежовца?
Ель ми е соколово пиле?
Ели ми е бѣло платно?
Ели ми е руди овенъ?
Да е грутка снежовица,
Отъ сѣнце ке скотнеше;
Да да ми е бѣло платно,
Лель ке го девойка зберитъ;
Да е соколово пиле,
Даль ке пиле отлеташе;

Да да ми е овенъ руди,
Да лели ке въ поле слезитъ;
Туку било бѣли шаторъ,
А поть него боленъ Дойчинъ;
Край него сестр' Ангелина:—
,Айти сестро Ангелино,
Земи сѣда, та начекай,
Начекай отъ моя-те рани,
Та растури по пѣтища,
По пѣтища, по све друма,
Донеси леко'шта вода,
Да измѣй моя-те рани".

Упоминаніе Бояна считають фактъмъ въ высшей степени важнымъ для *исторії* русской литературы. „Слово“ открываетъ намъ предшествующій литературный періодъ, періодъ, когда пѣль княжескій пѣвецъ Боянъ о древнихъ русскихъ князьяхъ и о своихъ современникахъ. Словарь свѣтскихъ писателей митр. Евгения уже давно внесъ имя Бояна въ число русскихъ поэтовъ и историки литературы распространяются о характерѣ его пѣснопѣній. Боянъ жилъ въ XI вѣкѣ, былъ современникомъ полоцкаго князя Всеслава, о которомъ сказали известную припѣвку, воспѣвали по памяти, какъ по грамотѣ, старого Ярослава, бой Мстислава съ Редедею и прекраснаго Романа Святославича. Пѣсни его отличались высокимъ полетомъ воображенія, припѣвки или изреченія мѣткостью выраженій и глубокимъ смысломъ житейской мудрости. Авторъ „Слова“ воспитался на Боянѣ, онъ поклонникъ его и усвоилъ себѣ и характеръ его замышеній и старыхъ словеса.

Считаемъ не лишнимъ пересмотрѣть эти *избитыи* истины, вошедшия уже давно въ исторіи литературы и учебники. Прежде всего спросимъ себя, имѣемъ ли достаточное основаніе видѣть въ Боянѣ историческое лицо—*русскаго поэта, современника Всеслава?*

Вотъ всѣ мысли, упоминающія Бояна:

1) Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо

въщій, аще кому хотяше пѣснъ творити, то растѣ-
кашется мыслю по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по
земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть
бо, рече, първыхъ временъ усобицѣ; тогда пуща-
шеть і соколовъ на стадо лебедѣй; который доте-
чаше, та преди пѣснь пояше—старому Ярославу,
храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ
пѣлки Касожьскими, красному Романови Свѧтъ-
славичю. Боянъ же, братіе, не і соколовъ на
стадо лебедѣй пущаше, *иъ своя въщія прѣсты* на
живая струны вѣскладаше; они же сами княземъ
славу рокотаху.

2) О Бояне, соловію старого времени! абы ты
сia пѣлки ущекоталъ, скача, славію, по мыслену
древу, летая умомъ подъ облакы, свивая, славію,
оба полы сего времени, рища въ трону Троянию,
чресъ поля на горы; пѣти было пѣснь Игореви,
того внуку: не буря соколы занесе чрезъ поля
широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому.
Чили вѣспѣти было *въщій Бояне, Велесовъ внуче:* ко-
мони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ и т. д.

3) Тому вѣщій Боянъ *и прѣвое* припѣвку смы-
сленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю
горазду суда Божіа не минути.

4) Рекъ Боянъ исходы на Свѧтъславля *пѣснитворца*
старого времени Ярославля, Ольгова, коганя хоти:
„тяжко ти, головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ
головы“, руской земли безъ Игоря.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя слова и выраженія. Авторъ даетъ пѣвцу Бояну эпитетъ *вѣщій*, о значеніи котораго можно судить по другимъ мѣстамъ. Всеславъ полоцкій, этотъ князь, рыскавшій съ быстротою волка, перегонявшій Хорса, имѣлъ *вѣщую* душу; персты, которые возлагалъ Боянъ на живыя струны, были *вѣщи*, т. е. *чародѣйные*, ибо оживить струны, какъ дѣлалъ Боянъ, было дѣломъ выше человѣческой мудрости; точно также надо быть чародѣемъ, надо имѣть чародѣйную душу, чтобы рыскать какъ Всеславъ. Итакъ Боянъ носить эпитетъ мудраго чародѣя, тотъ эпитетъ, который въ устахъ народа получилъ, по свидѣтельству лѣтописца, князь Олегъ, за свои необыкновенные подвиги подъ Византіей. Умѣстенъ ли этотъ эпитетъ для пѣвца, для исторического лица, которое жило при Всеславѣ и рассказы о которомъ могли быть въ свѣжей памяти у автора „Слова?“

Далѣе авторъ называетъ Бояна внукомъ Велеса, т. е. внукомъ солнечнаго бога-пастыря. Съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на такой эпитетъ, отовсюду онъ представляется несообразнымъ. Могъ ли историческій дѣятель, жившій съ небольшимъ за два поколѣнія до автора, хотя бы и стяжавшій талантомъ высокую славу, быть названъ внукомъ божества? Если Боянъ былъ современникомъ Всеслава, придворнымъ или дружииннымъ пѣвцомъ, не-

уже́ди люди книжные, современники автора „Слова“
могли сомневаться въ его человѣческомъ происхож-
дениі.

Далѣе Боянъ иноситъ эпитетъ *словъ стараю времена*. Если онъ жилъ при Всеславѣ, этотъ эпитетъ непонятенъ и такъ же страненъ, какъ еслибы мы называли Державина древнимъ поэтомъ.

Изъ третьяго мѣста (3) выводятъ, что Боянъ быдъ современникомъ полоцкаго князя Всеслава: этому князю онъ сказалъ припѣвку. Но этотъ выводъ слишкомъ поспѣшенъ: слова—тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку смыслену¹⁾ рече—могутъ быть понимаемы иначе. Авторъ рассказалъ примѣры ловкости и хитрости Всеслава и затѣмъ выводить мораль. Какъ ни хитёръ быдъ князь, однако онъ бѣды страдалъ и къ нему приложима припѣвка, нѣкогда сказанная вѣщемъ Бояномъ: ни хыту, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія (т. е. смерти) не минуты. Слова *тому рече* еще не здѣшать необходимо, что Боянъ сказалъ припѣвку лично князю. Приводя пословицу, мы часто говоримъ: для такого-то лица сказана пословица, вовсе не думая при этомъ, что пословица была сочинена кѣмъ нибудь именно для этого лица. Что такъ по-

---

1) Смыслену припѣвку—вм. смысленный Боянъ—такъ названъ мы согласно съ замѣчаніемъ ин. Вяземскаго (Замѣчанія на Слово о П. И. 1876, стр. 380 и 381).

нималъ это и авторъ „Слова“ — видно изъ прибавленного имъ слова *правое* (прѣтоу), т. е. древле, никогда: еслибъ изреченіе Бояна не было старѣе Всеслава, это *правое* было бы неумѣстно.

Обратимъ вниманіе на характеристику Бояна въ „Словѣ“ и спросимъ себя, могъ ли бы въ такихъ фантастическихъ чертахъ авторъ характеризовать недавняго поэта, какъ бы послѣдній ни былъ геніаленъ. Когда онъ воспѣвалъ кого, то пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей; то не десять соколовъ, а десять вѣщихъ перстовъ; то не стадо лебедей, а живыя струны; его мысль растекалась по деревьямъ, онъ рыскалъ сѣрымъ волкомъ по землѣ и сизымъ орломъ носился подъ облаками. Еслибъ авторъ могъ такъ пѣть, какъ Боянъ, соловей, онъ долженъ былъ бы скакать по мыслену древу соловьемъ, летать умомъ подъ облаками, рыскать до слѣду Троянову чрезъ поля на горы. По всемъ этомъ нѣтъ ни одной черты, которая могла бы быть реальной характеристикой исторического пѣвца и притомъ русскаго, предшественника автора „Слова“. Такими чертами можно изобразить какого либудь миѳического пѣвца, Орфея, Лина, Амфиона, пожалуй нашего Садко, а никакъ не дѣйствительнаго народнаго рапсода въ родѣ нашихъ онежскихъ „сказителей“. Одно изъ двухъ: либо это восторженное отношеніе къ Бояну искренно, либо оно литературный пріемъ. Предположимъ первое. Въ

такомъ случай пѣвецъ, возбуждающій такія чувства въ несомнѣнно талантливомъ авторѣ „Слова“, служащій ему музой вдохновенія, долженъ быть быть дѣйствительно геніаленъ и широко извѣстенъ. Слава Бояна, воспѣвшаго рядъ князей, вѣроятно донеслась бы и до насъ, если не въ видѣ какого нибудь произведенія, то въ видѣ хоть краткой замѣтки, оброненной какимъ нибудь лѣтописцемъ. Вѣдь знаемъ же мы о словутномъ Митусѣ, знаемъ о нѣкоемъ книжникѣ Тимофѣѣ, сказавшемъ єдкое слово о мучителѣ Бенедиктѣ, знаемъ изъ Галицко-Волынской лѣтописи о какомъ-то гудцѣ Орѣ, пѣвшемъ пѣсни половецкія,— о Боянѣ нигдѣ нѣтъ и помину. Но положимъ, что время совершиенно вычеркнуло изъ народной памяти имя этого великаго пѣвца, положимъ, что ни одинъ изъ лѣтописцевъ не счелъ достойнымъ внести это имя въ свои записки, положимъ наконецъ, что это имя и было упомянуто, но до насъ не дошло такое произведеніе—и продолжаемъ гадать: былъ ли Боянъ книжный человѣкъ или народный „сказитель“, пѣвшій историческія былины? Судя по словамъ автора, конечно Боянъ не былъ книжникомъ: онъ пѣлъ о усобицахъ первыхъ временъ по памяти и играль при этомъ на какомъ-то струнномъ инструментѣ, вѣроятно на гусляхъ. Историческія пѣсни малоруссовъ и наши сѣверные былины хорошо извѣстны: какъ бы ни подновлялся ихъ языкъ подъ

влияниемъ времени, общій характеръ ихъ не измѣнился и едва ли пѣсни *народнаго пѣвца* XI вѣка носили совершенно иной характеръ, нежели наши сѣверныя былины. Спрашивается, могъ ли бы одного изъ такихъ *неграмотныхъ пѣвцовъ*, какъ бы онъ ни пѣмъ свои пѣсни, поставить на столъ высокій пьедесталъ авторъ „Слова“, человѣкъ книжный, близкій ко двору и одаренный высокимъ художественнымъ чувствомъ, могъ ли бы онъ назвать такого „сказителя“ и чародѣемъ (вѣщимъ) и внукомъ Велеса и такими восторженными чертами изобразить его „замышленія?“ Замѣтимъ также то книжное имя, которое даетъ авторъ Бояну. Для него Боянъ *пѣснотворецъ* (переводъ греческ. φδοποιός), который *творитъ пѣсни* (аще кому хотяше пѣснь творити). Такъ могли бы Греки назвать Гомера, Гезіода, но странно это литературное название встрѣтить въ примѣненіи къ народному сказителю. Словомъ, если мы примемъ Бояна за историческое лицо, за русскаго поэта XI вѣка, мы встрѣчаемъ рядъ задрудненій, которыя никакія комбинаціи не помогутъ устранить. Не лучше ли поэтому отказаться отъ русскаго поэта, о которомъ ровно ничего положительного не знаемъ, и, помирившись съ такой утратой для русской словесности, постараться объяснить другимъ путемъ упоминанія этой загадочной личности въ „Словѣ“.

Боянъ замѣняетъ автору „Слова“ музу эпиче-

скихъ поэтовъ. Мы уже указали на литературный характеръ начала и сравнили нѣкоторыя черты *exordium'a* съ аналогическимъ въ византійской поэмѣ о Дигенисѣ. Желая воспѣть походъ Игоря, авторъ ищетъ вдохновенія въ Боянѣ и въ выспрен-нихъ чертахъ живописуетъ его манеру пѣнія. Послѣ патетического вступленія, онъ переходитъ далѣе къ простому разсказу—тогда Игорь вѣзрѣ на свѣт-лое солнце и т. д., и снова, какъ бы увлеченный мужественною рѣчью князя Игоря къ дружинѣ, вспомнилъ о Боянѣ. „О Боянѣ! соловей старого времени! Какъ бы ты воспѣлъ этотъ походъ? Ты, который скакешь соловьемъ по мыслену древу, летаешь умомъ подъ облаками, рышешь по слѣду Троянову. Какъ мнѣ начать мою пѣснь на твой ладъ? Начать ли ее такъ:

„Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая:
Галици стады бѣжать къ Дону великому“.

Или лучше начну такъ, о Боянѣ, Велесовъ внукъ:
„Комони ржутъ за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ,
трубы трубятъ къ Новѣгородѣ“ и т. д. Второе нача-
ло очевидно понравилось автору болѣе и онъ
уже, не пробуя третьяго, продолжаетъ свою по-
вѣсть. Очевидно, что авторъ разыгрываетъ изъ
себя пѣвца въ родѣ Бояна, что начало „Слова“
нѣчто въ родѣ прелюдіи, которая изображаетъ
колебаніе виртуоза, полнаго мыслями и образами,

и подавляемаго богатствомъ материала. Очевидно, что Боянъ здѣсь введенъ какъ пѣтическое украшеніе, а не какъ историческое лицо: имя вѣщаго поэта, потомка божества, должно украсить произведеніе автора, возвысить его въ глазахъ читателей. Если онъ самъ восторженно увлекается образомъ поэта, здѣсь должно проскачивать авторское желаніе, вызвать своимъ произведеніемъ подобный же восторгъ въ слушателяхъ или читателяхъ.

Такую же роль играетъ Боянъ и въ концѣ „Словъ“. Начавъ во вкусѣ Бояна, авторъ долженъ быть выдержанъ направлѣніе и кончить тѣмъ же почтеннымъ именемъ. Посмотримъ какъ же онъ кончаетъ свою повѣсть?

Авторъ избавилъ героя своего изъ плѣна и пустилъ его бѣжать на родину. За нимъ гонятся Гзакъ съ Кончакомъ, но видятъ безплодность усилий и разсуждаютъ другъ съ другомъ:

Мльвить Гзакъ Кончакови: „Аже соколь къ гнѣзу летить, соколица рострѣляевъ своими злаченными стрѣлами“. Рече Кончакъ къ Гзѣ: „Аже соколъ ко гнѣзу летить, а вѣ соколца опутаевъ красною дѣвицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевъ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ мающици бити въ полѣ половецкомъ“.

Этими поэтическими разговоромъ *dѣйстїе*, собственно говори, кончается: Игорь ушелъ, преслѣ-

дователи вернулись ни съ чѣмъ. Но, опустивъ за-
навѣсь на поляхъ половецкихъ, авторъ хочетъ еще
разъ приподнять его, чтобы показать, что дѣлается
на Руси и этой свѣтлой картиной закончить по-
вѣсть. Здѣсь онъ снова воспоминаетъ изреченіе
Бояна, которое можетъ служить его поэтической
цѣли и самъ признается предъ читателемъ: рекъ
Боянъ исходы ¹⁾ на Святъславля пѣснотворца ста-
рого времени Ярославля, Ольгова, коганя хоти.

Сказаъ Боянъ и исходъ для (меня) пѣснотворце
Святославова, Ярославова старого времени, Оле-
гова и княжеской жены. Вотъ что онъ сказалъ:

„Тяжко ти головѣ; кромѣ плечу,
Зло ти тѣлу, кромѣ головы!“

Такъ же тяжко и русской землѣ безъ Игоря.
Но горе смѣняется радостью: солнце свѣтится на
небесѣ, Игорь князь въ Русской земли и т. д.

---

¹⁾ Переводъ и толкованіе наши основаны на поправкѣ безсмы-
сличные исходы въ исходы, соотв. греч. ἔξοδος. Авторъ могъ
себя назвать пѣснотворцемъ Святослава, потому что рассказалъ
его сонъ и патріотическія рѣчи князьимъ, пѣвцомъ старого вре-
мени Ярослава и Олега, потому что упоминаетъ обѣ обоихъ — о
первомъ съ сочувствіемъ о другомъ съ укоризной, — пѣснотворцемъ
княжеской жены — именно Ярославны, потому что изобразилъ ея
плачъ по мужѣ. Впрочемъ, быть можетъ, слова: на Святъславля,
пѣснотворца и т. д. испорчены и мы не стоимъ за наше объясненіе.
Увѣрены мы только въ томъ, что въ подлинникѣ было исходы, и
что имя Бояна внесено, чтобы украсить начало поѣсти и ея исходы.

Итакъ самое мѣсто Бояна въ „Словѣ“ указываетъ, что упоминаніе „соловья старого времени“ не болѣе какъ литературный пріемъ, имѣющій цѣлью украсить поэтическое произведеніе.

Но быть можетъ третье мѣсто, гдѣ упоминается Боянъ, противорѣчитъ нашему заключенію? Боянъ здѣсь упомянутъ вслѣдъ за Всеславомъ, какъ его современникъ, и потому не можетъ быть фантастическимъ лицомъ... Напротивъ, это мѣсто, на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Боянъ не историческое лицо, а маска. Какія слова приписываются ему? Ему приписывается пословица, одно изъ тѣхъ безчисленныхъ изречений житейской мудрости, которыхъ авторы никому неизвѣстны. Считать именно Бояна авторомъ пословицы—ни хитру ни горазду, суда Божія не минути—имѣемъ мы такое же право, какъ считать его же авторомъ другихъ пословицъ: суженного конемъ не обѣхать, плохо не клади не вводи вора въ грѣхъ и т. п. Если въ древнія времена подобныя изреченія приписывались мудрецамъ—Гомеру, Солону, Эзопу, Федру, Локману, то въ наше время историки литературы уже давно отказались отъ мысли искать личныхъ авторовъ пословицъ и поговорокъ. Замѣтимъ кстати, что то же изреченіе Бояна, якобы выдуманное имъ по поводу судьбы Всеслава, повторяется у Даниила Заточника, безъ намека на его принадлежность Бояну.

Отказываясь отъ исторического Бояна, гораздаго въ Киевѣ гудца, какъ называетъ его „Іовѣданіе“, и считая его имя поэтическимъ украшеніемъ, мы тѣмъ самымъ уже указываемъ почву, на которой его слѣдуетъ искать. Это имя должно было войти въ „Слово“ изъ того же книжнаго византійско-болгарского источника, откуда проникнули Троянъ, Дивы, Велесъ, Дунай въ извѣстномъ мѣстѣ, и этотъ выводъ подтверждается другими доказательствами.

Имя Боянъ народное болгарское. Многіе Бояны, извѣстные по памятникамъ, были Болгаре. Въ Болгаріи, гдѣ мы указали городъ Троянъ и городъ Велесъ, извѣстна рѣка Бояна. Въ пѣсняхъ болгарскихъ это имя встрѣчается въ мужскомъ и женскомъ родѣ (Боянъ и Бояна ¹). Въ исторіи упоминаются слѣдующіе Бояны или Баяны: 1) Баянъ, аvarскій хаканъ создавшій аvarское могущество, завоевавшій венгерскія равнины и подчинившій себѣ вѣтви славянскаго племени, здѣсь обитавшія. Это было въ половинѣ VII-го вѣка; 2) Болгарскій князь Боянъ, (*Βαῖανός* иначе *Παγανός*), воевалъ съ Греками и убить въ 766 г. 3) Боянъ (Веніаминъ), сынъ болгарскаго царя Симеона, 4) Боянъ болгарскій воевода, управлявшій въ послѣднихъ годахъ X-го столѣтія въ Савской Хорватіи (нынѣш. Слава-

---

¹) Народ. Песни Македонск. Бугарь 335. Dozon—пѣсня 24. Сборникъ Младиновцевъ—стр. 528—529.

вонія и Австрійская Кроація), зависѣвшей въ это
время отъ болгарскаго царства ¹). Ва́хун тѣн ру́птардъ
(грязнаго) 6-го учителя у Павликіанъ называетъ
Георгій Монахъ. Ва́хунъ праепосітъ (praepositus);
имя христіанское, встрѣчается у Льва Грамматика.
Во влахо-болгарскихъ грамотахъ Боянъ упоми-
нается подъ годами 1572 и 1654 ²). Наконецъ зву-
ковой видъ имени Боянъ напоминаетъ общеупо-
требительныя у Болгаръ имена на аиѣ: Велянъ,
Траянъ, Кърстанъ, Драганъ, Вълканъ, Братанъ,
Бърбанъ, Първанъ, Китанъ, Стоянъ и т. п.

Но кто же этотъ болгарскій Боянъ? Былъ ли это
дѣйствительно болгарскій знаменитый пѣвецъ или
и въ болгарское произведеніе, послужившее въ
отдѣльныхъ чертахъ образцомъ русскому, Боянъ
попалъ книжнымъ путемъ, какъ подстановка слав-
янского имени вмѣсто иноземнаго?

Первый, кто въ Боянѣ „Слова“ видѣлъ болга-

¹) См. Гильфердинга—Ист. Серб. и Болгаръ 1868 стр. II. 159.

²) См. Именословъ Моронинна с. в. Мы не решаемся утверждать,
чтобъ это имя вовсе не могло употребляться у русскихъ Славянъ,
но лѣтописныя извѣстія не даютъ возможности судить о его употре-
бительности. Въ лѣтописяхъ Боянъ упоминается, кажется, только въ
двухъ мѣстахъ: въ новгород. первой подъ годомъ 1300: того же
лѣта срублена 4 церкви: святыхъ Богородица въ монастыри въ звѣ-
ринице и святого Лазаря и святого Дмитрия на Бояни улкѣ и свя-
тою Еориса и Глѣба на Подолѣ; и подъ 1533 (Поль. Собр. Р. Л.
VIII 283), гдѣ говорится, что какой-то Боянъ изъ Орды пріѣзжалъ отъ
Крымскаго царевича Ислама къ В. Ки. Вас. Ioannовичу съ грамотою.

рина — былъ Венелинъ. Въ своихъ критическихъ изслѣдованіяхъ объ исторіи Болгаръ (1849), онъ выставляетъ предположеніе, что въ Боянѣ слѣдуетъ видѣть Бояна, сына царя Симеона (стр. 264).

„Достовѣрно, говоритъ Венелинъ, что Боянъ Владиміровичъ могъ рискать по тропѣ или дорогѣ Трояновой, ибо она находилась въ Болгарской державѣ; былъ ли Боянъ пѣвецъ на Руси, не знаю; если же былъ, и его то подразумѣваетъ пѣвецъ Игоревъ, то не понимаю, зачѣмъ онъ заставилъ его рискать въ Болгаріи, по дорогѣ Трояновой, на горы Балканскія. Кромѣ сего, онъ называетъ его пѣвцомъ *стараю времени*; сіе же старое время, въ отношеніи къ Игоревому пѣвцу, падаетъ именно на Бояна Владиміровича. Онъ называетъ его *вѣщимъ*, что значитъ *предсказателя, колдуна, волшебника*, что именно приписывается Болгарскому Бояну, который, говорять, владѣлъ мощнымъ искусствомъ Цирцеи“.

Мнѣніе Венелина, какъ и слѣдовало ожидать, не нашло отголоска у нашихъ изслѣдователей. Съ своей стороны признается, что намъ оно кажется вѣроятнѣе, нежели общепринятые гаданія о Боянѣ, княземъ пѣвцѣ XI вѣка. Этимъ, впрочемъ, мы не хотимъ сказать, чтобы мы вполнѣ раздѣляли мнѣніе Венелина: мы не увѣрены, что Боянъ „Слова“ именно сынъ царя Симеона, но убѣждены что Боянъ лицо болгарское и попалъ въ „Слово“ изъ болгарского источника.

Въ пользу сына Симеонова можно привести следующее место у Ліутпранда ¹⁾: qui (sc. Simeon) duos filios habuit, unum nomine *Baianum*, alterum, qui nunc usque superest potenterque Bulgariis principatur nomine Petrum. Baianus autem adeo fertur magicam didicisse, ut ex homine subito fieri lupum et quatuor aliam cerneres feram т. е. у него (Симеона) было два сына, одинъ именемъ Баянъ, другой, который и донынѣ живъ и мощно властвуетъ надъ Болгарами, именемъ Петръ. Баянъ, говорять, такъ изучилъ волшебство, что могъ внезапно изъ человѣка обращаться въ волка и въ любаго другаго звѣря.

Не напоминаетъ ли кудесникъ царевичъ Боянъ, обращавшійся по произволу въ волка, нашего *ель-щаю* Бояна, рыскавшаго волкомъ по земли? Но въ какую связь привести болгарского и русского Бояна? Кн. Вяземскій полагаетъ, что „едва ли этотъ Славянскій князь не останется нѣмымъ лицомъ для объясненія воззванія къ Бояну и его изречений, приведенныхъ въ пѣснѣ о Полку Игоревомъ“; но мы все же попытаемся связать обоихъ Бояновъ.

Внутреннее состояніе царства болгарского по смерти Симеона (927 г.) далеко не ясно. Неизвѣстно, почему старшій сынъ Симеона, Михаилъ, былъ еще при жизни отца устраниенъ отъ престола и постря-

¹⁾ *Antapodosis III 29.*

женъ въ монахи. Симеону ~~наследовалъ~~ слабый и безхарактерный Петръ, подчинявшійся во всемъ своему дядѣ и опекуну Георію Сурсовулу. Одвухъ братьяхъ Петра, Ioannѣ и Bоянѣ (иначе Веніаминѣ) также не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Государство истощается поисками Византіи, боярскими распрыми и внутренней борьбою съ бого米尔ствомъ. Слѣдуетъ думать, что учение этой секты пользовалось сильнымъ сочувствіемъ въ двоевѣрномъ народѣ. Обличеніе ереси смѣшивается заблужденіемъ богомильской съ языческими суевѣріями, обрядами и обычаями, державшимися въ народѣ на перекоръ стараніямъ церкви. „Смѣшеніе чисто народного вѣрованія, говорить г. Дриновъ¹⁾), съ вѣрованіями еретиковъ могло произойти единственно вслѣдствіе близости послѣднихъ къ народнымъ вѣрованіямъ, или, покрайней мѣрѣ, вслѣдствіе распространенности секты среди народа“²⁾. Едва ли мы ошибемся, если будемъ смотрѣть на свидѣтельство Ліутпранда именно съ точки зрѣнія той внутренней ожесточенной борьбы между церковью и язычествомъ, а также ересью, которая раздирила Болгарію въ первой половинѣ X-го вѣка. Царевичъ, сидящій на престолѣ, благочестивый Петръ, вѣрный сынъ церкви, избѣгаетъ мірскіхъ докуки въ бесѣдахъ съ иноками и путешествіяхъ по сїбителамъ.

---

¹⁾ Южные Славяне и Византія въ X в. 1876 стр. 75.

Болгарії. Церковь причислила Петра къ лицу святыхъ и чествуетъ его подъ именемъ преподобнаго отца. Родной братъ святаго Петра, царевичъ Боянъ, занимается кудесничествомъ, какъ представитель народныхъ суевърій, и пріобрѣтаетъ таинственную силу обертываться волкомъ. Если уже въ Константинополѣ, изъ усть византійцевъ, Ліутпрандъ узнаетъ о кудесахъ бояновыхъ, какъ же должно было гремѣть его имя въ Болгарії, въ устахъ народа, глубоко пропитанного языческими суевъріями? Прежде чѣмъ проникнуть въ Константинополь, до какихъ необычныхъ размѣровъ должна была стουстая молва довести вѣщую мудрость царевича? Его репутація, какъ чародѣя, была конечно пріобрѣтена рядомъ вѣщихъ дѣлъ, которыхъ къ сожалѣнію не донесла до насть ни замѣтка благочестиваго книжника, ни народная традиція.

Какъ бы то ни было, въ болгарскомъ народѣ слава Бояна, какъ вѣщаго чародѣя и оборотня, была широко распространена—и ничего о Боянѣ неизвѣстно намъ отъ древней Руси. Неужели же слишкомъ смѣло исказать и Бояна „Слова“ на той почвѣ, гдѣ действительно жилъ Боянъ чародѣй, въ той странѣ, гдѣ ходили мѣстныя преданія о Троянѣ, гдѣ звучало и звучить имя Велесь и ходять разсказы о дивахъ, самодивахъ? Неужели слишкомъ смѣло объяснить появление Бояна въ „Словѣ“ такъ же, какъ мы выше объяснили мифологію „Слова“

и другія заимствованныя черты? Намъ представляется дѣло такъ: съ теченіемъ времени народная фантазія въ Болгаріи овладѣла историческимъ Бояномъ: историческія черты были забыты и стерты, преданія о Боянѣ слились съ другими, по общему закону, господствующему повсюду въ устныхъ произведеніяхъ; быть можетъ уже черезъ нѣсколько поколѣній является болгарскій книжникъ, воспитанный на красотахъ византійской литературы и усваиваетъ какое то византійское произведение своимъ соотечественникамъ. Находя въ византійскомъ произведеніи миѳологическіе эпитеты, онъ передѣлываетъ ихъ въ славянскіе, замѣня, какъ переводчикъ Малалы, Геліосовъ, Аполлоновъ, Эоловъ—Даждь-богами, Велесами и Стрибогами; находя тамъ же возвзваніе къ какому нибудь пѣвцу древности—Гомеру, онъ подставляетъ личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ. Подобное болгарское произведение переходитъ вмѣстѣ съ рядомъ другихъ на русскую почву. Прельщенный византійско-болгарскими красотами, русскій авторъ черпаетъ отсюда „старые словеса“, иногда не отдавая себѣ въ нихъ отчета. Человѣкъ съ прирожденнымъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго не могъ не увлечься патетическимъ возвзваніемъ къ Бояну и перенесъ его въ свое произведеніе. Но чтобы придать неизвѣстному пѣвцу русскую окраску, онъ дѣлаетъ его пѣвцомъ

Ярослава, Мстислава, Романа и Всеслава. Была ли здесь намеренная травестия или наивное смягчение чужого съ своимъ — решить трудно. Важно одно, что при этомъ замѣщениіи авторъ не былъ послѣдователенъ и устранивъ нѣкоторыя чужія черты, не стеръ другихъ: называя Бояна, напримѣръ, пѣвцомъ русскихъ князей, онъ заставляетъ его рыскать *es tronu Троюю*, и называетъ внукомъ Велеса, а не Волоса...

Понятно, что указывая на передѣлки иноземнаго въ „Словѣ“, мы не обвиняемъ автора въ плагіатѣ. Такого понятія вовсе не существовало въ средніе вѣка не только въ русской, но и въ западной литературѣ. Позволимъ себѣ привести справедливое замѣчаніе г-на Пыпина: „любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ романическимъ разсказамъ, находили пищу въ многочисленныхъ переводахъ, которыми словесность наша наводнена была съ древнѣйшаго времени. Отъ X до XVIII столѣтія, сначала старославянская, потомъ русская письменность наполнилась переводами или даже и самостоятельными редакціями сказаний, расходившихся въ то же время и въ западно-европейской литературѣ. Чтобы вѣрно понять, какая роль предназначена была этимъ переводамъ въ нашемъ популярномъ чтеніи древней эпохи, не должно забывать, что въ старину смотрѣли на переводъ вовсе не съ той точки зренія,

какъ смотрять теперь. И переводъ и передѣлка въ наше время не могутъ усвоить литературъ чужаго произведенія и ничего не прибавляютъ къ собственнымъ ея результатамъ, потому что внутренній смыслъ переводааго сочиненія остается по прежнему несрodenъ литературѣ. Въ старину, напротивъ, быть можетъ, отъ неслицкомъ большой разборчивости читателей, чужое и переводное принимали какъ свое, оригинальное. О книгѣ судили по ближайшимъ чертамъ содержанія и, считая переводъ за русское сочиненіе, также легко и чисто русское произведеніе приписывали чужимъ писателямъ: такъ многія русскія поучительныя слова отнесены въ рукописяхъ къ I. Златоусту. При этомъ взглядъ переводъ терялъ иноземную виѣшность: оставляя безъ измѣненія общія мысли, переводчикъ или лучше сказать передѣлыватель замѣнялъ частныя, национальныя черты подлинника другими, взятыми изъ русскаго быта, потому что хотѣлъ быть понятіе для читателей или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло».

Съ этой точки зренія авторъ „Слова“ не нуждается въ оправданіи. Обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патріотическимъ чувствомъ, онъ ведетъ разсказъ о историческихъ событияхъ по былицамъ своего времени, мастерски группируя эти события для гражданской публики и обдѣкая поэтическимъ колоритомъ действующія

лица. Если, при несомненных достоинствахъ разсказа, кое тдъ замѣтило подражаніе, оно только свидѣтельствуетъ о художественномъ вкусѣ автора, объ умѣніи подѣзоваться старыми словесами для украшенія своего произведенія.

Уже было указано нѣкоторыми изслѣдователями на замѣчательное родство языка Галицко-Волынской лѣтописи съ языкомъ „Слова“. Въ этой лѣтописи часто находимъ поэтическія сравненія, живо напоминающія „Слово“. Рассказъ оживленъ и полонъ картинъ: особенно картина разсказывается, напримѣръ, набѣгъ Ростислава Михайловича съ Уграми и Ляхами на Галичъ и битва подъ Ярославлемъ. События церковныя, аскетическая легенды, занимающія столь видное мѣсто въ кievской лѣтописи, почти не входятъ въ Галицко-Волынскую. Все обличаетъ въ составителѣ человѣка мірскаго, граждански развитаго и хорошо образованного для своего времени. Составитель, повидимому, принадлежалъ къ людямъ того же направленія, какъ авторъ „Слова“. При чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи невольно чувствуется что то близкое къ „Слову“, невольно припоминаешь подобные же образы и приходишь къ предположенію, не знали ли были составитель лѣтописи съ этимъ произведеніемъ и не подражалъ ли ему? Авторъ „Слова“ не представляется уже необычайнымъ, исключительнымъ явленіемъ; онъ является скорѣе

представителемъ литературиаго направлениія, быть можетъ, основателемъ школы писателей, воспитавшихся на книжныхъ свѣтскихъ произведеніяхъ, но не чуждавшихся при этомъ родныхъ образовъ южно-русской поэтической рѣчи.

Конечно въ лѣтописи, требующей точности, вѣрности и полноты изложенія, нельзя было всегда изображать событія тѣми бойкими и широкими штрихами, какими начертаны они въ „Словѣ“. Надо было сдерживать воображеніе, приковывать его къ реальнымъ чертамъ дѣйствitenости. Надо было рассказывать событія въ послѣдовательной связи, сочетать крупное, важное, съ мелкимъ и неважнымъ, не останавливаясь только на такихъ, которые говорили сердцу и воображенію. При характеристикихъ историческихъ дѣятелей нельзя было прибѣгать къ смѣлымъ метафорамъ, къ гиперболѣ, ибо лѣтописи ставились не тѣ требования, какъ поэтической повѣсти.

Но при всемъ этомъ, въ иѣкоторыхъ мѣстахъ Волынской лѣтописи прорываются какъ бы мелькомъ черты и краски, далеко необычная этому роду произведеній. Мысль какъ бы окрыляется, языкъ наполняется поэтическими метафорами, стиль становится силенъ, энергиченъ и драматиченъ. Всѣми этими чертами запечатлены строки, занесенные подъ 1201 годомъ, т. е. дошедшій до насъ

отрывокъ отъ утраченного начала Галицко-Волын-
ской лѣтописи въ Ипатск. спискѣ.

Въ лѣто 6709.—Начало княженія великаго князя Романа, самодержца бывша всей Русской земли, князя Галичкого.—По смерти же великого князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолѣвшаго всимъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростю ходяща по заповѣдемъ Божиимъ: *устремилбося ближе илъ поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и тубяще яко и коркодиль и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бѣ яко и туръ.* Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измалтины, рекомъя Половци, изгнавшию Отрока во Обезы за Желѣзная врата, Сърчанови же оставилъ у Дону, рѣбою ожившю; тогда Володимеръ Мономахъ *пиль золотомъ шоломомъ Донъ* и приемши землю ихъ всю, и загнавши оканьныя Агаряны. По смерти же Володимеръ, оставилъ у Сырчана единому гудыцу же Ореви, послы и во Обезы, река: „Володимеръ умеръ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою; молви же ему мои словеса, пой же ему пѣски половецкия; оже ты не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ“. Оному же не восхотѣвшю обратитися, не послушати, и дастъ ему зелье; оному же обухавши и восплакавши, рече: „да лучше есть въ свой земль костью лечи, нели на чюже славну быти“. И приде во свою землю. Отъ него родившюся Кондаку, иже смесе Сулу, пльши ходя, котелъ нося на плече.

чеву; Роману же князю ревновавшю за то, и тщащеся погубити иноплеменьники. Велику мятежю воставшю в земль Руской, оставившима же ся двъима сынома его, единъ 4 лѣть, а другой дву лѣть».

Со слѣдующаго года 1202 уже начинается связный разсказъ о событияхъ на Волыни по смерти Романа¹⁾). Не трудно замѣтить, что приведенный разсказъ не имѣетъ ничего общаго съ лѣтописью. Хотя онъ, пріуроченъ къ 1201 году, но всѣ события относятся къ другимъ временамъ и приведены изъ какого-то нелѣтописнаго источника. Охарактеризовавъ Романа поэтическими чертами изъ царства животныхъ, рассказчикъ припоминаетъ дѣда его Владимира Мономаха, который губилъ Половцевъ и пилъ золотымъ шеломомъ Донъ. Затѣмъ припоминаетъ какого-то гудца Ори и разсказываетъ преданіе о зельѣ *евшанъ*. Далѣе является половецкій ханъ Кончакъ, изображаемый въ типерболическихъ чертахъ какого-то миѳического богатыря: онъ вычерпалъ рѣку Сушу, нося котель на плечахъ. Всѣ характерныя черты разсказа живо напоминаютъ „Слово“. Сравненіе съ вѣроями (туръ), выраженіе *китъ шеломомъ Домъ*, славный гудецъ, пѣсни

---

1) Какъ известно, хронология Галицко-Волынской лѣтописи первоначально примѣнена къ хронологии Киевской лѣтописи. Романъ былъ убитъ въ 1205 г., а Волынская лѣтопись относить его смерть на 1200 г., такъ какъ Киевская кончается 1199 годомъ. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, стр. 26.

половецкія, и гиперболическое изображеніе Кончака. Съ послѣднимъ можно сравнить выраженія „Слова“ о Всеволодѣ: ты бы можешіи Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти; про Ярослава Осмомысла: меча бремены чрезъ облаки; или про Святослава грознаго, великаго Киевскаго: наступи на землю половецкую, притопта хлѣми и яругы, взмуті рѣки и озера, иссуши потоки и болота. Всѣ эти картины, попавшія въ лѣтописный разсказъ и плохо съ нимъ вяжущіяся, заимствованы очевидно изъ какой нибудь героической повѣсти въ родѣ „Слова о Полку Игоревѣ“. Быть можетъ, эта повѣсть была частью извѣстнаго намъ „Слова“, вышла изъ подъ пера того же автора и нѣкоторыя черты ея по реминисценціи занесены лѣтописцемъ. Вспомнимъ, что авторъ говорить въ началѣ: „начнемъ, братіе, повѣсть сю отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря“ и затѣмъ прямо переходить къ послѣднему. Едва ли это пустое обѣщаніе. По всей вѣроятности была написана и первая часть „Слова“, посвященная раннимъ князьямъ, но къ сожалѣнію до насъ она не дошла. Не изъ нея ли почерпнулъ лѣтописецъ нѣкоторыя черты, которыми онъ характеризуетъ Владимира Мономаха? По поводу Романа лѣтописецъ могъ припомнить его дѣда и нѣкоторыя мѣста изъ поэтическаго „Слова“. Не изъ того ли источника взять и Кончакъ, исчерпавшій Сулу и пѣвецъ Орь,

пѣвшій пѣсни половецкія? Словомъ изъ строкъ, внесенныхъ въ галицко-волынскую лѣтопись подъ 1201 годомъ можно, повидимому, вывестъ заключеніе, что внесшій ихъ былъ знакомъ со „Словомъ“ и что въ то время оно, быть можетъ, было вполнѣ, чѣмъ дошедшее до насъ въ пушкинской рукописи.

Глава шестая.

Печатая ниже текстъ „Слова“, мы имѣли главнымъ образомъ въ виду удобство для читателя, ибо прикрѣпляемъ къ этому тексту небольшой комментарій. Въ послѣднее время для критики текста было сдѣлано болѣе, чѣмъ когда нибудь. Проф. Тихонравовъ старательно сличилъ пушкинское изданіе со спискомъ, найденнымъ недавно въ бумагахъ императрицы Екатерины II, который былъ сдѣланъ для нея съ пушкинской рукописи раньше изданія 1800 года. Этотъ списокъ, изданный акад. Пекарскимъ ¹⁾, изданіе графа Мусина-Пушкина ²⁾ и некоторые выписки изъ подлинной рукописи, сдѣянныя Малиновскимъ и найденные

¹⁾ Слово о Полку Игоревъ по списку, найденному между бумагами Императрицы Екатерины II. Приложение къ V-му тому записокъ имп. академіи наукъ № 2. Санктпетербургъ 1864.

²⁾ Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльного князя Новогорода сѣверского Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ преложенiemъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва 1800.

Е. В. Барсовымъ¹⁾)—вотъ весь критической аппаратъ, которымъ можно располагать при возстановлении текста. Нечего и говорить, что этотъ материалъ крайне недостаточенъ: неопытность первыхъ издателей не подлежитъ сомнѣнію, екатерининскій списокъ сдѣланъ подъ наблюденіемъ графа Мусина-Пушкина раньше 1800 г., когда текстъ былъ для него еще менѣе ясенъ, чѣмъ впослѣдствіи, а выписки Малиновскаго обнимаютъ не болѣе 15 мѣстъ изъ подлинной рукописи. Тѣмъ не менѣе изученіе всѣхъ нашихъ критическихъ средствъ не лишено извѣстнаго значенія. Недостаточно знать, что первые издатели сдѣлали не вполнѣ удовлетворительное изданіе утраченной впослѣдствіи рукописи: нужно знать, въ чемъ именно оказывается неточность и нѣтъ-ли возможности ее исправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи екатерининскій списокъ и выписка Малиновскаго оказываются нѣкоторое подспорье.

Свѣдѣнія наши о пушкинской рукописи, сгорѣвшей при Московскому пожарѣ въ 1812 году, весьма скучны. На палеографическія запросы обѣ нѣй Калайдовича, графъ не съумѣлъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ: „рукопись эта писана на лощеной бумагѣ; въ концѣ листописи, довольно чистымъ почеркомъ. По почерку письма и по бумагѣ

¹⁾ См. Жур. М. Н. Пр. 1876. Сентябрь стр. 19 слѣд.

должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣковъ... Во время службы моей въ С.-Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложенiemъ оной пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя *довольно яснымъ характеромъ была написана*, но разобрать ее было весьма трудно, потому что *не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ*, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія“... Таковы были палеографическія показанія бывшаго владѣльца рукописи. Его приблизительное опредѣленіе вѣка, конечно, не имѣеть для насъ никакого значенія.

Гораздо важнѣе показанія другихъ лицъ, видѣвшихъ рукопись,—Карамзина и Малиновскаго. Первый говоритъ, что рукопись *Слова* была писана не въ концѣ XIV в. и не въ началѣ XV, а развѣ въ концѣ сего столѣтія. Второй, принимавшій главное участіе въ первомъ изданіи, пишетъ къ графу Н. П. Румянцеву, что *Слово* было издано съ рукописи XVI вѣка¹⁾). Къ такому же опредѣленію вѣка пришелъ на основаніи палеографическихъ признаковъ, объясняющихъ ошибки первыхъ издателей, и проф. Тихонравовъ. „Конечно въ ясномъ и опредѣленномъ уставномъ письмѣ XIV в., говоритъ Н. С. Тихонравовъ, или же въ полууставѣ

¹⁾ См. Статью Е. В. Барсова 1. с. стр. 19.

начала XV вѣка, не начинавшемъ еще сбиваться на скоропись, нельзя было смѣшать ъ съ ь, ѿ съ ы, ѿ съ ѿ и т. п. А между тѣмъ первые изда-
тели почти постоянно принимаютъ въ рукописи за ѿ и наоборотъ, хотя въ екатерининскомъ спискѣ обѣ буквы списаны съ того же манускрипта иначе и большею частію правильнѣе¹). Смѣшивая кое гдѣ эти буквы, первые изда-тели впадали въ ошибки также въ выводѣ словъ изъ подъ титла, при раз-
становкѣ знаковъ препинанія и при дѣленіи словъ; вслѣдствіе чего, по мнѣнію того же ученаго, только открытие нового списка можетъ возстановить вполнѣ смыслъ донынѣ загадочныхъ мѣстъ *Слова*²). Мѣста, выписанныя *сполнѣ точно* изъ подлинной рукописи Малиновскимъ, еще ярче выставляютъ неудовле-
творительность первого изданія въ соблюденіи осо-
бенностей языка. Изъ нихъ видно, что 1) въ под-
линной рукописи встрѣчалось обыкновенно двой-
ное начертаніе у (ou), какъ, напримѣръ, въ сло-
вахъ: строужіе, тоутнетъ, оу доноу; 2) въ ней
употреблялось также начертаніе буквы ы, какъ,
напримѣръ, въ словѣ: *погрузи*; 3) въ ней удер-
живался ѣ, какъ, напримѣръ, въ словѣ: излоукѣ; 4)
употреблялся малый юсь а вместо ы, напр. рас-
соуша^с; 5) некоторые слова были писаны подъ

---

¹) Слово о Полку Игоревѣ, изд. 2-е 1868 стр. V.

²) Тамъ же, стр. VIII.

титлою; 6) иѣкоторыя слова были недописаны, сокращены, напримѣръ, *кн.* вмѣсто *князя*; 7) предложенія отдѣлялись одно отъ другаго малыми точками ¹⁾).

Замѣтимъ далѣе, что хотя графъ Мусинъ-Пушкинъ и утверждаетъ, что подлинникъ былъ писанъ довольно яснымъ характеромъ, можно усомниться въ разборчивости письма. Уже Карамзинъ замѣтилъ, что въ почеркѣ рукописи были сходны по начертанію буквы *в* и *с* и полагалъ, что вмѣсто *въчи трояни* слѣдуетъ читать *спчи*. Одна выписка Малиновскаго (*гроахнутъ* вм. *грахнуть*) показываетъ, что иногда и *а* сбивалось на *о* и это подтверждается екатерининскимъ спискомъ, представляющимъ иногда родительные на *ою* вмѣсто *аю*, принятаго въ первомъ изданіи. Ср. также екатер. косожьскими вм. Пушк. касожьскими: носады вм. насады, поскачи (екат.) поскочи (Пуш.). Наконецъ и буква *к* въ начертаніи была похожа на *в* и *и*: такъ вмѣсто: *не было къ обидъ*, издатели прочли *не было въ обидъ*, а вмѣсто: *въ Путивль—къ Путивль*.

Впрочемъ мы все-таки не можемъ согласиться съ Н. С. Тихонравовымъ, который испорченность текста 1-го изданія ставить исключительно въ вину неопытности издателей въ чтеніи рукописей. Изъ иѣкоторыхъ фактовъ, почеркненныхъ иѣ сравненіемъ

¹⁾ См. Варсова, въ Ж. М. Н. Пр. 1870. Сентябрь, стр. 20 и 21.

архивнаго списка съ пушкинскимъ изданіемъ, можно заключить, что найденный Пушкинымъ списокъ „Слова“ былъ плохъ и главныя искаженія въ смыслѣ слѣдуютъ отнести на его счетъ, а не на счетъ Бантышъ-Каменскаго, Малиновскаго, главныхъ редакторовъ изданія, и, прибавимъ, Карамзина, который, по словамъ Тимковскаго,увѣрялъ Калайдовича, что „по сдѣланному имъ сличенію, оказалось, что пѣснь о походѣ кн. Игоря со всею точностю напечатана противъ подлинника“.

Нѣтъ сомнѣнія, что рукопись была бы издана современными учеными точнѣе въ палеографическомъ отношеніи, что современный издатель свято сохранилъ бы, напримѣръ, оба начертанія буквы *y*, малый *юсъ*, *эъло* и т. п.; но все же можно сомнѣваться, чтобы тѣ мѣста, которыя до сихъ поръ темны, стали намъ вполнѣ ясны. Не отъ искаженія первыми издателями зависитъ, напримѣръ, темнота такихъ мѣстъ, какъ: свивая славы оба полы сего времени; тьмутораканъский бльванъ; на казатину (канину) зелену; съ той же Калялы Святополье повелѣя; карна и жля; одѣвахъте мя; поганыхъ тльковинъ; бѣша дебрь късаню и несошлию къ синему морю; съ Татраны, Шельбиры и съ Топчакы и съ Ревугы и съ Олбѣры; и скотію на кровать и рекъ и т. п. Темнота „Слова“ зависитъ въ большинствѣ случаевъ отъ трехъ причинъ: отъ того, что въ самой рукописи XVI-го вѣка произведеніе

XII-го было уже значительно искажено, отъ того, что русскій авторъ XII-го вѣка внесъ въ свое произведеніе нѣкоторыя иноземныя черты (Боянъ, Троянъ) и наконецъ отъ того, что мы мало знакомы еще съ историческими обстоятельствами того времени и не всегда понимаемъ бытовыя черты.

Словомъ, палеографически - правильное изданіе позволило бы намъ вѣрнѣе судить о рукописи XVI-в., но едва ли разъяснило бы намъ во многомъ поэтическое произведеніе XII-го вѣка.

Дѣйствительно, въ чёмъ заключается неудовлетворительность первого изданія и какъ оно относится къ екатерининскому списку?

Первое впечатлѣніе отъ архивнаго списка таково, что, при изготавленіи его для императрицы, Мусинъ-Пушкинъ понималъ отдѣльныя мѣста хуже, нежели впослѣдствіи. Это видно изъ сличенія перевода съ тѣмъ, который приложенъ къ первому изданію:

„Игорь къ Дону вои ведеть: уже бо бѣды его пасетъ птицы подобію влѣцы въсрожатъ по яругамъ...“

Въ архивномъ спискѣ: Игорь вои ведеть къ Дону, который несчастіе ему готовитъ. Волки, на подобіе птицъ, своимъ воемъ по яругамъ предвѣщаютъ неудачу.

Въ 1-мъ изданіи: Игорь къ Дону войска ведеть; даже птицы бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ вытьемъ своимъ страхъ наводятъ.

Ортъмами и япончицами и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякими узорочьи половѣцкими. Чрыленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрылена чолка, сребено стружie храброму Свѧтъславичю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо далече залетѣло.

Къ арх. спискѣ: *Ортмами, япончицами* (плащами) и *коужами* (шубами) начали мостить мосты по болотамъ и *другимъ* грязнымъ мѣстамъ. *Всъ узорочья* (уборы) половецкіе, червлено знамя, бѣлая хоругвь, червленая чолка, сребреное *стружie* достались храброму Свѧтославичу. *Дремлютъ въ полѣ. Ольгово храброе гнѣздо далеко залетѣло.*

Въ 1-мъ изданії: Охабнями, плащами, шубами и всякими половецкими нарядами, по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка и сребреное древко достались отважному Свѧтославичу. Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣвъ.

Изъ подобнаго сличенія видно, что при изгото-
женіи перевода для императрицы многія слова еще
были неясны переводчику и оставлены безъ пере-
вода, многія грамматическія формы еще затрудняли
его (твор. пад. узорочьи, причаст. прош. страд.
залетѣло) и связь предложеній была ему неясна.

Меньшее пониманіе текста отразилось и на ин-
терпункціи архивнаго списка, и на отдѣльныхъ сло-

вахъ. Такъ, многія нарицательныя имена, вслѣдствіе непониманія ихъ, попали въ собственныя: Шеломомъ, Галицы (3 раза), говоръ Галичъ, Бѣсови, Харалузъ. Раздѣленіе словъ также часто ошибочное: ужедъ ски (уже дѣски. Пуш.), о днѣ пресловутицу (о Днепре словутию. Пуш.), на ю (вм. наю), утръже вознистри кусы (утръ же возни стрикусы), много вои (многовои). Относительно тѣзательности арх. списокъ значительно уступаетъ 1-му изданію, которое, какъ известно, печаталось очень медленно и подвергалось нѣсколькимъ корректурамъ ¹⁾). Въ спискѣ встрѣчаются описки: халужными (вм. харалужными), за не землю (вм. за землю) и пропуски: такъ, пропущено слово живыми при шереширѣ, и слова *свистъ звѣринъ въ стазби*, которыхъ, впрочемъ, переданы въ переводѣ.

Немногія разночтѣнія между спискомъ и изданіемъ говорять въ пользу послѣдняго: такъ,

въ 1-мъ изданіи:

съ ты плькы
самаю
рядяше
рече Гзакъ

въ екат. спискѣ:

въ ты полкы
самого ²⁾
радяше
рекъ Гзакъ

¹⁾ Первую корректуру держалъ Малиновскій, вторую Балтынгъ-Каменскій, а третью самъ Мусинъ-Пушкинъ. Участіе послѣдняго до того было ограничено, что онъ не имѣлъ даже права помарывать корректуру. Ж. М. Н. Пр. Сентябрь, стр. 10.

²⁾ Въ текстѣ стояло вѣроятно: самою.

Къ такому же выводу прійдемъ, если сравнимъ подробно списокъ съ изданіемъ, относительно вариантовъ въ буквахъ.

1. 1-е изданіе соблюдаетъ ту особенность фонетики „Слова“, что послѣ группы согласныхъ, изъ коихъ вторая плавный *r* и *l*, стоитъ *z*, какъ въ древне-болгарскомъ, или же *z* предшествуетъ звукъ *плъвныиъ*: *млъвити*, *наплънився*, *влъци*, *пълку*, *вълкомъ* и т. д. Въ архивномъ спискѣ эта особенность стерта: *z* замѣненъ буквой *o*: *полку*, *волкомъ*, *первыхъ* (Пуш. *първыхъ*), *черный* (Пуш. *чрънъ*), *молвити* и т. д.

2. Пушкинское изданіе сохраняетъ мягкость гласного послѣ звуковъ *ч* и *ш*: *начати*, *рассушась*, *тучя*, *потручиши*, *поскочиши*, *Свѧтъславличя*, *давечя*, *сыновчя*, *Брячяслава*, *начище*. Это я иногда передаетъ малый юсъ (*ѧ*), какъ видно изъ списка Малиновскаго (*рассушѧ*), иногда простое *ѧ* (*поскочиши*, *давечя*, *сыновчя*). Въ архивномъ спискѣ я замѣненъ чрезъ *a*, согласно съ русской современной ореографіей: *начати*, *рассушась*, *туча*, *потручиши*, *поскочиши*, *давечя*, *сыновчя*.

3. И списокъ, и изданіе неточны въ сохраненіи полугласныхъ въ серединѣ словъ, но большая точность за 1-мъ изданіемъ. Оно въ 11 случаяхъ сохраняетъ полугласные (*въступи*, *тъмою* (*bis*), *чръленыя*, *орътъмами*, *тъмутороканѣ* (*bis*), *иноходьцы*, *ингъварь*, *мъглами*, *мъглами*), гдѣ они не соблю-

дены въ спискѣ, который въ свою очередь сохранилъ ихъ въ 8 мѣстахъ, гдѣ они не сохранены въ 1-мъ изданіи (угорьскыи, салѣтани, утрѣпѣ, кіевъскаго, Полотьскѣ, Святъславъ, Святъславлича (bis)).

4. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ колебаніе въ выборѣ *з* и *ъ* замѣтно въ спискѣ и изданіи, причемъ трудно сказать, которая изъ обѣихъ буквъ была въ рукописи, такъ какъ въ ней, конечно, орѳографія не была выдержанна. Такъ, въ изданіи однажды: *мѣла*, тамъ гдѣ въ спискѣ мыгла, и въ нѣкоторыхъ словахъ *ъ* (тъмутороканскій, чрылеными, тльковинъ, шельбиры), гдѣ въ спискѣ *з*.

5. Что касается до *з* и *ъ* на концѣ словъ, то нельзя согласиться съ г. Тихонравовыи, что большинство случаевъ ихъ смышенія зависитъ отъ того, что начертанія обѣихъ буквъ были сходны въ рукописи. Такое предположеніе можетъ объяснить лишь немногие случаи. Изъ сличенія списка съ изданіемъ видно, что въ окончаніи 3-го лица един. и множ. числа наст. времени или прошед. на тѣхъ рукописяхъ не была послѣдовательна въ употребленіи *з* и *ъ*. Такъ въ пуш. изданіи читается: *помилуетъ, скачатъ, текутъ, каютъ*, гдѣ въ екат. спискѣ стоитъ твердый знакъ. Но гораздо чаще въ пушкинскомъ изд. мягкое окончаніе замѣнено твердымъ (35 разъ) и въ этомъ, кажется, слѣдуетъ отчасти видѣть руку редакціи. Но есть и много случаевъ, гдѣ колебанія между спискомъ и изда-

ніемъ нѣтъ и гдѣ находимъ равно въ обоихъ твердое окончаніе.

Едва-ли палеографически можно объяснить и конечное *в* послѣ *тубныхъ м и с* въ пушкин. изданіи: былинамъ, умъ (трижды), имъ (дважды) трудомъ, Велесовъ, соколовъ (дважды), Святъславъ¹), дивъ, щитовъ, гдѣ въ архивномъ находимъ *з*. Въ употребленіи *в* послѣ *с* слѣдуетъ видѣть особенность языка рукописи, такъ же какъ въ словѣ *умъ*²); *в* въ твор. един. (трудомъ) и т. п. архаизмъ, чаще соблюдаляемый арх. спискомъ, нежели 1-мъ изданіемъ, ср. въ архив. *мечемъ, за нимъ, болотомъ, болотомъ, волкомъ*—гдѣ въ изд. *з*, такъ же какъ въ отецъ (арх.), птицъ (арх.); *в* въ окончаніи Святоплѣкъ (пуш.) вѣроятно опечатка или описка. Объясненіе Н. С. Тихонравова могло бы быть приложено только, къ *в* вм. *з* въ дат. множ.: человѣкомъ (пуш.)=человѣкомъ (арх.), намъ (арх.)=намъ (пуш.), княземъ (арх.)=княземъ (пуш.); но и здѣсь находимъ указанія на то, что мягкое окончаніе составляетъ черту фонетическую, которую сохранилъ въ своихъ выпискахъ изъ той же рукописи Карамзинъ. Въ вышеприведенныхъ выпискахъ изъ Дѣянія Девгеніева можно отмѣтить слѣ-

¹) *в* въ словѣ Святъславъ въ одномъ мѣстѣ (грозный, великий) находится и въ спискахъ и въ изданіи.

²) умъ читается въ одномъ мѣстѣ и въ арх. спискахъ, вм. умъ пушкин. изданія (носить васъ умъ на дѣло).

дующія форми: 1) дат. пад. множ. ч. на *мъ*: *дамъти* свободу и *сыномъ твоимъ*; 2) род. пад. мн. ч. на *евъ: у сыновъ его; кожуховъ 20; фаревъ; поясовъ*; 3) архайч. твор. пад. ед. числа на *мъ: съ каменiemъ, съ драгымъ; сухымъ златомъ* 4) болгар. группу *ръ: кръмилици, пръвый, бръгости*. Зная происхождение повѣсти о Девгеніи, естественно видѣть въ послѣдней чертѣ слѣды болгарского оригинала, уцѣлѣвшіе въ русскомъ переложеніи. Тоже объясненіе прилагаемъ мы къ этому же и нѣкоторымъ инымъ *болгаризмамъ* „Слова“.

5. Колебаніе между архив. спискомъ и 1-мъ изданіемъ замѣтно далѣе въ употребленіи *и* и *и* послѣ гортанныхъ; но это колебаніе было и въ пушкинской рукописи, такъ что нельзя выставить закономъ, что цслав. употребленіе *и* послѣ гортанныхъ было въ ней строго проведено. Ошибка первыхъ издателей состоить въ томъ, что они хотѣли внести однообразіе и замѣнили *и* чрезъ *и* въ нѣсколькихъ случаяхъ, въ которыхъ арх. списокъ сохранилъ ореографію подлинника. Такъ мы читаемъ въ 1-мъ изд.: *рѣкій, рускія, великихъ, половецкихъ, поло-вецкія, аки, готскія, великий, облаки, латинскими, многи, похитимъ, яцкіи, литовскія, кіевскими*.

6. Въ пушк. изданіи род. пад. ед. числа прилаг. тверд. оканчивается постоянно на *аю*¹⁾). Въ архивн.

¹⁾ Кромѣ одного случая—поганого ющего.

спискѣ въ 7 случаяхъ изъ 19 находимъ *аго*. Спрашивается, какъ было въ подлинной рукописи? Было ли въ ней постоянно *аго*, которое издатели согласно съ современной орѣографіей поправили въ *аго*, между тѣмъ какъ писецъ, писавшій архив. списокъ, внесъ эту поправку только кое-гдѣ, случайно, или и въ подлинной рукописи существовало колебаніе? Кажется, послѣднее вѣрнѣе. Если мы припомнимъ притомъ, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, *а* и *о* въ рукописи иногда бывали сходны, то затруднимся опредѣлить насколько ошиблись первые издатели прочитавъ въ 7 случаяхъ *аго* вм. *аго*.

7. Къ поправкамъ, внесеннымъ редакторами первого изданія, слѣдуетъ отнести вставку мягкаго знака послѣ *л* въ словахъ: Ольгово (Арх. Олгово), Ольга, сильными (Арх. силными), крильца (крилца), Ольбера (Арх. Олбѣры), нельзѣ (Арх. нелзѣ), только (Арх. tolко). Въ этихъ случаяхъ *ь* былъ вѣроятно выраженъ надстрочнымъ знакомъ, и если такие знаки иногда отсутствовали, то это свидѣтельствуетъ лишь о небрежности писца. Конечно въ живомъ языкѣ не было произношенія *толко*, *крилца*, почему и поправки редакторовъ могутъ возмущать развѣ только крайній палеографической пуризмъ.

8. Къ такимъ же маловажнымъ въ сущности поправкамъ принадлежитъ замѣна *п* чрезъ *е* и обратно въ нѣкоторыхъ словахъ: залѣтѣло (Арх. залѣтѣло), телѣгы (Арх. тѣлѣгы), видѣ (Арх. виде), разшибе

(Арх. бѣ), стрѣлами (Арх. стрелами). Поправка эта неудачна только въ словахъ: въ жестоцемъ (Арх. жестоцѣмъ), на небесѣ (Арх. небесе), гдѣ употребленіе того или другаго звука представляеть архаизмъ, который слѣдовало удержать. Впрочемъ, такія неудачныя поправки находимъ чаще въ архив. спискѣ: на синемъ (пуш. синѣмъ), златоврѣсемъ (пуш. ъмъ), златокованнемъ (пуш. ъмъ), кресити (пуш. крѣсити), слѣдовательно и въ этомъ отношеніи архив. списокъ уступаетъ въ точности 1-му изданію.

9. Что въ двухъ случаяхъ надстрочный знакъ равносильный з-ру былъ переданъ этой буквой—конечно также не можетъ быть вмѣнено въ вину редакторамъ. Эти слова: съ (Арх. с'), въ друзѣ (Арх. в' друзѣ). Въ словахъ: *въ моемъ* (пуш. вмо-емъ) и бесъ щитовъ (пуш. бес щитовъ), архив. списокъ дѣлаетъ тоже самое.

10. Трудно допустить чтобы первые издатели были такъ невнимательны къ выведенію словъ изъ подъ титла, какъ утверждаетъ проф. Тихонравовъ. „Выводя нѣкоторыя слова изъ подъ титла, говорить этотъ ученый, первые издатели произвольно ставятъ ь или ъ и тамъ, гдѣ ихъ, конечно, не было въ подлиннике. Такъ они печатаютъ *трудомъ*, гдѣ въ Екат. спискѣ *трудо["]*; *умомъ*, гдѣ въ Екат. спискѣ *умо["]*[“]¹). Но начертаніе этихъ словъ въ Екат. спискѣ

---

¹) Слово о П. И. изд. Тихонравова, стр. V.

вовсе не указываетъ на то, что они были подъ титломъ въ подлинникѣ: буква *m* надъ строкою встрѣчается только какъ сокращеніе, которое переписчикъ дѣлалъ для избѣженія переноса окончанія слова въ другую строку ²⁾). Слѣдовательно редакторы 1-го изданія не сами измыслили окончаніе *mъ* въ твор. пад., а нашли его въ подлинникѣ. Что касается слова *rече*, которое было неправильно выведено изъ подъ титла, то и здѣсь есть различіе между 1-мъ изданіемъ и архив. спискомъ. Въ 1-мъ изданіи стоитъ *rечь* вм. *рече* только въ одномъ мѣстѣ: помняшеть бо *rечь* първыхъ временъ усобіцѣ, гдѣ это слово дѣйствительно легко могло быть принято за существит. имя; въ архивномъ же спискѣ находимъ: и *rечь* ему Буй Туръ Всеолодъ; *rечь* Кончакъ ко Гзѣ; и *рекъ* Гзакъ къ Кончакови. Слѣдовательно со времени Екат. списка издатели кое чѣму уже научились. Но г. Тихонравовъ идетъ дальше и утверждаетъ, что надстрочные буквы большею частію *выпускались* издателями и они печатали: въ шумѣ (вм. въ ^с шумѣ), втроскоташа (въ ^с троскоташа), поклониша (вм. по ^с клониша), пѣстворца (вм. пѣ ^с творца).

Намъ кажется, что это обвиненіе слѣдуетъ значительно ослабить. Въ приведенныхъ словахъ дѣйствительно пропущены нѣкоторыя согласныя, въ-

---

2) См. изд. Пекарскаго, предисл. стр. 8.

роятно *коуда-то* стоявшія надъ строкою; но пропустили ли ихъ издатели, или ихъ не было уже въ пушкинскомъ спискѣ? Неужели между лицами, видѣвшими рукопись, а въ числѣ ихъ былъ Карамзинъ, не нашлось никого, кто бы разъяснилъ издателямъ тайну титла, если она дѣйствительно была для нихъ тайною? Вѣроятнѣе предположить, что въ приведенныхъ словахъ надстрочныя буквы уже раньше были пропущены какимъ нибудь малограмотнымъ переписчикомъ и что редакторы, ставившіеся печатать *эту букву*, не сочли себя въ правѣ мудрствовать лукаво, поправляя текстъ. Это замѣтно при сличеніи Арх. списка съ 1-мъ изданіемъ: лицо списавшее списокъ, не преслѣдуя палеографическихъ цѣлей и притомъ пишучи подъ наблюдениемъ одного изъ редакторовъ, списало: *пѣснми, пѣснтоворца*. Неужели же съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланъ былъ этотъ списокъ, редакторы разучились читать титла и напечатали *пѣсъми, пѣснтоворца*, выпустивъ надстрочную букву, которую умѣли прочесть раньше? Очевидно, что надстрочной буивы вовсе не было, и что чтенія 1-го изданія показываютъ болѣе внимательное отношеніе къ буквѣ, нежели чтенія архивнаго списка.

Думаемъ, что слѣдуетъ съ издателей снять и другое обвиненіе, именно то, что они не умѣли различить буквы *Ч* и *Ш*. Факты, приводимые г. Тихонравовымъ, могутъ быть объяснены иначе.

Такъ г. Тихонравовъ поправляютъ усобіцъ на *усобіцы* (помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобіцѣ), измѣнія вполнѣ правильный для древнерусскаго языка вин. пад. мн. числа на *и* въ позднюю форму на *иа*. Въ плачѣ Ярославны въ словахъ: на *ладъ вои* — *ладъ* есть дат. пад. употребленный согласно съ древне-русскимъ синтаксисомъ вм. родительного и не нуждается въ измѣненіи. Въ словахъ: ищучи себе чти, а *князю славъ* — *славъ* вѣроятно описка рукописи, такъ какъ черезъ нѣсколько строкъ далѣе читается правильно: ищучи себѣ чти, а *князю славы*. Сохраненіе *описки* также говоритъ въ пользу тщательности 1-хъ издателей. Наконецъ въ двухъ послѣднихъ случаяхъ — уже бо выскочисте изъ дѣдней *славъ*; тяжко ти головы кромѣ плечю — мы скорѣе склонны видѣть, вмѣстѣ съ г. Колосовыемъ, смѣшеніе падежныхъ окончаній, нежели смѣшеніе *буквъ* издателями.

Остается еще одно обвиненіе противъ первыхъ издателей: они въ двухъ мѣстахъ приняли одно слово за два и болѣе (сице и вм. сицей, му жа имѣ ся вм. мужаемъся) и не вездѣ согласно со смысломъ разставили знаки препинанія. Едва ли можно строго судить издателей за послѣднее: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Слова“ даже въ настоящее время можно колебаться въ интерпункции и дѣйствительно такое колебаніе замѣтно въ новѣйшихъ изданіяхъ. Промахи же въ родѣ *му жа имѣ ся слу-*

чаются и въ наше время: такъ еще въ изданиі 1871 г. Ипат. списка Археографич. комиссіей, находимъ *слѣпаго* Акуна вмѣсто *льпаго*: и бѣ Акунъ слѣпъ вм. съ *льпг*¹⁾.

Впрочемъ, мы конечно не будемъ стоять за удовлетворительность первого изданія; но было бы неумѣстно обвинять издателей въ томъ, въ чёмъ они неповинны. Благодаря выпискамъ Малиновскаго, палеографическая неточность пушкинского издания стала ясна: но вмѣсть съ тѣмъ можно сказать съ увѣренностью, что и *фотографическое* изданіе пушкинской рукописи не подвигнуло бы насъ ни на шагъ въ пониманіи „Слова“. Промахи первыхъ издателей стали ясны и потому безвредны: мы давно уже перестали читать *му жа имъ ся и сице и*; но сколько осталось темныхъ мѣсть, въ которыхъ мы не имѣемъ никакого права заподозрить искаженіе издателей? Эти мѣста были искажены уже въ рукописи и искаженія являются результатомъ четырехъ-вѣковой переписки произведенія XII-го вѣка.

При нашемъ изданіи мы руководились слѣдующими правилами:

1. Въ основаніи положень текстъ 1-го изданія, причемъ внесены изъ архивнаго списка тѣ ва-

---

¹⁾ См. стр. 104. Въ послѣднемъ изданиіи Лаврен. списка (1872) это чтеніе уже исправлено.

ріанты, которые намъ навались болѣе правильными.

2. Мелкія поправки внесены въ текстъ всюду съ обозначеніемъ чтенія 1-го изданія (Пуш.) и Архивнаго списка (Арх.).

3. Мѣста, гдѣ требуются болѣе крупныя поправки обозначены курсивомъ. Не рѣшаясь внести собственныя догадки въ текстъ, мы помѣстили ихъ въ комментаріяхъ.

4. Для удобства при справкахъ мы раздѣлили текстъ на 12 отдѣловъ.

Слово о пльку Игоревѣ,

Игоря Святъславля, внука Ольгова.

I. Не лѣпо ли ны бяшеть, братie, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пльку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣсть¹⁾ творити, то растѣкашется мыслю по древу, сѣрымъ вѣжкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшть

---

¹⁾ пѣсни Арх.

бо, рече ¹⁾), първыхъ временъ усобицѣ: Тогда пуща-
шеть і соколовъ на стадо лебедѣй: которыи доте-
чаше, та преди иѣсь ²⁾) пояше—старому Ярославу,
храброму Мстиславу, иже зарѣа Редедю предъ
пѣлки Касожьскими, красному Романови Святъ-
славичю. Боянъ же, братіе, не і соколовъ да
стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа прѣсты на
живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ
славу рокотаху. Почнемъ же, братіе, повѣсть сю
отъ стараго Владимира до нынѣшия Игоря, иже
и стягну ³⁾ умъ крѣпостію своею, и поостри сердца
своего мужествомъ; наплѣнився ратнаго духа, на-
вѣде своя храбрыя шльки на землю Половѣцкую
за землю Русскую.

II. Тогда Игорь вѣэръ на свѣтлое солнце и видѣ
отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече
Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! ду-
щежъ бы потяту быти, иже полонену быти; а
всѧдемъ, братіе, на свои брѣзыя комони, да по-
зримъ синего Дону“. *Спала князю умъ похоти и*
жалость ему знаменіе заступи искусити Дону ве-
ликаго. „Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ
шоля Половецнаго съ вами, Русици,—хощу главу
свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону“.
О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа

---

¹⁾ речь Пуш. Арх. ²⁾ иѣсь Пуш. пѣснѣ Арх. ³⁾ истягну
Пуш. Арх.

плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, *свивая*, славію¹), оба полы сего времени, рища въ тропу Троянию, чресъ поля на горы: пѣти было пѣсни²) Игореви, того внуку: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому“... Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: „Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; Стоять стязи въ Путивлѣ. Игорь ждетъ мила брата, Всеволода... И рече ему буй-турь Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый—ты, Игорю! оба есвѣ Святъславличя. Сѣдлай, брате, свои брѣзыни комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети³): подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни, конецъ копія въскрѣмени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачуть, акы сѣрыи влѣди въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы“⁴). Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тѣмою путь заступаше; нощь, стонущи ему грозою, птичъ убуди; свистъ звѣринъ *въ стазби дивъ* кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли неизнаемѣ: Влѣзѣ, и Помо-

---

¹) славы Пуш. Арх. ²) пѣсь Пуш. пѣсни Арх. ³) къ мети Пуш. Арх. ⁴) славѣ Пуш. Арх.

рію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебъ,
Тымутораканский бльванъ. А Половци неготовами
дорогами побѣгоша къ Дону великому. Кры-
чать тѣлѣгы полунощы, рчи лебеди роспужени¹).
Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его па-
сетъ птиць по дублю; вльци грозу *встрожать* по яру-
гамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; ли-
сици брешутъ на чръленыя щиты. О Руская земле!
уже за шеломянемъ еси... Длъго ночь мркнетъ;
заря свѣтъ *запала*; мгла поля покрыла; щекотъ
славій *успе*, говоръ галичъ *убуди*. Русичи великая
поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ
чи, а князю славы.

III. С' заранія въ пят'къ потопташа поганыя
пльки Половецкыя и рассушай стрѣлами по полю,
помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними
злато, и паволокы, и драгия оксамиты; орть-
мами, и япончицами, и кожухы начаша мосты
мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и вся-
кими узорочьи Половѣцкими. Чръленъ стягъ, бѣла
хорюговъ, чрълена чолка, сребreno стружіе—храб-
рому Святъславличю. Дремлетъ въ полѣ Олгово
хоробре гнѣздо далече залетѣло. Не было *кѣ*²)
обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ,
чръный воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжить

---

¹) роспужени Пуш. Арх. ²) небыло и въ Арх. небыло и въ Пуш.

сврымъ влькомъ; Кончакъ ему схдь править къ Дону великому... Другаго дни велики ране кровавымъ зори свѣтъ появляютъ. Чръныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрытии солнца; а въ нихъ трепещутъ синіи млыніи. Быти грому великому, ятти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Ту ся копиемъ при-
ламати, ту ся саблямъ потручиши о шеломы По-
ловецкыя, на рѣцѣ на Каяль, у Дону великаго. О
Русская земле ¹⁾! Уже за ²⁾ шеломянемъ еси. Се вѣтри,
Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храб-
рыя плькы Игоревы. Земля тутнеть, рѣки мутно
текуть, поросли поля прикрываются, стязи глаго-
лють. Половци идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ
всѣхъ странъ Русскыя плькы остушиша ³⁾). Дѣти бѣ-
сови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици
преградиша чрълеными щиты. Ярь-туре Всеволоде ⁴⁾!
Стоими на борони, прыщеши на вои стрѣлами,
гремлеши о шеломы мечи жаралужными. Камо турь
поскочиша, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поске-
паны саблями каленныи шеломы Оварьскыя отъ
тебе, ярь-туре Всеволоде. Какъ раны дорма братіе,
забывъ чти и живота, и града Чрънигова — отъя
злата стола, и своя иниши хоти, красныя Газ-
бовны, свычая и обычаи.

---

¹⁾ земля Пуш. ²⁾ у же щеломянемъ Пуш. Арх. ³⁾ остушиша
Пуш. Арх. ⁴⁾ Всеволодъ Пуш. Арх.

IV. Были въчи Троицкіи, минука лѣта Ярославія; были пальцы Олговы, Ольга Святъславича. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли съяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градъ Тымутороканъ: тоже звонъ слыша давный великий, Ярославль ¹⁾ сынъ, Всеволодъ ²⁾; а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе, и на *калику* зелену паполому ностла, за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ той же *Кали* Святопольцъ *поселья* отца своего между Угорскими иноходцами ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславичи съяннется и растяньетъ усобицами, погибашеть жизнъ Даждь-божа внука въ княжихъ крамолахъ, въци человѣкомъ скратишасть. Тогда по Русской земли рѣтко ратаевъ кикакуть, иль часто врани грахнуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять похетѣти на уедie. То было въ ты рати и въ ³⁾ ты пальцы, — а сицеи ⁴⁾ рати не слышано.

V. Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта лестять стрѣлы каленныя, громлють сабли о шеломы, трещать копіа карагужныя, въ полѣ не знаемъ, среди земли Половецкими. Чръна земля подъ копыты костыми была посѣяна, а ировію

¹⁾ Ярославъ Пуш. Арх. ²⁾ Всеволодъ Пуш. Всеволодъ Арх. ³⁾ съ Пуш. ⁴⁾ сицеи Пуш. Арх.

польяна: тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давечя рано, предъ зорями? Игорь плькы заворочаеть: жаль бо ему мила брата, Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ до кончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

VI. Уже бо, братіе, невеселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступила ¹⁾ двоюю ²⁾ на землю Троянью, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе: рекоста бо братъ брату: „се мое, а то—мое же“. И начаша князи про малое „се великое“ млѣвити, а сами на себе ³⁾ крамолу ковати. А поганіи съ всѣхъ странъ приходаху съ побѣдами на землю Русскую. О! далече зайде соколъ, птиць бья,—къ морю. А Игорева храбраго пльку не крѣсити. За нимъ кликну *Карна*, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускыя ¹⁾ въсплакашась, а ркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ

---

¹⁾ вступилъ Пуш. Арх. ²⁾ двою въ выпискахъ Малиновскаго Ж. М. Н. П. 1876. Сентябрь, стр. 20. ³⁾ себѣ Пуш.

ладъ ни мыслю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра, нимало того потрепати⁴. А въстона бо, братіе, Киевъ туюю, а Черниговъ напастьми. Тоска разліяся по Руской земли. Печаль жирна тече ¹⁾ средъ ²⁾ земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху. А погані сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъ-славичя, Игорь и Всеиводъ, уже лжу *убуди*, ко-торую то бяше успилъ отецъ ихъ, Святъславъ грозный, великий Киевскый: грозою бяшеть при-трепалъ ³⁾ своими силными плѣкы и харалужными мечи. Наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, възмути рѣкы ⁴⁾ и озера, иссухи потоки ⁵⁾ и болота; а поганаго Кобяка изъ луку моря ⁶⁾, отъ желѣзныхъ, великихъ плѣковъ Поло-вецкихъ ⁷⁾, яко вихрь, выторже: и падеся Кобякъ въ градъ Киевъ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греки и Морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже по-грузи жиръ во днѣ Калялы, рѣкы Половецкыя ⁸⁾, Рускаго злата насыпаша ту; Игорь князь высьде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево. Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче.

¹⁾ утече Арх. ²⁾ средъ Пуш. ³⁾ притрепеталъ Пуш. Арх.
⁴⁾ рѣки Пуш. ⁵⁾ потоки Пуш. ⁶⁾ излоукоу моря въ выпискахъ Малиновскаго. ⁷⁾ великихъ Половецкихъ Пуш. ⁸⁾ Половец-кія Пуш.

VII. А Святъславъ иутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ, на горахъ. „Си ночь съ вечера одѣвашася ма, рече, чръною напеломою, на кроваты тисовѣ; чрънахуть ми синее вино, съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ Тльковицъ великий женчугъ на лоно и нѣгуютъ мя; уже дѣски безъ кнѣса въмоемъ теремѣ златоврѣсъмъ. Всю ночь съ вечера босуши враны възграху у Плѣснѣска на болони бѣла фѣдѣръ кисакю и несонакю¹⁾ къ синему морю“. И ркоша бояре князю: „Уже, княже, туга умы полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо иснити шеломомъ Дому; уже соколома ирилца припѣшли поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзы. Темно бо бѣ въ гдень: два солнца помѣркоста²⁾, оба багряная стѣльпа погасоста, а съ нима³⁾ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тѣмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста⁴⁾ хинови. На рѣцѣ на Каїлѣ тьма сѣть покрыла. По Руской земли простирашася Половци, акы парду же риѣздо. Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеса дивъ на землю. Се бо Готъскыя⁵⁾ красныя дѣвы въсѣнѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ: поють времѧ

¹⁾ не сошли Пуш. Арх. ²⁾ помѣркоста Пуш. померкоста Арх. ³⁾ съ нимъ Пуш. Арх. ⁴⁾ подаста Пуш. Арх. ⁵⁾ Готскіи Пуш.

Бусово, лейтъ месть Шаропаню. А мы уже, дружина, жадни веселіа⁴. Тогда великий ¹) Святъ-славъ изрони злато слово, е' слезами ²) същемо, и рече: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; и въ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваша храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ будести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава съ Черниговскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбира, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Олбѣры; тіи бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждаютъ, звонячи въ нрадѣнюю славу. Нѣ репосте: „мужаймъся ³) сами: преднюю славу сами похытимъ, а заднюю си ⁴) сами подѣлимъ⁴. А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Кали соколь въ мытехъ бываетъ, высоко итицъ възбиваєтъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду. *Нѣ се зло княже ми не пособie;* ваниче ся годины обратиша⁵: се у Риль ⁵) кричать подъ саблями Половецкими, а Володимиръ подъ ранами; туга и тоска сыну Глѣбову.

VIII. Великий княже, Всеволоде! Не мыслю ти

¹) великий Пуш. ²) слезами Пуш. Арх. ³) мужаймъся Пуш. мужа имъся Арх. ⁴) ся Пуш. Арх. ⁵) Урицъ Пуш. ури Арх.

прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощѣй по резанѣ. Ты бо можеши по суху живыми шерешыры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли злаченными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають аки тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремена¹⁾ за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича. Галички Осмомысле Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремени²⁾ чрезъ облакы, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; оттворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола салттани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича. А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носить *есъ* умы на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколь на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзнїи *папорги* подъ шеломы латиньскими: тѣми тресну земля и многы страны

---

¹⁾ стремень Пуш. Арх. ²⁾ времены Пуш. Арх.

Хинова, Литва, Ятвази, Деремела и Половци сулици своя повръгоща, а главы своя подклониша¹⁾ подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже Игорю, утръпъ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвie срони: по Рсі и²⁾ по Сули гради подѣлиша, а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Доны ти, княже, кличеть и зоветь князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы, и сулицы яцкыи, и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича!

IX. Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онимъ грознымъ Полочяномъ³⁾ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовьскыя; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавъ травъ притрапанъ Литовскими мечи *и с хотио на креатъ и рекъ:* „Дружину твою, княже, птицы крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша“⁴⁾. Не бысть⁴⁾ ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода: единъ же изрони

---

¹⁾ поклониша Пуш. Арх. ²⁾ Рсіи Пуш. Роси Арх. ³⁾ Полочаномъ Пуш. Польчянамъ Арх. ⁴⁾ не бысь Пуш. небы Арх.

жемчужну душу изъ храбра тѣла чресть злато ожерелie. Унылы голоси, пониче веселie, трубы трубятъ Городенъскii. Ярославе и веи вище Всеславли! уже понизите¹⁾ стязи свои, возните²⁾ свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славы³⁾. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Русскую, на жизнь Всеславию, которою⁴⁾ бо бѣше насилие отъ земли Половецкны. На седьмомъ вѣцѣ Трояни⁵⁾ връже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу. Тѣй клюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевъскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пльночи изъ Бѣлаграда, обсыпая синѣ мъглѣ; утѣ же *войзни стрикусы*, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи вѣкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ сиопы стелютъ головами, молотять чепи харалужными, на тойдѣ животъ кладуть, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхутъ посѣянii,—посѣянii kostьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше⁶⁾, а самъ въ ночь вѣкомъ рыскаше. Истъ Кыева дотрикаше, до куръ, Тмутороканя; великому Хрѣсови вѣкомъ путь прерыкаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святых Софии въ

---

¹⁾ понизить Пуш. Арх. ²⁾ вознить Пуш. Арх. ³⁾ слава Пуш. Арх. ⁴⁾ которое Пуш. Арх. ⁵⁾ Зояни Арх. ⁶⁾ рядяше Арх.

колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзъ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страшаше. Тому вѣщей Боянъ и ирвое припѣвку смѣленый рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горааду суда Божія не минути“. О! стонати Русской земли, поминувши прѣвшую годину и прѣвыхъ князей. Того стараго Владимира нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскымъ. Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нѣ роз'но ся¹⁾ имъ хоботы пашуть.

Х. Коніа поютъ на Дунаи; Ярославныи глашъ слышить, зетаицею незнаемъ рано кычеть. „Полечю, рече, зетаицею ю Дунаеви, омою бебрянъ рукаль въ Каалѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“. Ярославна рано плакеть въ Путивль на забралѣ а ркучи: „О вѣтре, вѣтриле! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычени хиновьсныя стрѣлы на своею нетрудною прилицю на моея лады вон? Мало ли ти бѧшеть горѣ²⁾ подъ облакы вѣти, лелѣючи корабли на синѣй морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылю развѣя?“ Ярославна рано плакеть Путивлю городу на заборолѣ, а ркучи: „О Днѣдре словутию! Ты пробилъ еси каменные горы сквозь землю Переяславскую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави иконы до пыльку Кобякова: вѣителъ, господине,

¹⁾ и нѣ рози нося Пуш. Арх. ²⁾ гѣрѣ Пуш. Арх.

мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано⁴. Ярославна рано плачетъ въ⁴) Путивлѣ на забралѣ а ркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое сльнце! Всѣмъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои, въ полѣ безводнѣ, жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?“

XI. Прысну море полунощи; идутъ сморци мыглами. Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслю поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонъ въ полуночи... Овлуръ свисну за рѣкою, велитъ князю разумѣти: князю Игорю не быть. Кликну,—стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкіи подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; *взверзжеся* на брѣзъ комонъ и скочи съ него *босымъ* вълкомъ и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подъ мыглами, избивая гуси и лебеди завтраоку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Овлуръ вълкомъ потече, труся собою студеную росу: претрѣгоста бо своя брѣзая комоня. Донецъ рече: „Княже Игорю! Не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселія“. Игорь рече: „О Донче! Не мало

---

⁴⁾ къ Путивлѣ Пуш. Арх.

ти величія, лелѣявшу князя на вѣнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену древу, стрежаше его¹⁾ гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрѣниадьми на вѣтрѣхъ. „Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имъя, пожръши чужи ручьи, и струги ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ; уныша цвѣты жалобою и древо с тugoю къ земли прѣклонилося“²⁾). А не сорокы вѣстроскоташа,—на слѣду Игоревѣ ъздить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врані не граахуть, талици помлѣкоша; сорокы не троскоташа, по лозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсными свѣтъ повѣдаютъ. Мльвитъ Гзакъ Кончакови: „Аже соколь къ гнѣзду летить, соколича рострѣяевъ своими злаченными стрѣлами“. Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколь къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевъ красною дѣвицею“. И рече³⁾ Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевъ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити вѣ полѣ Половецкомъ“.

XII. Рекъ Боянъ иходы на Свѧтъславля пѣснотворца

4

¹⁾ с Пуш. Арх. ²⁾ прѣклонило Пуш. преклоняло Арх.
³⁾ реіъ Арх.

старого времени Ярославля, Ольгова, коганя хоти:
„Тяжко ти, головъ¹”), кромъ плечю,— зло ти, тѣлу,
кромъ головы“; Руской земли безъ Игоря. Солнце
свѣтится на небесе, Игорь князь въ Руской земли.
Дѣвици поютъ на Дунаи, въются голоси чресь
море до Киева. Игорь ъдетъ по Боричеву къ свя-
тѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради
весели.

Пѣвшe пѣснь старымъ княземъ, а потомъ моло-
дымъ пѣти: слава Игорю Святъславичю²), буйтуру
Всеволоду³), Владиміру Игоревичу. Здрави князи
и дружина, побарая за христианы на поганыя
плѣки. Княземъ слава и⁴) дружинѣ. Аминь.

---

¹) Головы Пуш. Арх. ²) Святъславича Пуш. Святъслав-
ичъ Арх. ³) Всеволодъ Пуш. Всеволодъ Арх. ⁴) а Пуш. Арх.

Примѣчанія.

I

Не льпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пылку Игоревъ, Игоря Святѣславича?

Большинство изслѣдователей и издателей принимаютъ слова *трудныхъ повѣстій* за дополненіе къ глаголу *начати*: не прилично ли намъ, братья, начать печальный разсказъ о походѣ Игоря... *старыми словесы*, т. е. словами старинной пѣсни (См. Изд. Н. С. Тихонравова, стр. 25). Съ этимъ толкованіемъ едва ли можно согласиться, юбо при немъ родит. падежъ *трудныхъ повѣстій* не находить объясненія. Нѣть основанія объяснить его какъ genitivus partitivus, такъ какъ нѣсколько строкъ далѣе находимъ правильно винит. пад. послѣ того же глагола: *почнемъ же, братіе, повѣсть сю.* Съ другой стороны нельзѧ объяснить родит. *трудныхъ повѣстій* и вліяніемъ отрицанія, такъ какъ послѣднее (*не льпо ли ны бяшетъ*) стоять слишкомъ далеко и относится не къ *начати*. Наконецъ, чѣмъ могли бы мы объяснить множественное число *трудныхъ повѣстій*? Авторъ разсказываетъ не много по-

вѣстей о походѣ Игоря, а только одну: *почнемъ же, братie, повѣсть сю.* Эти грамматические затрудненія устраняются, если мы конструируемъ: *не лько ли мы бяшетъ начати о полку Игоревъ... старыми словесы трудныхъ повѣстий.* Такъ понималъ это иѣсто уже Дубенскій. Трудная повѣсть значитъ повѣсть о трудахъ, а *трудъ* употребляется въ значеніи борьбы, подвига, дѣянія. Сравн. напр. заглавіе въ лѣтописи Галицко-Волынской подъ 1227 г.: начнемъ же сказать бесчисленные *рати*, и великия *труды*, и частныя войны и т. д., гдѣ *труды* помѣщены между *ратями* и *войнами*. Слѣдовательно въ первыхъ строкахъ «Слова» авторъ спрашивается, не начать ли ему разсказъ о полку Игоревъ старымъ языкомъ и складомъ (старыми словесы), свойственнымъ *труднымъ*, т. е. воинскимъ, ратнымъ, повѣстямъ. Но эта мысль тѣсно связана съ дальнѣйшемъ: начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ *сего времени*, а не по замышленію Бояню. Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ о *содержаніи* замышляемаго рассказа, какъ въ предыдущемъ дѣло шло о его *формѣ*. Въ языкѣ и складѣ произведенія (фориѣ) авторъ считаетъ припѣтнымъ слѣдоватъ воинскимъ повѣстямъ, но содержаніе его повѣсти должно быть исторический вѣрно, должно соображаться съ событиями (былинами) и не уводобляться замышленіемъ поэта Бояна. Такимъ образомъ уже въ самомъ началѣ «Слова» находимъ указаніе, что авторъ во вѣтшней сторонѣ своего произведенія слѣдоватъ литературнымъ образцемъ, воинскимъ повѣстямъ византійско-болгарского происхожденія.

*Боянъ ба вѣщий, аще кому хотяше пѣснь теорити,
то растѣкашется мыслю по древу, сѣрымъ вѣкомъ
по земли, шивымъ орломъ подъ облакы.*

Здѣсь выраженіе мыслю возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, на что было указано уже г. Макушевымъ. Растекаясь сѣрымъ вѣкомъ по землѣ и орломъ подъ облаками, Боянъ долженъ бытъ растекаться по древу не мыслю, а чѣмъ то инымъ, соотвѣтствующимъ волку и орлу. Это чувствуется само собою и невольно напрашивается предположеніе, не стояло ли въ оригиналѣ XII в. мышию или мыслию вместо мыслю? Мышию могло называться животное, быстро скачущее по дереву—бѣлка или какая нибудь разновидность этой породы. Не различая зоологическихъ оттѣнковъ, народъ даетъ название мыши вообще мелкимъ грызунамъ: *vespertilio* называется летучей мышию, бѣлка въ Псковской губ. Опочецкому уѣздѣ называется мысью, въ белорусскомъ нарѣчиѣ есть дѣтское слово мышка, означающее мышь и всякое небольшое мохнатое животное (см. сл. Носовича). Можетъ быть мысь означало не простую бѣлку, а ту разновидность, которая снабжена перепонкой, идущей вдоль всего тѣла, отъ передней къ задней лапки. Эта разновидность, скачущая съ особенной быстротою и на большее расстояніе, называется у насъ полетущей, летящей или просто летучей бѣлкой. Трудно опредѣлить, разумѣется ли здѣсь обыкновенная бѣлка или ящая, но во всякомъ случаѣ смыслъ требуетъ какого нибудь звѣрина, быстро скачущаго по деревьямъ. Мыслию вероятно искаженіе, принадлежавшее некому нибудь дерев-

писчику, не знакомому съ областнымъ названіемъ этого звѣрка.

Помняшеть бо, рече, первыхъ временъ усобицъ. Усобицъ винит. пад. множ. числа. Малый юсъ а въ род. пад. ед. числа и винит. множ. въ именахъ мягкаго склоненія жен. р. обыкновенно переходитъ въ т уже въ памятникахъ XII вѣка. Срав. въ Житіи Феодосія: владыцицѣ нашей Богородицѣ; ис тьмыницѣ; доушѣ. Напротивъ форма на ы была еще неупотребительна въ этомъ столѣтіи.

Тогда пущашетъ і соколовъ на стадо лебедѣй; которыи дотечаше, та преди пльснъ пояше — старому Ярославу и т. д. Въ словѣ *которыи* видять именит. падежъ муж. рода т. е. который соколъ; дальнѣйшее *та* относится къ лебеди. При такомъ толкованіи замѣчается нѣкоторая безсвязность, которая устраниется весьма легко. Въ *которыи* слѣдуетъ видѣть не именит. пад. муж. р., а родительный ед. ч. женск. рода и переводить: которой лебеди (соколъ) достигалъ, та прежде пѣла пѣснь. Форма *которыи* (а не *который*) древне-русскій родит. пад. жен. р., симѣнившій уже рано древнѣйшую форму на ыл. Глаголы же, сложенные съ предлогомъ *до*, какъ известно, не требовали въ старину повторенія этого предлога при родит. падежѣ; срав. дошъдъ ше же мѣста (Супр.); доплоуты града (слов. Миклошича); яко не моши имъ дострѣлити цркви (Жит. Феод.); досѣкошася дроугаго стяга (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 214); Прокопья убытка не довести (Юрид. Акт. 1583); Слухъ дошелъ воеводы (1615), и т. п.

Относительно самой картины выпускания десяти соко-

ловъ т. е. десяти перстовъ на стадо лебедей т. е. струнъ, трудно сказать, была и она создана авторомъ «Слова» самостоятельно или почерпнута изъ книжнаго источника.— Конечно соколиная охота, хотя и занесенная къ нашимъ князьямъ и боярамъ вѣроятно съ западу или изъ Византии ¹⁾), была въ ходу во времена автора «Слова», и вѣроятно ему приходилось самому слышать пѣніе лебедей, которое прежде считали миѳомъ; но въ его картинѣ есть и другія черты: лебедь поетъ предсмертную пѣснь и эта пѣснь прославляетъ князей. Едва ли такія черты лебеди можно найти въ нашей народной поэзіи.

Наши богатыри стрѣляютъ гусей-лебедей, рушать за столомъ Владимира лебедь бѣлую, иногда лебедь оказывается дѣвицей и вѣщаєтъ человѣчимъ голосомъ; но въ хвалебномъ пѣніи лебеди «Слова» слышится что то книж-

---

1) Während des Mittelalters stand diese Jagd (т. е. соколиная) im ganzen feudalen Europa in Blüte und wanderte von Deutschland und von Byzanz nach dem Osten der Welttheils zu den Völkern Asiens, an die Höfe der Grossfürsten und Czaren, der Emire, Scheikhs, Chagane und Schahs, bis zu den Nomaden der Steppe und den Beduinen der Wüste. Huhn. Kulturpflanzen und Haustiere, 1874, p. 329. Мы уже видѣли, что название мыть охотничій терминъ латинскаго происхожденія. Таково же происхожденіе нашего имени соколь. Греческое название ἱέραξ (соб. священный) было передано латинскимъ Sacer и нѣмец. Weihe, древне-верхне-нем. wio, wiго, wiho. Средневѣковое латинское название сокола sacer перешло въ роман. языки, итал. sagro, франц. и испан. sacer, затѣмъ средне-верхне-нем. Sackers (Sackerfalk), средне-греч. σάκχρε. Тоже слово проникло и на востокъ, араб. sakr, персидск. sonkor, курдск. sakkar, литов. sakalas, наше соколь.

ное и притомъ классическое. Лебедь у Грековъ считалась птицей бога музыканта Аполлона; она служить ему, знаетъ будущее и прославляетъ своего покровителя ¹⁾). У Аристофана (*Aves* v. 768 слѣд.) говорится, что лебеди сидятъ стаями на холмахъ у рѣки Геброса, машутъ крыльями и поютъ гимнъ Аполлону. Каллимахъ (*Hymnus in Delon* v. 249) упоминаетъ, что при рождениі Аполлона на островѣ Делосѣ, явились пѣвцы бога, лебеди, покинувъ мѣонійскій Пактолъ и семь разъ облетѣли островъ, оглашая воздухъ пѣніемъ. О пѣніи лебеди говорятъ многіе писатели древности: Феокритъ, Цицеронъ, Виргилій, Овидій, Гораций, Марціалъ, Лукрецій и друг. У Эліана (11,1) находимъ слѣдующее свидѣтельство о сѣверныхъ народахъ: писатель Генатей изъ Абдеры говоритъ о Гиперборецахъ и о чествованіи у нихъ Аполлона. Три исполнійскіе сына Борея и Хіонѣ (1) суть жрецы этого бога. Когда они совершаютъ жертвоприношеніе, изъ горъ прилетаютъ пѣлья тучи лебедей, облетаютъ храмъ и опускаются на землю близъ него. Когда пѣвцы поютъ гимнъ богу, и киеаристы ударяютъ по струнамъ, тогда и лебеди поютъ полнымъ хоромъ и никогда не слышно разлада. Когда люди окончатъ пѣсни, лебеди улетаютъ, почтивъ бога, обрадовавъ людей и насладившись сами ихъ пѣснями.

Такое же сопоставленіе пѣнія лебедей и звука струнъ лиары поэта находимъ въ гомерическомъ гимнѣ къ Аполлону (*Hymn. 20 in. Apoll.*): о Фебѣ, тебя громко вос-

¹⁾ Слѣдовательно сыновья бога сѣверного вѣтра и сибирской богини.

пѣваетъ между пернатыми лебедь, спустившись на берегъ
пучинного Ценея; тебя и сладкогласый пѣвецъ, имѣя звон-
кую киаару, тебя поеть онъ первого тебя и послѣдняго.

Итакъ на почвѣ Греціи не только было распространено
убѣжденіе въ музыкальности пѣнія лебеди, но это пѣніе
считалось осмысленнымъ, возглашающимъ славу божества-
покровителя. У Платона (Phaedo 35) Сократъ объясняетъ
ученикамъ, что предсмертная пѣснь лебеди выражаетъ ра-
дость, а не печаль, ибо лебедь птица вѣщая Аполлона и
знаетъ, умирая, какое счастье ожидаетъ ее въ загробномъ
мірѣ.

Нельзя ли видѣть отраженіе этихъ представленій клас-
сического міра въ нашемъ мѣстѣ «Слова?» Не могъ ли
найти авторъ подобную картину у своего византійско-
болгарского образца, который въ свою очередь почерп-
нулъ ее изъ классической литературы или создалъ ее во
вкусѣ послѣдней? Если, какъ мы выше видѣли, Боянъ
Велесовъ внукъ, замѣнилъ какого-то иного поэта, Апол-
лонова внука, немудрено, что вмѣстѣ съ этимъ внукомъ
Аполлона явились и вѣщія птицы этого бога, причемъ
произошло смышеніе картины соколиной охоты съ клас-
сическимъ образомъ лебеди, поющей хвалебную пѣснь
передъ смертью.

*Старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже заръза
Редедю предъ пѣлки Касожскыми, красному Ромачеви
Святославичю. Ярославъ Владимировичъ † въ 1054,
его братъ Мстиславъ † въ 1036, Романъ Святосла-
вичъ Тынторецкій † въ 1079. Слѣдовательно, Боянъ*

воспѣвалъ князей XI-го вѣка. Выше мы высказали предположеніе, что Боянъ поставленъ на мѣсто какого-то другаго пѣвца древности, и князья, которыхъ онъ воспѣвалъ, замѣняютъ другія лица, упоминавшіяся въ произведеніи, послужившемъ образцомъ «Слову». Нельзя думать, чтобы Боянъ, если онъ былъ дѣйствительно княжимъ пѣвцомъ XI вѣка, воспѣлъ только этихъ трехъ князей, изъ которыхъ послѣдній едва ли былъ особенно знаменитъ, такъ какъ лѣтопись упоминаетъ его только вскользь, по поводу его смерти ¹⁾). Вѣроятно авторъ «Слова» указалъ только на трехъ князей ради художественныхъ соображеній, такъ какъ перечисленіе цѣлаго ряда княжескихъ именъ вредило бы сжатости и красотѣ разсказа. Тѣ же соображенія руководили имъ и въ выборѣ эпитетовъ къ именамъ князей: Боянъ пѣль и стараю, и храбраго, и краснаго, т. е. былъ пѣвцомъ древнихъ событий, личнаго мужества и красоты тѣлесной. Замѣтно, что авторъ «Слова» не столько заботится о перечисленіи сюжетовъ пѣсенъ исторического лица, сколько объ общей поэтической характеристики поэта вообще. Для подобной характеристики ему достаточно трехъ князей съ ихъ тремя эпитетами, характеризующими разнообразіе предметовъ пѣснопѣній бояновыхъ, совершиенно такъ же, какъ

---

¹⁾ Въ лѣто 6587. Приде Романъ съ Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля, и створи миръ съ Половци; и възвратися Романъ съ Половци въспять (и) убиша и Половци, мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ (лежаче тамо) сына Святославия, внука Ярославия. Лѣт. по Лавр. сп. Изд. 1872, стр. 198.

выше, ради тѣхъ же художественныхъ соображеній, онъ заставляетъ Бояна растекаться въ трехъ направленіяхъ: бѣлкой по древу, волкомъ по землѣ, орломъ подъ облаками. Эпическое *три* сказалось и въ именахъ князей и въ направленіяхъ поэтическаго воображенія, какъ это же число является обязательнымъ вообще въ произведеніяхъ народнаго творчества. Срав. въ былинѣ о Вольгѣ:

Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболака,
Спрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ.

(Рыбы. I, 17).

При замѣтномъ господствѣ эпическихъ пріемовъ въ введеніи «Слова», намъ кажется празднымъ вопросъ, почему именно этихъ трехъ князей, а не какихъ нибудь другихъ, выбралъ авторъ.

Боянъ же, братіе, не *ї соколовъ на стадо лебедій пущаше, изъ своя вѣщіа прѣсты на живая струны вѣскладаше*, они же сами княземъ славу рокотаху.

На книжность выраженія—живая струны, указалъ г. Тихонравовъ (См. изд., стр. 26). «Въ *Словѣ о пророчествѣ* Господь говоритъ: пущу слово мое на землю, да спасу люди ото льсти сатанины; ему же глаголаше Давидъ, сѣда въ пренеподнемъ адѣ, накладая многоочитая персты на живыя струны: а вѣспоемъ пѣсни тихія и веселыя дружина моя».

Иже и стяну умъ крѣпостю своею, и поостри сердца своего мужествомъ...

Эти вычурные слова понимаешь мы такъ, какъ понимали ихъ прежде, когда читали *и стяну* вмѣсто *истяну* и род. пад. *сердца* относили къ слову *мужествомъ*. Значеніе глагола *стяну* не было понято авторомъ Сказац. о Дм. Иван., гдѣ нашему мѣсту соответствуютъ слова: *истезавше умъ свой крѣпкою крѣпостю и поостриша сердца свои мужествомъ и наполнися ратного духа*. Глаголъ *истязати* значитъ выспрашивать, вытребовать, вымогать, выпытывать, а что бы значило: истязать свой умъ крѣпостю? На сколько странно выраженіе *вытянуть* (истягнуть) умъ, на столько естественно *стянуть* (сътягнуть) его. Сътагнѣти встрѣчается въ цслав. и въ собственномъ значеніи *связать* (наприм. *узами*) и въ переносномъ значеніи *укрѣплять*. Срав. въ словарѣ Милюшича: *стеноу* (аог.) *раслаблена*. Слѣдовательно связать умъ крѣпостью значить—укрѣпить, закалить его. Так же мысль развивается дальше: укрѣпивъ умъ, Игорь еще изострилъ его мужествомъ своего сердца. Крѣпость (*тыла?*) и мужество сердца были слѣдовательно тѣ силы, которыя направили умъ князя къ твердому и непреодолимому рѣшенію—воевать за землю русскую.

Родит. пад. *сердца своего* предшествуетъ слову *мужествомъ*, отъ которого онъ зависитъ, совершенно такъ же, какъ исконечно выше ред. пад. *изрвыхъ временъ* предшествуетъ слову *усобицъ*.

II

Спала князю умъ похоти. Всѣ издатели согласны въ томъ, что это предложеніе искажено: вопросъ въ томъ, какая изъ предлагаемыхъ поправокъ болѣе вѣроятна. Нѣкоторые считаютъ нужнымъ измѣнить *спала* въ *спалъ*, считая подлежащимъ этого глагола *умъ*. При этой поправкѣ читаютъ не *похоти*, а *по хоти* и переводятъ: спала (т. е. пропала) князю мысль о женѣ. Кн. Вяземскій, принимая тоже дѣленіе *по хоти*, придаетъ однако предложенію иной смыслъ: *спала князю умъ по хоти* выражаетъ, что князь при видѣ знаменія, *хотя и вспомнилъ* (спала *умъ*) о женѣ своей (по хоти), но сильное желаніе означеновать побѣду на Дону застутило ему знаменіе. (Замѣч. на Слово о П. И., стр. 93). Г. Тихонравовъ читаетъ *спалъ князю умъ похоти*, но не разъясняетъ, какъ должно понимать его текстъ. Противъ первыхъ двухъ объясненій можно сказать слѣдующее: нѣть никакихъ данныхъ принимать *умъ* въ значеніи мысль. *Умъ*, какъ способность, и мысль, какъ результатъ ея, различаются въ Словѣ: храбрая мысль носить въсѧ (?) *умъ* на дѣло. *Умъ* по комъ нибудь, вмѣсто мысль по комъ нибудь, было бы такимъ же страннымъ выражениемъ въ древне-руssкомъ, какъ и въ современномъ языке. Затѣмъ выраженіе про мысль, что она *спадаетъ* (т. е. падаетъ сверху внизъ), при искусственности, далеко не поэтично. Такою неумѣштостью въ выборѣ словъ авторъ

не отличается. Нельзя согласиться и съ объясненiemъ, одобреннымъ кн. Вяземскимъ. Нельзя изъ славянской грамматики вывестъ, что выражение *спала умъ* значитъ *вспомнилъ* и что союзъ *и* (жалость ему знаменіе заступи...) значитъ *но*. Нужно думать, что это мѣсто болѣе искажено, нежели кажется, и что безъ болѣе существенныхъ поправокъ не доберешься до удовлетворительного смысла. Чувствуется, что въ параллель съ слѣдующимъ предложениемъ — желаніе испить Дону заставило его пренебречь знаменіемъ — должно въ разбираемомъ ожидать мысли: вожделѣніе овладѣло умомъ князя. Но едва эту мысль станемъ отыскивать въ словахъ, безъ конъектуръ дѣло не обойдется. Предлагаемъ въ видѣ опыта слѣдующія поправки: *вспала* (или *спала*) *князю у умъ похотъ* и *жалость ему знаменіе заступи* искусити Дону великаго.

Звукъ *в* предлога, по неясности произношенія передъ *с*, могъ быть опущенъ писцомъ. Сравн. въ *Словѣ: вѣступи...* въ златъ стремень и *ступаетъ* въ златъ стремень. Столько же вѣроятно чтеніе *спала*, если вѣрно замѣчаніе Еарам-зина, что *в* по начертанію въ рукописи было похоже на *с* (вѣчи—сѣчи). Предлогъ *у*, т. е. *ег* въ южно-русскомъ выговорѣ (Срав. далѣе у Римѣ), въ лѣтописномъ языкѣ нерѣдко выпадаетъ передъ словами, начинающимися съ того же звука; такъ мы читаемъ въ Ипат. спискѣ лѣтописи: а Судиславъ иде Угры, ви. у Угры (подъ годомъ 1234); а Ярослава послы Угры (*ibid.* p. 177); а тако прииде Угры (*ibid.* 509); тоже замѣчается *послы* словъ, кончающихся на *у*: поиде ко тѣстю своему Киевъ, т. е.

у Киевъ (ibid. 514). Наконецъ *похоти* описка вмѣсто *похоть*, при чемъ и вмѣсто *ъ* могло явиться подъ вліяніемъ слѣдующаго *и*, бывшаго въ мысли писца, когда онъ писалъ *похоть*.

*О Бояне, соловію старого времени! А бы ты сіа пльзы
ущекоталъ, ската, славію, по мыслену древу, летая умомъ
подъ облакы, свивая славію, оба полы сего времени..*

Послѣднія слова этого воззванія къ Бояну порождали рядъ гаданій. Что разумѣется подъ обѣими половиными сего времени, т. е. того времени, въ которое жилъ авторъ *Слова*? Какимъ образомъ эти двѣ половины можно свивать? Дубенскій видѣть въ обѣихъ половинахъ *настоящее и прошедшее*, хотя половины далеко не равны, ибо прошедшее обнимаетъ съ точки зрењія автора *Слова* рядъ столѣтій, а настоящее длится лишь одинъ мигъ, постоянно переходя въ прошедшее. Притомъ, что значило бы свивать настоящее съ прошедшимъ? Боянъ — пѣснотворецъ *старого времени*, весь жилъ въ прошедшемъ, а настоящее принадлежитъ пѣвцу Игореву. Еще загадочнѣе становится это мѣсто, если вмѣстѣ съ первыми издателями будемъ читать *славы* вмѣсто *славію*.

На нашъ взглядъ мѣсто испорчено и безъ небольшой поправки едва ли добьемся какого нибудь смысла. Кажется, въ оригиналѣ было такъ:

Свивай славію оба полы сего времени.

Вмѣсто дѣйств. залога стоялъ средній — *сиваться*, но возвратное мѣстоименіе *ся*, стоявшее вѣроятно подъ тит-

лою, было опущено или конечное с поглощено буквой с, начинаящей следующее слово *славио*. Если мы допустим эту незначительную поправку, смыслъ будетъ яснъ. Какъ глаголь *сзвиваться* (възвиватися) употребляется о птицѣ, взлетающей вверху, такъ глаголь *сдвигаться* означаетъ спускаться стремглавъ внизъ, низринуться, какъ соколь или ястребъ падаетъ на добычу. Мы не можемъ указать этого глагола въ цслав. текстахъ, но онъ доселъ употребляется, напримѣръ у Сербовъ. Караджичъ переводить савитисе (цслав. съвитися) словами: *herabrollen*, *devolvi* и приводитъ изъ одной пѣсни стихъ: *саси се* (спустился, спустился) *секо са града*¹). Въ малорусскомъ *сойтись* употребляется въ значеніи *сойти*²). При такомъ пониманіи глагола *сдвигаясь, обаполы* оказывается обычнымъ въ древнерусскомъ и цслав. нарѣчіемъ иѣста, означающимъ по обѣ стороны — *éхатéрофев*, *utrinque*. Обѣ употребленія этого нарѣчія можно судить изъ слѣдующихъ примѣровъ: приде Ярославъ и стала противу себѣ *оба полы* Днѣпра (Жит. Бор. и Гл., изд. Срезневскаго, стр. 61); и стала *оба полы* рѣкѣ^ы Буга (*ibid.*, стобѣ 62). Такимъ образомъ въ разбираемомъ иѣстѣ мы видимъ продолженіе той же метафоры, которая начата въ предыдущемъ: О Боянъ! соловей старого времени! Еслибы ты воспѣлъ эти полки, скака, о соловей! по мысленному древу, взлетая умомъ подъ облака и спускаясь, о соловей!

¹) См. Сербск. Слов. подъ словомъ савити и пѣсни въ сборнике Караджича, I, стр. 568.

²) См. Словарь Малоросс. Идиомовъ, Закревскаго, с. в.

вей! по обѣ стороны сего времени. — Рѣка временіе течетъ внизу: ее видитъ Боянъ à vol d'oiseau и, паря подъ облаками, можетъ спуститься по ту или другую сторону ея.

Его мысль знаетъ *ту сторону*, т. е. прошедшее и предугадываетъ другую сторону—будущее. Боянъ—внукъ Велеса, онъ вѣшій, онъ знаетъ все и—прошедшее, и будущее, т. е. знаетъ обѣ стороны сего времени.

Замѣтимъ кстати, что мы не видимъ достаточного основанія мнѣніе членіе Пушкинск. изд. и Арх. еписка—умомъ, на членіе орломъ, предложенное Максимовичемъ. Хотя разбираемое мѣсто и напоминаетъ выраженія *вступленія* о Боянѣ, который «растѣкается мыслю по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы»,—но не представляетъ ихъ дословнаго повторенія. Растеканіе мыслию по древу замѣнено скаканіемъ по мыслену древу, рыканіе волкомъ по землѣ—рыканіемъ по слѣду Троянову; потому нѣть необходимости вносить и въ это мѣсто орла, который сознательно былъ замѣненъ умомъ. Авторъ называетъ Бояна *соловьемъ* стараго времени и хотя подъ этимъ эпитетомъ понимаетъ пѣснотворца, но все же эпитетъ повліялъ на дальнѣйшія слова, и, назвавъ разъ пѣвца соловьемъ, авторъ не счелъ уже умѣстнымъ тутъ же рядомъ назвать его орломъ и волкомъ. Про *пѣвца-соловья* умѣстно сказать, что онъ летаетъ умомъ подъ облака, но неумѣстно было бы сказать, что *соловей* летаетъ *орломъ* или *рыщеть волкомъ*.

Въ словахъ *абы ты сіа пігки ущекоталъ* и т. д. до

словъ *того внука* — видимъ мы условный періодъ и согласно съ этимъ разставляемъ знаки препинанія. *Повышение* отъ *абы* до словъ *чресъ поля на горы*; *понижение* отъ словъ *птицы было*. Т. е. еслибы ты, Боянъ, воспѣлъ эти полки, скака по мыслену древу, летая и т. д., то такъ надо было бы пѣть пѣснь *Игдю*, Троянову внуку: «не буря соколовъ занесла» и т. д.

Рища въ тропу Троянюю чресъ поля на горы см. выше стр. 106—109.

«*Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому...*» Запѣвъ во вкусѣ нашей народной поэзіи. Такъ какъ во второй половинѣ (галици стады бѣжать...) нельзя видѣть антитезы отрицательному сравненію (не буря соколы...), то, кажется, можно предположить, что передъ *галици* выпало отрицаніе *не*: не буря соколовъ (Русскихъ) занесла чрезъ поля широкія, *не* галки (Половцы) стадами спѣшать къ Дону великому...

Одинъ братъ, одинъ сельтъ сельтлый — ты, Игорю! см. выше стр. 54—55.

А мои ти Куряни сельдоми къмети. Слово *къметъ*, повидимому, не было въ широкомъ употребленіи на Руси и сохраняло свой иноземный характеръ. Оно происходит отъ греч. визант. *χειρήτης*, заимствованного съ латинскаго *comes, itis*. Въ лѣтописи оно встрѣчается не часто. Вотъ нѣкоторыя мѣста, позволяющія судить о его употребленіи. Подъ годомъ 6583 (1075): Всѣ же лѣто придоша сми изъ Нѣмець къ Святославу, Святославъ же, ве-

личаяся, показа имъ богатство свое; они же видѣвшіе бещисленное множество, злато и серебро, и паволокы, и рѣша: «се ни чомже есть, се бо лежить мертвъ; сего суть кметье лучше, мужи бо ся доищуть и болше сего (Лавр.). Итакъ здѣсь посолъ нѣмецъ употребляетъ это выраженіе для обозначенія *дружинниковъ*. Въ Духовной Владимира Мономаха, этаотъ князь называетъ *кметями* половецкихъ предводителей. Подъ годомъ 6658 (1150) находимъ въ Ипат. спискѣ: «тогда же Угре на фарехъ и на скокохъ играхутъ, на Ярославли дворѣ, многое множество. Кияне же дивихутся Угромъ множеству, и *кметьства* ихъ, и комонемъ ихъ». Въ *Дѣяніи Девгеліевомъ* нѣсколько разъ упоминаются *сильные и храбрые кмети*, какъ дружинники, рыцари. Можно думать, что это слово имѣло въ древне-русскомъ такое же почетное значеніе, какъ позднѣйшее, тоже иноземное, *лыцарь* у Запорожскихъ казаковъ.

Сами скаиоуть, акы спрыти въ полъ, ищучи себе чти, а князю славы. Сравненіе дружины удальцовъ съ волками обычно болгарскимъ народнымъ пѣснямъ:

Колѣ заигралъ на волынкѣ,
И собралися юнаки,
Юнаки, какъ волки,
До триста и тридцати,
Триста новой дружины ¹⁾.

---

¹⁾ Dozon, Български народни пѣсни, № 28.

Ноющъ, стонущи ему трозою, птичи убуди; свистъ звѣринъ въ стаѣби...

Слово *стаѣби* остается совершенно темнымъ, не смотря на всѣ гаданія. Кажется, придется оставить его и предположить искаженіе изъ глагола *вѣста* и какого-то другаго слова, относившагося, повидимому, къ слѣдующему *диву*. Свистъ звѣринъ *вѣста*, т. е. поднялся. *Зби* не искажено ли изъ *зклъ*, т. е. злой, эпитета дива? Буква б (б) могла явиться изъ з подъ первомъ малограмматнаго цисца, не разобравшаго подлишникъ и не ожидавшаго з послѣ з въ словѣ *зклъ*; буква л могла искажиться въ и.

Дивъ кличетъ врѣху древа. О значеніи слова *дивъ* см. выше стр. 87—98.

Уже бо бѣды *его пасетъ птичи подобію*. Мы понимаемъ *бѣды*, какъ род. пад. ед.ч., *пасетъ* въ смыслѣ *стережетъ*, *блюдетъ*, *предостерегаетъ*, *его* какъ прямое дополненіе къ глаголу *пасетъ*, *птичи*, какъ именит. падежъ ед. ч. муж. рода, *подобію*, какъ искаженіе изъ *по добію*. Глаголь *пасти* въ смыслѣ *стеречь*, *оберегать* употребляется съ родительнымъ-отложительнымъ, застутившимъ въ слав. нарѣчіяхъ мѣсто утраченного ablativ'a: *друга пасись*, а ворогъ на виду; *худыхъ дѣль паситесь*; *и дождя пасусь* (Яросл.). Управленіе этого глагола подпадаетъ подъ аналогію тѣхъ, которые выражаютъ понятіе *удаленія*, *освобожденія*, *спасенія* и т. д., какъ-то: *избавити*, *свободити*, *съхранити*, *боятися* и т. ц. Быто мы *избавить силы его* (Mikl.); *свободавшоу работы* (ib.); *съхранитисѧ порока* (ib.); *нечистоты житѣйские избави*

(ib.); оуклацийся *многа смыка*; блоуда ся въздржите; *многословія* себе съблюди и т. п. ¹⁾). Слово *птицъ* именит. ед. ч. соотвѣтствующій цел. пътишть, пътищъ — *стѣроуфіонъ, ὄρνις*. Конечное *и* перешло въ *и* въ силу смы-
шенія обоихъ звуковъ, замѣтнаго и въ другихъ словахъ *Слова* (ср. вѣчи, чепи). Непонятное *подобію* легко исправ-
ляется предположеніемъ, что какой нибудь писецъ напи-
салъ *g* сходно съ *o*; въ оригиналѣ было по доубію, т. е.
по деревьямъ. Какъ *дивъ* предостерегаетъ князя, клича
врѣху древа, такъ здѣсь *птицъ* блюдетъ его же отъ бѣды,
сидя по дубію. О значеніи слова *доубіе* можно судить по
Еван. 1307 г. Синод. Библіотеки, въ которомъ читается:
вижю человѣкы аки *доубье* ходлаще; въ исправ. яко *дре-
віе* (Ев. отъ Марка 8, 24. См. Буслаева, Палеограф. и
Филологич. матеріалы и т. д., стр. 33).

Въ Супрасл. рукоп. (р. 221 ed. Miklos.) читаемъ:
аште ли кто мѣнитъ *джбие* малааго манастыра, еже при
пѣти есть, то да вѣсть, яко же то молитвами бысть
блаженааго Савы. Тамъ же р. 322: Адама... присно зе-
ленымъ *джбiemъ* веселашта сѧ. Въ Синод. рукоп. *Силь-
вестра и Антонія вопросы и отвѣты* (перев. съ греч.
съ признаками болгарскими) греческое *δένδρον* переведено
словомъ *дубіе* (см. Горскаго и Невостр. II, 2, 147). Не
представляетъ ли *дубіе* болгаризмъ и въ «Словѣ?»

Вльци ироzu въсрожатъ по яругамъ. Издатели и ком-

---

¹⁾ См. примѣры изъ всѣхъ слав. нарѣчий у Миклошича, Vergleichen-
chende Syntax der Slavischen Sprachen. 1868—74, pp. 451—459.

ментаторы *Слова* затрудняются здѣсь выраженіемъ *сгрозатъ*. Одни производятъ его отъ слова *рогъ* и заставляютъ волковъ трубить грозу; другіе отъ польск. *srożysć*—*дѣлать суровымъ*, забывая, что *srogі* есть наше *строгий* съ благозвучнымъ *t*. На нашъ взглядъ слово испорчено и требуетъ незначительной поправки буквы *s* въ *t*. Кажется, въ немъ слѣдуетъ искать того же корня, какъ въ предшествующемъ имени существительномъ *гроза* и читать: грозу въгрожать. Это тавтологическое выраженіе въ народномъ духѣ, въ родѣ мосты мостити, градъ градити и т. п. *Въгрозити* значить наводить грозу, т. е. угрожать. Слово *гроза* имѣть въ цѣлав. и древне-русскомъ значеніе *horror*, *фрайгъ*, ужасъ, страхъ, трепетъ и не употребляется въ смыслѣ бури (*procella*). Поэтому и въ нашемъ мѣстѣ нельзя принимать *грозу* въ нашемъ современномъ значеніи и находить ту картину, что волки воютъ передъ бурей. *Гроза* употреблено 4 раза въ «Словѣ» и всюду въ значеніи *угрозы*, напр. *грозою* бяшеть притрепалъ; *грозы* твои по землямъ текутъ.

Длго ночь мркнетъ; заря свѣтъ запала; мгла поля покрыла.

Здѣсь слово *свѣтъ* считаютъ эпитетомъ зари, какъ въ народной поэзіи: не свѣтъ—зорюшка просвѣтилась (см. изд. Тихонравова, стр. 31). *Запала*—закатилась, залегла (ср. солнце западаетъ—закатывается). Противъ этого объясненія можно замѣтить во 1), что народное выраженіе—свѣтъ—зорюшка—не представляетъ полной аналогіи выраженію *Слова*—заря-свѣтъ, такъ какъ въ первомъ *свѣтъ* пред-

шествуетъ зарѣ; во 2), что картина природы, предполагаемая при этомъ объясненіи, не ясна. Дѣйствительно, что могло бы значить — мракъ ночной продолжается долго; зари закатилась; мгла покрыла поля? Чтобы представить послѣдовательно картины природы, нужно было бы представить выраженіе—длѣго ночь мркнетъ—на третье мѣсто: 1 зари-свѣтъ запала, 2 мгла поля покрыла, 3 длѣго ночь мркнетъ. Въ 3) нельзя не видѣть аналогіи для выраженія—зари-свѣтъ запала—въ дальнѣйшемъ: *другого дни селми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдали*. Въ послѣднемъ выраженіи находимъ снова рядомъ зарю и свѣтъ, но глаголу *запала* соотвѣтствуетъ глаголъ *повѣдали*. Изъ этой аналогіи ясно, что *свѣтъ* не есть эпитетъ зари, а представляетъ прямое дополненіе глагола *повѣдали* и *запала*. Во второмъ мѣстѣ кровавыя зори *повѣдали*, т. е. объявляютъ, обнаруживаютъ разсвѣтъ; въ первомъ, напротивъ, зари не появляется, не обнаруживаетъ разсвѣта и потому такъ *длѣго ночь мркнетъ*. Итакъ глаголь *запала*, имѣя прямое дополненіе *свѣтъ*, долженъ быть переходнымъ и можетъ быть таковымъ только при небольшой поправкѣ *запала*, вм. *запала..* По значенію глаголь *запали*—*ἐμποδίζειν*, *impedire*, препятствовать, останавливать, задерживать— вполнѣ подходитъ и разбираемое выраженіе получаетъ удовлетворительный смыслъ: ночь долго длится,—заря задержала разсвѣтъ.

Щекотъ славій успе, говорѣ галикъ убуди. Глаголы успе и убуди должны быть приведены въ соотношеніе, т. е. если мы сохранимъ *успе* (*уснуль*), то должны читать

убудися (проснулся); если же сохранимъ *убуди* (пробудила, т. е. мгла), то должны читать *успи* (усыпила, т. е. мгла). Въ первомъ случаѣ смыслъ будетъ: пѣніе соловьиное уснуло (замолкло), говоръ галочій пробудился; во второмъ: мгла поля покрыла, усыпила пѣніе соловьиное, пробудила говоръ (зловѣщихъ) галокъ. Поправка *убудися* кажется намъ вѣроятнѣе: конечное *ся*, стоявшее надъ строкою, могло быть опущено переписчикомъ, какъ выше въ словѣ *свиваясь*.

III

*Дремлетъ въ полѣ Омово хоробре инъздо далече за-
летьло; не было къ обидѣ порождено ни соколу, ни кре-
чету, ни тебѣ чрѣній воронѣ, поганый Половчине!*

Очевидно искаженное *не* было изъ Пуш. и не было изъ Арх. г. Тихонравовъ исправляетъ въ *не* было *въ* обидѣ и т. д., предполагая, что въ рукописи стояло *и*, смѣшанное первымъ издателемъ съ *и*. Какъ могло произойти смѣшаніе двухъ буквъ далеко не сходныхъ, изъ которыхъ одна даетъ безсмыслицу, а другая не противорѣчитъ смыслу — для насть не ясно. Хотя въ Сказаніи о Дмитр. Ив. этому мѣсту соответствуетъ выраженіе: не *въ* обидѣ если были по роженію; — но кто поручится, что авторъ Сказанія не осмыслилъ этого *въ* тоже непонятное *и*, которое затрудняетъ и насть? Во всякомъ случаѣ *и* иска-

жене, но искажено ли оно изъ *вз* или изъ *кз*? Послѣднее намъ кажется вѣроятнѣе, такъ какъ предлогъ *кз* болѣе соответствуетъ мысли автора. Гнѣздо Ольгово было рождено не *вз* обидѣ, а не было рождено для того, чтобы терпѣть обиду отъ сокола, кречета и чернаго ворона. Сходство начертанія *нк* и *кз* большее, нежели *в* и *н*, притомъ не нужно прибѣгать къ предположенію, что полуугласный *з* былъ выраженъ здѣсь не буквой, а надстрочнымъ знакомъ. Со стороны синтаксической наше предположеніе не можетъ встрѣтить затрудненій: кто наблюдалъ употребленіе *кз* въ древне-русскомъ, тотъ не могъ не замѣтить, что этотъ предлогъ часто является при дательномъ падежѣ безъ особенной нужды и то появляется, то нѣтъ, въ однихъ и тѣхъ же оборотахъ. Такъ глаголы *вѣровати*, *надѣяться*, *съгрѣшити*, *каяться*, *классиса*, *цѣловати крестъ*, *касатиса*, *учитиса*, *рещи* и т. п., употребляясь обыкновенно съ падежомъ безъ предлога, въ нѣкоторыхъ случаяхъ управляютъ дательнымъ съ предлогомъ: *съгрѣшити кз кому* (Гал. 40); *надѣяться кз Господеви* (Служебн. 1400 г. Иоанн. 27, 9); друзіи же *к* чиханію вѣруетъ (Ипат. 120); иже *кз* нему вѣруетъ (*ibid.* 124); Святославъ и Всеволодъ цѣловавше крестъ честный *къ* Всеславу (*ibid.* 117); бѣ бо клятвою клялся о Бозѣ великою *к* Романови и *ко* княгинѣ его (*ibid.* 554); *кз* святымъ образамъ *каратися* (Домостр.); *ко* третьей то мудрости учился Волхвъ (Кирша Даниловъ); и рече Олегъ *к* Борисови (Ипат. 141); всеу оклеветаѧ мя еси *кз* вамъ (*ibid.* 499); и начаша исповѣдоватися ово *ко* игуменомъ, друзіи же *к* попомъ и дьякономъ

(ibid. 565); Данилу же возвратившуся к домови (ibid. 489) и т. п.

Эти и подобные примѣры показываютъ, что такъ же правильно согласно съ древне-русс. синтаксисомъ можно сказать: *не было обидъ порождено и не было къ обидъ порождено*.

Гзакъ бльжитъ спрымъ влгкомъ, Кончакъ ему слъдъ править къ Дону великому.

Это мѣсто совершенно ясно, и если мы касаемся его, то исключительно съ цѣлью устранить невѣрные переводы: Кончакъ ему слъдъ прокладываетъ или путь кажетъ къ Дону великому. Мы переводимъ: Кончакъ ему во слѣдъ направляется или держитъ къ Дону великому. Слово *слъдъ* употреблялось какъ предлогъ и безъ сложенія съ другими предлогами. Примѣры см. у Миклошича въ словарѣ: иди *слъдъ мене*; иде *слъдъ* братіе свое, погнавъ *слъдъ ихъ*. Такъ употребляется это слово еще доселѣ въ новоболгарскомъ:

Царю врань конь утекнжль,
Следъ него текать, Драгано,
До двесте триста сеніе (Милад. 171).

А также въ нижне-лужицкомъ (см. Миклошича, Vergl. Gramm. Syntax, p. 568). Вместо родительного *слъдъ его* въ нашемъ мѣстѣ дательный *ему* по извѣстному свойству древне-русскаго языка. Что глаголъ *правитъ* употребленъ безъ объекта—не требуетъ особаго поясненія.

Чрънъя тучи съ моря идуть, хотятъ прикрытии солнца: а въ нихъ трепещутъ синии мъгни.

Подъ четырьмя солнцами подразумѣваются четыре князя, участвовавшіе въ походѣ: Игорь, братъ его Всеволодъ, Владимиръ, сынъ Игоря и Святославъ Ольговичъ рѣльскій — его племянникъ. О почетномъ эпитетѣ *солнце* см. выше, стр. 45 — 55. Какъ аналогію странному эпитету молніи *синяя* приводятъ сербское выраженіе: пуче (гримитъ) као (какъ) *сини* громъ. Но едва ли эта аналогія что нибудь объясняетъ: подъ *синимъ* громомъ разумѣется у Сербовъ *синяя* громоносная туча, къ которой этотъ эпитетъ конечно подходитъ. Не понимая *синей* молніи, авторъ Сказ. о Дм. Ив. въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ выражается: «а въ нихъ трепещутся *силнны молнны*». Мы не можемъ утверждать, что *сини* въ «Словѣ» искаженіе изъ *сильнii*, потому что послѣднее слово было бы слишкомъ слабымъ и непоэтическимъ эпитетомъ молніи; но все же намъ кажется вѣроятнымъ, что передъ нами какое-то недоразумѣніе. Авторъ *Слова*, повидимому, заимствовалъ все вышеприведенное выраженіе изъ болгарского источника: отмѣтимъ болгарскую форму *чрънъя* и византійскій эпитетъ князей — *солнца*. Вѣроятно оттуда же попалъ въ *Слово* эпитетъ *сини* при молніи, искаженный, либо авторомъ, либо какимъ нибудь писцомъ, изъ какого нибудь другаго, похожаго по звукамъ, но болѣе подходящаго къ молніи. Определить точно, изъ какого другаго слова искажено *сини* трудно; можно думать, что это: слово происходило отъ корня, представляемаго глаголомъ *сиять*. Срав. въ

сербскомъ глаголъ *синути* — illūcescere: егда *синеть* сльньце (Mikl.); *сипу* зора, а ja још код двора (пѣсни Караджича, I, 141, 1-е изд.); сравн. также постоянный эпитетъ мѣсяца у Сербовъ: сјајна ијесечина.

Кака раны дорога братіе забывъ чти и живота и т. д.
Обыкновенно здѣсь видать искаженіе и исправляютъ *раны* въ *рана*: *какая рана дорога*. Проще принимать *кака* за причастіе (отъ *каяти*), какъ дальнѣйшее — *забывъ*. Въ этомъ случаѣ *дорога братіе*, вм. *братія* будетъ звателъный падежъ. Срав. у Миклошича: *шьдышая братия въпросише*, или: *братиш нашю оутпъшили* (Христ. Буслаева, 338). Г. Тихонравовъ, какъ мы знаемъ отъ него лично, предлагаетъ читать *брата*, вм. *братіе*. Эта поправка даетъ еще болѣе удовлетворительный смыслъ: *кака раны* дорогаго брата, т. е. Игоря. Изъ Ипат. лѣт. известно, что Игорь дѣйствительно былъ раненъ въ этомъ сраженіи.

IV

Были въчи Троиці. О Троицѣ см. выше стр. 99—109.
*Тоже звонъ слыша давній великий Ярославъ сынъ Всеволожъ. Вместо Ярославъ слѣдуетъ читать Ярославъ, ви. Всеволожъ — Всеволодъ. Текстъ испорченъ здѣсь не издательми, а какимъ нибудь давнимъ переписчикомъ. Ярославъ въ текстѣ не прилагательное отъ Ярославъ, но само это имя съ обычнымъ въ рукописи *Слова мѧгкими**

знакомъ (ъ) послѣ конечнаго въ: срав. *соколовъ*. Подста-
новка Ярослава на мѣсто Ярославль объясняется вѣроятно
тѣмъ, что прилагат. давный напомнило переписчику *ста-
рого* Ярослава. Между Всеволодомъ и Владиміромъ Мономахомъ
та разница, что первый слышалъ звонъ, а второй
не хотѣлъ его слышать и затыкалъ уши.

*Бориса же Вячеславича слава на судѣ приведе и на
канину зелену паполому постла за обиду Омосу, храбра
и млада князя. Съ той же Каялы Святопѣлкъ повелѣлъ
отца своею междю Угорскими иноходьцы ко Святой
Софії къ Киеву.*

Мѣсто сильно испорченное не первымъ издателемъ, а
какимъ нибудь древнимъ переписчикомъ. Очевидно дѣло
идетъ о битвѣ на Нѣжатинѣ нивѣ (1078), но некоторые
обстоятельства перепутаны. Рѣка Каяла поставлена на
мѣсто чего-то другаго, ибо едва ли автора *Слова* можно
обвинять въ незнаніи того, что битва произошла не на
Каялѣ, а близъ Чернигова. Вѣроятно позднѣйшій, пере-
писчикъ замѣнилъ непонятное ему название (канину?) рѣ-
кою Каялой, упоминаемой въ другихъ мѣстахъ *Слова*.
Выраженіе на *канину* остается до сихъ поръ для насъ
такою же загадкой, какою оно было для автора *Сказан-*
ія Дм. Ив., который уясняеть его себѣ слѣд. образомъ:
«а чаду твоему Іакову лежати на зеленъ ковыль травъ
на полѣ Кудиковѣ... за обиду великаго князя Дмитрія
Івановича». Не уясняеть этой загадки и выписка Мали-
новскаго. По словамъ г-на Барсова, нашедшаго записки
Малиновскаго, это мѣсто выписано у него такъ: *на ка-*

*затиноу зелену паполомоу постла*¹). Но кто поручится, что въ данномъ случаѣ Малиновскій прочелъ это слово вѣрнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда онъ же, участвуя въ первомъ изданіи, напечаталъ *канину*? Вѣдь тотъ же Малиновскій выписываетъ, напримѣръ: *а галицы свою рѣчь говоря, хуты полетети на уедie*. Притомъ, читая въ испорченномъ мѣстѣ *казатиноу*, не надѣялся ли онъ вычитать *Нѣжатину* ниву, которая была бы очень умѣстна?

Затѣмъ въ битвѣ вовсе не участвовалъ Святополкъ, старшій братъ Ярополка и сынъ погибшаго Изяслава. Находясь въ это время далеко отъ мѣста смерти отца, именно въ Новгородѣ, едва ли онъ могъ сдѣлать распоряженіе о тѣлѣ отца, именно свезти его къ святой Софіи въ Кіевъ. Изъ лѣтописи известно, что обрядъ погребенія Изяслава выпалъ на долю Ярополка, находившагося при отцѣ во время битвы: убѣнь бысть князь Изяславъ мѣсяца октября въ 3 день, и вземше тѣло его, привезоша и въ лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кіевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша и съ пѣснми попове и черноризци понесоша и въ градъ и не бѣ изъ слышати пѣнья во плачи и велицѣ вопли, плака бо си по немъ весь градъ Кіевъ; *Ярополкъ же идяше по немъ*, плачася с дружиною своею (Лавр. подъ 1078 г.). Дальнѣйшая неточность разбираемаго мѣста состоитъ въ томъ, что Изяславъ былъ похороненъ въ Десятинной церкви, а не у св. Софіи. Это несоответствіе

¹ См. Журн. М. Н. Пр. 1876. Сентябрь, стр. 20 и 21.

фактовъ надѣялся устранить Бутковъ предположеніемъ, что въ *Словѣ* дѣло идетъ не о битвѣ на Нѣжатинѣ нивѣ, а о битвѣ съ Половцами въ 1096 г., въ которой былъ убитъ Тугорканъ, князь половецкій, приходившійся тестемъ Святополку. Но несостоительность этого предположенія была доказана послѣдующими комментаторами (см. кн. Вяземскаго, Замѣч. на Сл. о П. И., стр. 179 и 180). Итакъ, разбираемое мѣсто едва ли можетъ быть исправлено при теперешнихъ средствахъ: главное искаженіе въ текстѣ, (не говоря уже обѣ исторической неточности, которая вѣроятно отчасти падаетъ на автора *Слова*), видимъ мы въ словахъ: *канину*, съ той же *Каялы* и *повелля*. Два первыя слова *должны* быть тождественны, хотя мы не решаемся предложить поправку; что же касается послѣдняго, то его съ достаточной вѣроятностью можно разложить на два слова: *повелъ яти* (*повелъль* взять). Неокончательное наклоненіе *ять*, съ мягкимъ знакомъ надъ строкою, могло, слившись съ слѣдующимъ словомъ *отца*, быть непонято какимънибудь несведущимъ писцемъ: изъ комплекса *ятоца*, при небрежной перепискѣ, могло выпасть первое *т*; или быть можетъ эта буква была надъ строкою и осталась незамѣченнаю. Какъ бы то ни было изъ *повелъ яти отца* не трудно объяснить искаженіе *повелля отца*.

Погибашетъ жицъ Даждь-божка см. выше стр.
73—77.

VI

Уже бо, братie, невеселая юдина въстала; уже пустыни силу прикрыла.

Здѣсь принимаютъ слово *пустыни* въ его обыкновенномъ, конкретномъ значеніи. Едва ли это такъ. Берега Каалы, гдѣ полегло русское войско, нельзя назвать пустыней; авторъ «Слова» самъ говоритъ нѣсколько выше, что послѣ пораженія Игоря «никнетъ трага жалощами, а дрѣво с туюю ѿ земли преклопилось». Мѣстность, гдѣ совершается походъ, представляется автору «великими, чистыми полями», каково она и есть въ дѣйствительности. Упоминаются трава и деревья, болота и грязивые мѣста. Кое-гдѣ возвышаются щеломяны, съ которыхъ открывается обширный видъ въ степь. Игорь выступилъ изъ Новгорода Сѣверскаго въ концѣ апрѣля и во время послѣдней битвы у Каалы, конечно, степь не представляла картины запустѣнія, а напротивъ блистала полнымъ весеннимъ убранствомъ. Затѣмъ самое выраженіе *пустыни, прикрыла силу* не удачно: побитая сила, т. е. войско покрываетъ пустыню трупами, а не наоборотъ.

Чтобъ уяснить это выраженіе, остается принять слово *пустыни* не въ конкретномъ, а въ отвлеченномъ смыслѣ. Имена жен. рода на *ыни*, образованныя изъ прилагательныхъ, могутъ быть и обstractions—напр. *теплыни*—теперешнее *теплыни* («Святославъ же ждавъ многы дни, убаюдясь теплыни, пойде вборзѣ». Ипат. лѣт., стр. 419)

блазни (*bonitas*)=благость, *грѣхни*=гордость, *жстыни*=густость, *добрьни*=доброта, *вѣлыни*=*malitia*¹). Думаемъ, что и въ нашемъ мѣстѣ *пустыни* употребляется какъ нравственное понятіе, отвлеченное отъ прилаг. имени *пустъ* въ его нравственномъ значеніи. Каково же это значеніе? Въ болгарскомъ *пуст* употребляется кроме обычного значенія также въ нравственномъ — жалкій, проклятый, бѣдственный.

Ходил юнак на *пуста-та* войска,
На *пуста-та* войска, войска татарійска, т. е.

Ходилъ юнакъ на проклятое войско
На проклятое войско, войско татарское²).

Въ другой пѣснѣ молодой человѣкъ просить руки дѣвушки ему родственной: дѣвушка отвѣчаетъ:

Не ли сме *пуста* роднина? т. е.

Развѣ мы не родня, чтобы ее, проклятая?

Пустъ употребляется также какъ эпитетъ чужбины.

Що си бише два брата родени,
Киписале на *пуста* чужина.

Были два брата родные,
Отправились они на проклятую чужбину³).

¹) См. Miklosich—Bildung der Nomina. 1858, § 73.

²) Dozon—№ 3.

³) Миладин., стр. 356.

Марко говорить о лицѣ арабской девушки, т. е. негритянки:

Кога видофф пусто лице цжрно,
Лице цжрно, пусты зжби бѣли.

Когда я увидалъ проклятое черное лицо,
Черное лицо, проклятые бѣлые зубы¹⁾.

Такое значение *пусто*, какъ известно, имѣть и въ нашей клятвѣ: «чтобъ тебѣ *пусто* было!»

Вѣроятно такого рода представление выражается и въ разбираемомъ мѣстѣ «Слова». *Пустыни* понятие отвлеченнное, родственное съ *нуждою* (уже тресну нужда на волю), *обидой* (вѣстало обида въ силахъ Дажь-божа внука), съ *печалью* (печаль жирна тече по земли руской), *туюю* (уже туга умъ полонила). Уже *пустыни силу* прикрыла предложили бы мы переводить: уже *проклятие или бѣдствіе* постигло силу.

Вѣстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, встутила дѣвою на землю Троюю. О дѣвѣ обидѣ см. выше стр. 93—94.

Убуди жирня времена. Жиръ значитъ богатство, изобиліе, избытокъ. Слѣдовательно *жирныя* времена — времена довольства и богатства, время *мира*, когда можно жить спокойно икопить жизненные средства. Въ эти времена покоя, страна представляется поэту какъ бы спя-

¹⁾ Тамъ же, стр. 64.

щю тихимъ сномъ. Но воть настала гибельная война, обида въ видѣ Эринніи встрепенулась и воспескала крыльями на синемъ морѣ. Она встревожила мирный сонъ людей, разбудила времена довольства.

Усобица княземъ на поганыя погыбе. Трудно думать, что усобица на поганыхъ, какъ полагаетъ Дубенскій, значитъ «союзъ, дѣйствіе князей за одно противъ поганыхъ». Намъ кажется, что это мѣсто испорчено, хотя трудно предположить поправку болѣе или менѣе вѣроятную. Смыслъ заключается, повидимому, въ притивоположеніи *князей* и *поганыхъ*, *усобицы* и *гибели*: между князьями начались усобицы, отъ поганыхъ грозить гибель. Вѣроятно *погыбе* не глаголь, а испорченное *погыбель*. Конечное *л* могло быть надъ строкою. Мѣсто было бы вполнѣ ясно при чтеніи: усобица княземъ—отъ поганыхъ погыбель. Но предлагать такія поправки, конечно, слишкомъ смѣло.

За нимъ кликну Карна и Жля по скочи по руской земли, смагу людемъ мычиючи въ пламянъ розвъ. За нимъ. За кѣмъ? за соколомъ Игоремъ, который далеко залетѣлъ къ морю избивая птицъ, или за полкомъ, т. е. за скучными остатками разбитаго и спасавшагося бѣгствомъ войска? Рѣшить трудно. Карна и Жля едва ли половецкіе ханы; обѣ нихъ лѣтописи умалчиваютъ, да и имена не похожи на половецкія. Мы болѣе склонны видѣть въ этихъ именахъ (конечно испорченныхъ) олицетворенія нравственныхъ понятій, которые такъ любятъ авторъ *Слова*, олицетворенія въ родѣ *пужды*, *хулы*, *обмы*, вступающей дѣвицы,

печали, жирно текущей по земль руской, *пустыни*, прикрывшей войско Игоря. Второе название *желя*, повидимому, испорчено изъ *желя*. Срав. въ Ипат. лѣт. подъ г. 1185: «и тако, во день святаго Воскресения паведе на ны плачь, и во веселье мѣсто *желю*, на рѣцѣ Баялы». Если мы допустимъ это, то въ Карнѣ конечно также нельзя видѣть собственное имя. Карна должно быть испорчено изъ *кара*, *караніе*, *карьба*, или чего нибудь подобнаго. Что этимъ олицетвореннымъ понятіямъ *кары* и *скорби* (*жели*) приписывается такое вещественное орудіе, какъ пламенный рогъ, мычущій смагу, не можетъ казаться страннымъ, если вспомнимъ обиду, илещущую лебедиными крыльями. Но во всякомъ случаѣ такое сочетаніе понятій могло показаться непонятнымъ какому нибудь позднѣйшему переписчику, лишенному поэтическаго чутья, и не догадавшись что дѣло идетъ о карѣ (*караніи*) и жели, онъ могъ не разобрать этихъ словъ и счесть ихъ за личныя имена *поганыхъ*, о которыхъ только что было сказано, что они *съ всѣхъ странъ приходжаху съ побѣдами на землю Русскую.*

*Уже намъ своихъ милыхъ ладг ни мыслию смыслити,
ни думою суджати, ни очима сглядати, а злата и
серебра ни мало того потрепати.*

Нашъ глаголъ *трепать*, т. е. теребить, тормошить, дергать, мять — едва ли подходитъ къ этому мѣсту. Странно желаніе русскихъ женъ — трепать руками золото и серебро: вѣроятно они сожалѣли о большемъ, о томъ что имъ не придется имѣть золота, носить его, конить.

Въ виду этого решаемся предложить слѣдующую догадку: въ сербскомъ языкѣ есть глаголъ *трпати* (т. е. трѣпати) со значеніемъ *assimilare*, нагромождать, накапливать; есть и сложный съ предлогомъ по — *потрпати* съ тѣмъ же значеніемъ (см. Сл. Караджича). По смыслу этотъ глаголъ весьма удачно подходитъ къ разбираемому мѣсту: «уже не накапливать намъ, не нагромождать (какъ прежде), золота и серебра». Объяснить же *потрепати* изъ потрѣлати или потрѣпти, которое стояло въ текстѣ, можно тѣмъ, что авторъ *Слова* оставилъ болгарское (?) выражение безъ измѣненія, а какой нибудь переписчикъ осмыслилъ непонятный ему глаголъ общепонятнымъ русскимъ *потрепать*.

Ти єо два храбрая Святославича, Игорь и Всеволодъ, уже лжсу убуди, которую то бляше успилъ отецъ ихъ Святославъ грозныи, великий Киевский.

Глаголъ *убуди* очевидно слѣдуетъ согласовать съ подлежащимъ въ числѣ и читать *убудиста*. Г. Тихонравовъ предлагаетъ и другія поправки — *Жлю*, вмѣсто *лжсу*, которою, вм. которую и того, вм. то, — поясняетъ слѣдующимъ переводомъ: «Игорь и Всеволодъ которою (ибо пошли тайкомъ отъ великаго князя Святослава и тѣмъ возбудили его жаль на себя) возбудили *Жлю*. Его грозою усыпилъ отецъ ихъ грозныи Святославъ, великий князь Киевский; онъ притрепалъ его своими сильными полками и будатными мечами; онъ наступилъ на землю половецкую». Эти поправки намъ не кажутся убѣдительными: 1) Игорь и Всеволодъ разбудили жаль не которою

(т. е. распрею), а пораженiemъ отъ Половцевъ. Изъ лѣто-
писнаго разсказа нельзѧ заключить, чтобы выражениe
котора могло быть примѣнено къ походу Игоря. Князь
Святославъ самъ послалъ его звать съ собою и отвѣтъ
Игоря былъ таковъ: «не дай Богъ на поганыхъ ѿздяся
отреши, поганы есть всимъ намъ обычай ворогъ». Вся
бѣда лишь въ томъ, что приглашеніе Святославово за-
поздало, и Игорь не могъ догнать его войска, не могъ,
по выражению своей дружины *помѣскы* (т. е. какъ птица)
перелетѣти. Котору нельзѧ видѣть и въ отказѣ Игоря
участвовать въ предприятіи Святослава въ 1183 (Ипат.) г.,
потому что отказъ не былъ вызванъ враждебностью.
2) Муж. родъ *того* не можетъ относиться къ понятію жен.
род. *жаль* или *желя*; 3) Переставляя *лжсу* въ *жлу*, мы
должны еще замѣнить конечное *у* чрезъ *ю* и вставить
гласный звукъ между *ж* и *л* (*жалю*, *желю*), ибо форма
жлу невозможна.—На нашъ взглядъ поправки требуетъ,
кромѣ *убуди*, еще только слово *то*, и здѣсь можно пред-
ложить слѣдующее: вм. *то* читать *тз*, т. е. *тгай* (тотъ).
Святославъ не былъ отцомъ Игоря и Всеволода, а двою-
роднымъ братомъ; между тѣмъ авторъ *Слова* называетъ
его отцомъ. Не мудрено поэтому, что для отличія Свято-
слава грознаго кіевскаго, разбившаго Кобяка и взявшаго
его въ плѣнъ, отъ Святослава, роднаго отца Игоря и
Всеволода, авторъ прибавляетъ *тотъ* въ поясненіе вы-
раженія *отецъ*. Игоjъ и Всеволодъ пробудили *лжсу*, ко-
торую своими побѣдами надъ Половцами *усыпилъ* *тотъ*
кіевскій отецъ ихъ грозный Святославъ.

Впрочемъ, противъ поправки лжеу въ жемлю едва ли можно сказать что нибудь вѣсное: во всякомъ случаѣ желя (ср. выше желя поскочи по Руской земли) кажется намъ умѣстнѣе, чѣмъ лжа. Описка въ данномъ мѣстѣ объясняется тѣмъ, что предшествующее слово — уже — содержитъ тотъ же слогъ (же): изъ ужежелю легко могло произойти ужелжю и затѣмъ — уже лжеу. Итакъ мы предложили бы читать: *Игорь и Всеиволодъ уже жемлю убудиста, которую тѣ бляше успилъ отецъ ихъ и т. д.*

Поютъ славу Святославлю, кають князя Игоря. Противоположеніе удачи Святослава и неудачи Игоря, восхваленіе Святослава и порицаніе Игоря показываютъ, что авторъ *Слова* былъ близокъ къ первому князю, смотрѣлъ съ его точки зрѣнія на походъ Игоря и справедливо называлъ себя пѣснотворцемъ Святославимъ (см. ниже). Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что авторъ былъ въ дружинѣ Игоревой и участвовалъ лично въ походѣ: никакихъ данныхъ для этого предположенія не нашли мы въ *Словѣ*.

VII

Сонъ Святослава составляеть самую трудную часть во всемъ «Словѣ». Нѣкоторыя выраженія можно заподозрить въ значительномъ искаженіи не издателями, а переписчиками, и едва ли можно надѣяться исправить ихъ конек-

турой. Мы ограничимся только указаниемъ, гдѣ кончается разсказъ Сватослава и гдѣ начинаются сообщенія бояръ. Н. С. Тихонравовъ начинаетъ рассказъ князя словами: «съ вечера одѣвахъте мя»; но болѣе вѣроятно, что онъ начинался со слова *синочи*. По крайней мѣрѣ въ пользу послѣдняго начала говорять дальнѣйшія слова того же лица, представляющія полную параллель: всю ночь съ вечера босуви врані възграиху и т. д. Въ формѣ *одѣвахъте*, невозможной въ древне-русскомъ, можно бы пожалуй видѣть болгаризмъ¹⁾). Но болѣе вѣроятны другія объясненія. Во-первыхъ, нельзя ли форму *одѣвахъте* дѣлить такимъ образомъ, что *одѣвахъ* 1-е лицо прошедш. времени, а *те* относится къ слѣдующему слову *мя*, т. е. темя. Смыслъ былъ бы таковъ: я одѣвалъ себѣ темя. Что *темя* въ цсл. пишется черезъ ль не можетъ служить возраженіемъ, при смѣшеніи ль и е въ пушкинской рукописи. Во-вторыхъ, параллель прочихъ глаголовъ *чрпахуть*, *сыпахуть* наводитъ на предположеніе, что и *одѣвахъте* могло быть искажено изъ *одѣвахуть*.

Символика сна — вино означающее печаль, черная па-

---

¹⁾ Извѣстно, что въ ново-болгарскомъ 2-е лицо множ. ч. прошедш. вр. исходить на хте, вмѣсто цсл. сте: плетохте, клемхте, писахте, брахте. Встрѣтивъ этотъ болгаризмъ въ болгарско-византійскомъ источникѣ, изъ которого онъ почерпнулъ символику сна, авторъ Слова могъ сохранить форму одѣвахте безсознательно, а какой нибудь переписчикъ, привыкшій ставить х по послѣд. въ глаголахъ въ окончаніи первого лица, поставилъ эту букву и въ одѣвахъте, вслѣдствіе чего получилась невозможная форма.

полома, жемчугъ, означающій слезы—разобрана ки. Вяземскимъ и потому на ней считаемъ лишнимъ останавливаться (см. Замѣч. на С. о П. И., стр. 265 и слѣд.). Обратимъ вниманіе лишь на послѣднія слова князя: *«сю ночь съ вечера босуви врани вѣзіраху у Пльснска на болоки бъша дебрь кисаню и несошли къ синему морю.*

Не высказывая притязанія разгадать загадку о *дебри и кисани*, считаемъ не лишнимъ сдѣлать иѣкоторыя указанія на соотвѣтствіе этихъ словъ съ отвѣтомъ бояръ. Не трудно замѣтить, что отвѣтъ бояръ согласуется съ отдѣльными чертами сна и даетъ послѣднимъ реальное объясненіе.

Князь говоритъ: прошлой ночью съ вечера я покрывалъ себѣ темя черною паполомою на тисовой кровати; мнѣ черпали синее вино съ отравой смѣшанное (вино—кровь, пролитая русскими) ¹⁾; мнѣ сыпали крупный жемчугъ на лоно изъ пустыхъ колчановъ поганыхъ Толковинъ (жемчугъ—слезы, произшедшия отъ стрѣль поганыхъ Половцевъ).

Бояре толкуютъ: черная паполома, которой князь покрывалъ себѣ темя, приснилась потому, что туга (печаль) умѣ полонила. Причина печали—пораженіе и пѣнъ двухъ князей: ибо два сокола слетѣли съ отня зата стола, поискать града Тымутороканя, либо испить шеломомъ Дону; уже соколамъ крылья обрубили саблями поганыхъ (поганыхъ Толковинъ), а самихъ опутали пути-

¹⁾ Ту кроваваго вина не доста.

нами желѣзными. Темно было въ 3-й день⁴⁾: два солица померкли, оба багряные столпа погасли (т. е. Игорь и Всеволодъ) и съ ними два молодыхъ юнца, Олегъ и Святославъ, поволоклись тьмою и въ море погрузились и великую дерзость придали хину.

Эти слова бояръ объясняютъ Святославу, почему ему приснилось, что въ его теремъ златоверхомъ доски лишины кнѧса (князя): его княжескій домъ лишился действительно князей. Замѣтимъ, что въ отвѣтъ бояръ мы перестанавливаемъ некоторые слова согласно грамматическому и логическому строю; именно, слова—на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла, по руской земли простирающаяся Половци аки пардуже гнѣздо—мы помѣщаемъ послѣ вышепереведенныхъ, какъ уже предлагали некоторые издатели. Быть можетъ, всѣ эти слова позднейшая гlossenя, вставленная неумѣстно какимънибудь читателемъ, быть можетъ, они были и въ подлинникѣ, но не въ томъ мѣстѣ, где оказываются теперь. При нашей перестановкѣ становится понятна форма двойственного числа у глагола *погрузиста*, которая неумѣстна при подлежащемъ *Половци*, а вѣсть дѣлается излишней поправка г. Тихонравова и (и въ морѣ погрузиста) на *ихъ*. Если бы уже требовалась поправка,

---

4) Въ этихъ словахъ мы видимъ продолженіе разскѣза бояръ, между тѣмъ какъ г. Тихонравовъ кончаетъ этотъ разскѣзъ словами „путины желѣзны“. На послѣднихъ словахъ отвѣтъ бояръ не можетъ быть конченъ: сначала они говорятъ о князьяхъ аллегорически, называя ихъ соколами, за тѣмъ поясняютъ, кого разумѣютъ подъ соколами.

то во всякомъ случаѣ удобнѣе замѣнить и словомъ *жиръ*: *жиръ* въ морѣ погрузиста; ср. нѣсколько выше: иже погрузи *жиръ* во днѣ Каалы, рѣки Половецкыя.

Далѣе бояре указываютъ на бѣдственныя послѣдствія пораженія Игоря, въ словахъ, которыхъ мы уже насытились выше⁴⁾: уже снесеся хула на хвалу, уже тресну пужда на волю, уже връжеса дивъ на землю. Эти слова составляютъ естественное продолженіе мысли объ участіи князей и соотвѣтствуютъ, какъ и прежнія, тому же мѣstu сна.

Но сонъ, въ передачѣ князя, содержалъ еще нѣкоторыя подробности: всю ночь *босуви* вороны каркали у Плѣсенска на болони (на городскомъ лугу) *бѣша дебрь кисаню и несошли къ синему морю*. Этимъ загадочнымъ словамъ соотвѣтствуетъ окончаніе въ отвѣтѣ бояръ: се бо готскыя красныя дѣвы вѣспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ: поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. Аналогію или искусственное приравненіе не трудно замѣтить. Тамъ каркали вороны, здѣсь—поютъ готскія дѣвы; тамъ вороны названы *босуви*, здѣсь—дѣвы поютъ время *Бусово*, тамъ синее море и здѣсь синее море; тамъ загадочное дебрь *кисаню*, здѣсь—месть *Шароканю*. Замѣтна искусственная играозвучіями, подобно тому, какъ авторъ выше воспользовалсяозвучіемъ *клиса* и *клиза*. Хотя эти аналогіи не выясняютъ загадочной дебри *кисаню*, но все же подтверждаютъ наше мнѣніе, что отвѣтъ бояръ кончается не тамъ, гдѣ оканчивается его г. Тихонравовъ.

⁴⁾ См. стр. 87 и слѣд.

Всѣ попытки объяснить загадочные слова—бѣща дебрь кисаню — равно неудачны и никогда не будутъ удачны, потому что эти слова сильно искажены какимъ нибудь неумѣлымъ переписчикомъ. Можно догадываться, что вмѣсто *несоша* слѣдуетъ читать *несоша ю* (л изъ ю), но смыслъ отъ этого не выигрываетъ. Кромѣ грамматическихъ затруднений, (напр. множ. бѣща при един. дебрь) здѣсь и реальныя: почему вороны каркаютъ у города Плѣсенска въ галицкомъ княжествѣ? Очевидно здѣсь намекъ на какое то происшествіе въ этой области, случившееся одновременно съ пораженiemъ Игоря, но какое это происшествіе—объ этомъ лѣтописи умалчиваютъ. Съ грамматической стороны можно замѣтить также, что подлежащее отъ глагола *несоша* и *блаша* (вѣроятно испорченного изъ чего нибудь другаго) вѣроятно *враны*. Это видно изъ соответствующихъ выражений въ отвѣтѣ бояръ: готьскыя красныя дѣвы *вспльша* (възграху), *поютъ* время Бусово (бѣша?) и *леллють* месть Шароканю (несоша). Злорадныя пѣсни этихъ дѣвъ сравниваются съ карканiemъ воронъ, и какъ дѣвы поютъ на берегу синяго моря, радуясь добытому русскому злату, такъ вороны что-то такое (ю) добыли и несутъ къ синему морю.

Босуви враны. Обыкновенно *босуви* считаютъ искажениемъ и предполагаютъ, что въ подлиннике было *блъсови*. Хотя такая поправка дала бы удовлетворительный смыслъ, но трудно предположить, чтобы какой нибудь писецъ могъ передѣлать легкое чтеніе *блъсови* на трудное и непонятное *босуви*. Рѣдкое и малоупотребительное слово перемѣняютъ

и ногда на общепотребительное, а не на оборотъ. Поправки кн. Вяземскаго — *бо соуи* (ибо суетные, вздорные), *бо супи и* (сжпъ — γύφ, vultur), *бо софи* равно неудовлетворительны. Наиболѣе вѣроятнымъ намъ кажется слѣдующее: слово *босуви*, элитеть птицы трудно отдѣлить отъ слова *босый*, элитета волка: (Игорь) въврѣжся на брѣзъ комонъ и скочи съ него *босымъ* вѣкомъ. Въ послѣднемъ мѣстѣ это прилагательное имя болѣе ясно и можетъ разъяснить смыслъ загадочнаго *босуви*. *Босый* волкъ безъ сомнѣнія искажено изъ *боусый* вѣкъ. *Бусый* (областное слово) означаетъ, по Даю, темно-голубостѣрый, избурасѣрый, буродымчатый, буропепельный, темнобурый съ синевою, сизобурый; *буско* животное бусой шерсти, особенно темнодымчатая кошка; *бусовѣ* темная синева неба до восхода и по закату солнца; *бусльть* или *бусовльть* — синѣть, сѣрѣть, темнѣть, чернѣть. Эти значенія слова *бусъ* вполнѣ подходятъ къ цвѣту шерсти волка и искать другаго объясненія кажется излишне. Но подходитъ ли это значеніе и къ ворону? Повидимому нѣть, ибо воронъ чѣрнаго цвѣта и называется таковымъ въ самомъ «Словѣ»: и тебѣ чѣрный воронъ, поганый Половчине! Но это кажущееся противорѣчие можно устранить слѣдующимъ предположеніемъ. Зоологи различаютъ между чернымъ ворономъ (*coryph nobilis*), черной ворѣнью (*coryphus corone*) и сѣрою или обыкновенною ворѣнью (*coryphus cornix*), этими тремя видами, распространенными въ Европѣ. Такихъ различий не всегда придерживается народъ. Самое имя *ворона* женскій родъ отъ *воронъ* характеризуетъ взглядъ народа на

этихъ птицъ: ворона (сѣрая и черная) считается обыкно-
венно самкою вороны, при чемъ различие въ окраскѣ перья
объясняется такъ же, какъ отличие курицы отъ пѣтуха,
индюшки отъ индюка, павы отъ павлина и т. д. Подъ
общимъ именемъ *воронъ* разумѣются не только вороны
и вороны, но и галки, грачи (см. Даля). Народъ не за-
мѣчаетъ различія въ образѣ жизни вороновъ и воронъ:
вороны летаютъ обыкновенно парами, а не стаями, и весь
вороній родъ, весьма дружный между собой (вороны, галки,
грачи), не принимаетъ вороновъ въ свое общество, а по-
стоянно во враждѣ съ ними (Бремъ III. 362). Изъ такого
смѣшанія видовъ кажется можно объяснить и эпитетъ бо-
гуви врани: здѣсь подразумѣваются авторомъ не черные
вороны, а вороны сѣрыя. Подтверждается это предполо-
женіе тѣмъ, что этими сѣрыми воронами, каркающими
у Плѣсенска, соотвѣтствуютъ въ толкованіи сна такъ же
существа женскія, готскія дѣвы, поющія на берегу синаго
моря. Какъ черный воронъ олицетворяетъ Половчина, такъ
сѣрая ворона—готскую дѣву. Намъ скажутъ, что сдѣло-
вало бы въ такомъ случаѣ читать *враны бусовы*, а не
враны бусови, но въ самомъ «Словѣ» *вороны* и *вороны*
не различаются и мужская форма подразумѣваетъ и самокъ,
каковыми представляются народу *вороны* относительно *вороноевъ*. Еслибъ авторъ различалъ оба вида, онъ не пре-
минулъ бы это сдѣлать тамъ, где перечисляется вороній
родъ, напримѣръ:

Тогда *враны* не граахуть,
Галици помъкоша.
Сорокы не троскотоша.

Неужели подъ *врани* подразумѣваются лишь черные вороны, а сѣрыя вороны, этотъ гораздо болѣе распространенный видъ, вовсе исключены изъ списка? Итакъ въ *босуви* враны слѣдуетъ видѣть сѣродымчатыхъ воронъ и исправить *босуви* въ *бусови*. Это исправленіе можно подкрепить слѣдующими доводами: 1) На присутствіе у (§) послѣ *б* указываетъ игра словъ *босови* *врани* и *время бусово*. 2) На существованіе имени прилагательного *бусовъ* при *бусый* указываетъ глаголъ *бусов-ѣть* при *бусль*. 3) Появленіе о послѣ *б* вмѣсто *у* объясняется перестановкой гласныхъ въ обоихъ слогахъ: изъ *бусови* писецъ, незнакомый съ этимъ словомъ, сдѣлалъ *босуви*. Что же касается искаженія *бусымъ* влѣкомъ въ *босымъ* влѣкомъ, то можно предположить, что либо писецъ хотѣлъ осмыслить непонятное ему слово болѣе понятнымъ, хотя и неумѣстнымъ, либо принялъ § за *о*, какъ въ другихъ случаяхъ: срав. *подобию* вмѣсто *подобію*, *Шароканю* вмѣсто *Шаруканю*.

Кстати о послѣднемъ словѣ.

Шаруканъ название одного изъ князей половецкихъ, главы своего рода: Шаруканъ имя не личное, а родовое: два брата Шаруканы упоминаются Владиміромъ Мономахомъ въ числѣ *льпшихъ* князей половецкихъ, выпущенныхъ имъ изъ оковъ; какой то Шаруканъ *старый* воевалъ съ русскими князьями въ 1107 году, былъ разбитъ съ другими князьями и *едва утеше*; подъ 1111 годомъ упоминается половецкій городъ *Шаруканъ* гдѣ то у Дона, сдавшийся русскимъ князьямъ (Ипат. Лѣт.); а въ 1116 г.

Ярополкъ Владиміоричъ и Всеvolодъ Давыдовичъ снова берутъ этотъ городъ (Шаруканъ) въ числѣ двухъ другихъ половецкихъ городовъ, Сугрова и Балина (Ипат. л.). Изъ этихъ фактовъ можно вывесть, что князья Шаруканы съ родомъ своимъ жили или кочевали у Дона, гдѣ стоялъ ихъ родовой улусъ, носившій ихъ имя. Вѣроятно этотъ родъ потерпѣлъ отъ русскихъ князей, особенно во времена Мономаха, нѣсколько пораженій и имѣлъ основаніе питать особенную вражду противъ Руси. Теперь, послѣ пораженія Игоря, когда Половцы, *аки пардуже гнѣздо*, простились по Руси, месть рода Шаруканова была свершена и готскія дѣвы въ улусахъ половецкихъ славятъ эту месть.

Мы уже указали выше, что вѣщіе сны обычны византійскимъ произведеніямъ. Книжный характеръ сна Святославова дѣйствительно весьма ярокъ, и для настѣ по крайней мѣрѣ нѣть сомнѣнія въ томъ, что начало его заимствовано авторомъ *Слова* изъ того же источника, откуда взяты Боянъ и Троянъ. Отсюда естественно встрѣтить въ этомъ снѣ символику, игру словъ и нѣкоторыя выраженія кипящаго свойства, какъ *паполома* и *пардуже гнѣздо*. Первое слово есть греческое *πέπλωμα*, употребляющееся (у трагиковъ Эсхила, Софокла, Еврипида) въ значеніи *одѣянія, облаченія*. Къ намъ оно перешло книжнымъ путемъ въ значеніи покрывала надъ покойникомъ и едва ли было въ общемъ употребленіи. Ср. въ Коричей 1282 г.: върху же мъртвьца простирается два *паполома*. Изъ чисто русскихъ источниковъ это слово неизвѣстно. Второе выраженіе такого же происхожденія. Иноземный авѣръ ле-

пардъ носиль и иноземное имя, греч. πάρδος. Пардусы («хотничьи леопарды») на Востокѣ и въ Византії содержались для охоты (см. напр. поэму о Диогенісѣ, книга V, ст. 1396, гдѣ говорится, что отецъ Евдокіи въ числѣ другихъ даровъ далъ Диогенісу двѣнадцать отборныхъ пардусовъ, пріученныхъ къ охотѣ (*δύδεικα πάρδους διαλεκτούς*). На Руси *пардусъ* былъ рѣдкимъ заморскимъ звѣремъ и цѣнился высоко: въ лѣтописи подъ 147 и 159 гг. онъ упоминается въ числѣ драгоцѣнныхъ даровъ, предлагаемыхъ князьями другъ другу. Въ Азбуковн. имя иностранного звѣря tolkуются названіемъ русскаго: пардусъ, звѣрь *рысь*. Половцы сравниваются съ *пардусами* по кровожадности и вѣроятно по быстротѣ въ набѣгахъ. Книжность этого сравненія явствуетъ изъ одной статьи (Указъ Господа нашего Иисуса Христа. Вопросъ и отвѣтъ), помѣщенной проф. Тихонравовымъ во 2-мъ т. *Памятниковъ отреченной русской литературы* (стр. 447): вопросъ: како суть языкомъ части, каковъ кой языкъ? Фругъ левъ есть, аламаникъ орелъ есть, саракининъ вепрь есть, турчинъ змія есть, арменинъ гущерь есть, сирянишъ зубръ есть... *куманинъ пардосъ есть, болгаринъ быкъ есть, сербинъ волкъ есть, грекъ лисица есть и т. д.* Это перечисленіе находится и въ одномъ *сербскомъ* сборникѣ (рук. XVI в.), принадлежащемъ Миклошичу.—Вместо *пардуже* мы ожидали бы прилаг. *пардуще* отъ *пардусъ*.

А самою опуташа егъ путини железны. Варіантъ Арх. списка самого вмѣсто *самаю*, какъ напечатано въ 1-мъ изданіи, показываетъ, что въ оригиналѣ стояла пра-

вильная форма *самою*, родит. пад. двойств. числа вмѣсто *винит.* При сходствѣ *о* и *а* въ начертаніи пуш. рукописи не трудно объяснить искаженіе *самою* въ *самаю*.

Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеса дивъ на землю. Снесеся — снеслась, т. е. спустилась внизъ: метафора взята вѣроятно отъ птицы, бросающейся сверху вниѣ. на добычу (срав. *свивалась*); *тресну* = ударила, срав.: да не мльние трльсноутъ иже сицева дѣющее; или: яко отъ грома *тресновенъ бысть* (см. слов. Миклошича, с. v.); *нужда* — сила, насилие (*vis, tormenta, injuria*). Мы переводимъ: уже спустился позоръ на славу, уже ударило насилие на свободу. О *дивъ* см. выше.

Злато слого слезами смыщено. Передъ слезами выпалъ предлогъ *съ, с'*, явленіе довольно обычное и объясняющееся тѣмъ, что слѣдующее слово начинается токо же буквою. Злато какъ эпитетъ слова, книжная черта. Срав. слова: *златословъ* = *χρισόστομος*, *златорѣчикъ* = *χρισορρήγμων*. Въ сербск. Діоптръ по рукоп. ХV в. читаются: иоанынъ златый езыкомъ и оусты (см. Миклошича, с. v. златъ).

Коли соколъ въ мытежъ бываетъ — о мыти см. выше стр. 53 и 54.

Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкими.

Уже давно рѣшено, что здѣсь намекъ на событія въ городѣ Римовѣ, взятомъ Половцами послѣ пораженія Игоря. Этотъ городъ упоминается въ Ипат. лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за пораженіемъ сѣверскихъ

князей, а также въ поученіи Владимира Мономаха. Но странно, что всѣ издатели, не исключая и г. Тихонравова, читаютъ *Уримъ*, находя здѣсь, вѣроятно, варіантъ названія Римъ. Откуда явилась такая приставка? Достаточно взглянуть въ лѣтописи, чтобы решить, что *у* предлогъ *es* и что слѣдуетъ читать у Римъ, т. е. въ Римъ, въ Римовѣ.

Ипат. лѣт. по 1091 годомъ:

В се же лѣто волхвъ явися у Ростовѣ і погибѣ.

Подъ 1091:

В си же временна бысть знаменъе у небесъ.

У се же лѣто ведро бяше, яко ізгаряше земыля...

У се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславъ,

У си же временна мнози человѣци умираху различными
недуги...

Подъ 1139:

Ростислава Гюрлевича Новгородци посадиша въ себе...

Того жъ мѣсяца въ 24, у срѣду мясопустную...

Переходъ *e* въ *у* и обоядное замѣщеніе этихъ звуковъ составляетъ черту южно-русскаго говора, восходящую уже къ XII вѣку.

Дубенскій догадывался, что Уримъ не одно, а два слова, но считалъ *Rimъ* за род. пад. множ. числа отъ plur. tant. *Rимы*, а *у* за предлогъ *у*. Но изъ мѣстъ лѣтописи можно вывести только формы — *Rимъ* (к Римови) и *Rимовъ* (идомъ на вои ихъ за Римовъ) и потому естественнѣе предположить, что переписчикъ или издатели приняли *у* за *ъ*.

VIII

*Великий княже Все́володе! Не мыслю ти прелетъти
издалеча, отня злата стола поблюсти: ты бо можешъ.
Волу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.*

Въ словахъ *не мыслю ти прелетъти* чувствуется какая-то неловкость. Очевидно нельзя перевести: *тебъ не перелетъть мыслю издалеча*, хотя всѣ эти слова находятся въ текстѣ. Такому переводу противорѣчить мѣсто, занимаемое словомъ *мысль*. На этомъ основаніи некоторые изслѣдователи видятъ здѣсь вопросительный оборотъ. Проф. Тихонравовъ, сознавая испорченность мѣста, предлагаетъ читать: *не мыслиши прелетѣти*; но по интерпункции, принятой имъ, очевидно не считаетъ это предложеніе вопросительнымъ. Согласно съ этой правкой получается смыслъ: *не мыслишь ты прилетѣти издалека, поберечь отцовскій золотой престолъ, ибо ты можешь Волгу веслами расплескать, а Донъ шеломами вылить*. Всякій ожидалъ бы вмѣсто *ибо* другаго союза, напр. *хотя*. Союзъ бо предполагаетъ, что *не мыслю ти прелетъти* не есть упрекъ Все́володу за равнодушіе къ судьбѣ отцовскаго престола. Смыслъ разбираемаго возванія сосредоточенъ на словѣ *мыслю*, стоящемъ на первомъ мѣстѣ. Значить ли *перелетѣть мыслю* — *перелетѣть мысленно* или *перелетѣть какъ мысль, съ быстротою мысли?* Думаемъ, что послѣднее вѣрнѣе, ибо чрезъ

то, что Всеволодъ перенесется мысленно, онъ еще не можетъ защитить отцовскій престолъ. Авторъ требуетъ, чтобы онъ дѣйствительно перелетѣть на мѣсто дѣйствія, такъ быстро, какъ мысль, ибо онъ (Всеволодъ) можетъ это сдѣлать: онъ Волгу можетъ раскропить и Донъ вычерпать. Понятно, что такому сказочному богатырю ничего не стоитъ перелетѣть, какъ мысль, издалека. При такомъ пониманіи, слово *мыслию* не можетъ быть измѣнено въ *мыслиши* и требуется другая поправка: слѣдуетъ, кажется, послѣ *мыслию* поставить вопросительную частицу *ли*, которая могла выпасть подъ вліяніемъ *ли* въ предшествующемъ словѣ (*мыслиюли*), т. е. не перелетѣть ли тебѣ съ быстрой мысли.

А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Чтеніе *васъ* имѣть и пушкинское изданіе и архивн. списокъ. Предположить, что издатели не разобрали, что въ подлинникѣ было *ваю*, нѣть достаточныхъ основаній. Умѣли же они прочесть *ваю* въ другихъ мѣстахъ. Скорѣе можно предположить, что авторъ «Слова» не совсѣмъ точно употребилъ множ. число вмѣсто двойственного, что, какъ известно, встрѣчается сплошь и рядомъ въ памятникахъ уже XII-го вѣка. Передъ *васъ* могъ стоять предлогъ *въ*, который весьма часто пишется безъ твердаго знака, просто *въ*. Это *въ* исчезло подъ вліяніемъ буквы *въ*, съ которой начинается слѣдующее слово—*васъ*.

Хотя птицю въ буйство одолѣти.

Птицю дат. пад. ед. ч. (отъ именит. *птицъ*), управляемый правильно глаголомъ *одолѣти*. Срав. въ Ипат.

лѣт. (стр. 195): и одолѣть Михаилъ противнику; (стр. 479): одолѣвша всимъ поганіскымъ языкомъ.

Но уже, княже Игорю, утрпъ солнцу светъ.

Проф. Тихонравовъ приводить для объясненія *утрпъ* глаголь цсл. *оутрѣнѣти*—коchenѣть. Но въ выраженіи—свѣтъ солнца коchenѣсть—чувствуется какая-то неуклюжесть. Другіе прибѣгаютъ къ глаголу *утрѣнѣти*—потерпѣть, утратить; но этотъ глаголь былъ бы умѣстенъ только съ поправкой *Игорь*, вместо *Игорю*: Игорь утратилъ солнечный свѣтъ. Предлагаемъ догадку, основанную на сербскомъ языкѣ: у сербовъ употребителенъ глаголь *утр(п)нути* въ значеніи—гасить; наприм. *свијетју*—свѣчу, *ватру*—огонь (см. Слов. Караджича, с. в.) ¹⁾). Не употреблялся ли и въ древне-болгарскомъ глаголь *оутрѣ(n)ижти* съ тѣмъ же значеніемъ? Въ такомъ случаѣ, мы получили бы для выраженія въ *Словѣ* весьма простой смыслъ: но ужѣ, о князь Игорь! *погасъ* солнца свѣтъ: Срав. выше: на рѣцѣ на. Каялъ тьма свѣтъ покрыла; два солнца помъркоста.

Не худа гнѣзда шестокрылицы. Не вдаваясь въ соображенія о томъ, откуда впервые явилось представление о шестокрыльцахъ, замѣтимъ только, что въ «Слово» это представление попало не изъ нашей миѳологіи, а заимствовано изъ литературного источника. Болгарскій сборникъ царя Симеона (1076) переводить шестокрыльцемъ греч. εξαπτέρυγος. Этотъ образъ попалъ въ народный

---

¹⁾ Срав. въ ново-болгарскомъ: слѣнде-то трепти да зайди. Сборникъ Миладиовцевъ, стр. 162.

болгарскія представленія и въ пѣсняхъ упоминается птица шестокрылая—*pile шестикрылата* (см. Dozon — Rapports sur une mission littéraire en Macédoine, стр. 65). Въ одной изъ пѣсень сборника Верковича являются два чудные коня — Шестокрылца коне и Лестувица коне, т. е. конь шестокрылецъ и конь ласточка (Веда Словена, стр. 214, № VII). Едва ли можно сомнѣваться въ византийско-болгарскомъ происхожденіи *шестокрылца* въ *Словѣ*.

IX

И с хотио на кровать и рекъ. Что хотио творит. пад. єд. ч. отъ хотио, возлюбленная, жена, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Но все-таки смыслъ остается загадкою, потому что очевидно здѣсь пропускъ. Отъ глагола рекъ едва ли подлежащимъ можетъ быть Изяславъ, притрепанный ливовскими мечами. Изъ обращенія княже въ дальнѣйшихъ словахъ — дружину твою, книже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша — видно, что говорить не самъ князь о своей судьбѣ, а кто-то другой. Эти слова произносить отъ себя авторъ *Слова*.

Которою бо бывше насилие отъ земли половецкии. Которою твор. єд. отъ котора — раздоръ, усобица, т. е. чрезъ усобицу вашу было насилие отъ земли половецкой.

На седьмомъг вѣцъ Трояни оржже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу. Тгы клюками подпрѣся о кони и скочи

къ граду Кіеву и т. д. О седьмомъ вѣкѣ Трояна см. выше стр. 105. Загадочность всего рассказа о Всеславѣ, какъ мы предположили выше, зависитъ отъ того, что авторъ Слова подставилъ Всеслава на мѣсто какого-то эпического богатыря и перенесъ на полоцкаго князя черты, въ которыхъ изображенъ былъ этотъ неизвѣстный намъ богатырь въ болгарскомъ произведеніи. На счетъ этой миенческой личности нужно отчислить седьмой вѣкѣ Трояновъ, меташе жребія о дѣвицѣ и скаканіе къ городу. Всеславъ, метнувшій жребій о дѣвицѣ, напоминаетъ тѣхъ сказочныхъ богатырей, которые добываютъ руку царевны, сидящей на башнѣ или на стѣнѣ, удалымъ скачкомъ коня. Заимствованность нѣкоторыхъ чертъ, изображающихъ Всеслава, видна изъ выраженія *въкъ Трояновъ* и нѣсколько далѣе изъ словъ — *клюками подпрѣся о кони*. Проф. Колосовъ (Филологич. Записки. 1874. II, стр. 17) принимаетъ слово *клюка* въ значеніи чудеснаго костыля (костыль дорогъ рыбей зубъ), который составляетъ въ нашихъ былинкахъ атрибутъ каликъ переходящихъ. Проф. Тихонравовъ находитъ возможнымъ примириться съ отвлеченнымъ значеніемъ этого слова — *хитрость, обманъ*. Но конечно всего проще объясняется *клюка* болгарскимъ *клѣкъ*, *клѣка*, — бедро, ляжка, швекель, *клѣка ножная*; *клѣквамъ* —гибаю колѣна. Въ одной болгарской пѣснѣ (въ сборн. Безсонова, № XXIII т. I, стр. 117) читаемъ слѣдующее описание дружинны:

Пушки (ружиа) тѣ имъ на рамени,
Пушки на голи рамени,

На голи гржди пиштове (пистолеты),
На голи кљки паласки (сумки съ порохомъ).

Первоначальное кљкъ перешло въ сербское кук — das Hüftbein, os сохае (см. Слов. Караджича). Носовой звукъ сохранился въпольскомъ kłęczecъ — стоять на колѣнахъ (клянчить)¹). Итакъ — клюками опръся о кони — значитъ: сжалъ коня бедрами.

Скочи отъ нихъ лютымъ звримъ въ полночи изъ Бѣлаграда, обльсися синъ мъглъ; утръ же возни стрикусы, отвори врата Новуграду...

Авторъ припоминаетъ нѣкоторые эпизоды изъ біографіи Всеслава, хотя и не въ хронологическомъ порядке. События, произошедшиа въ разное время, сгруппировалъ онъ вмѣстѣ, чтобы рельефнѣе выставить изворотливость, предпріимчивость и быстроту движеній этого князя. Убѣжавъ въ полночи подъ покровомъ синей мглы изъ Бѣлагорода, онъ утромъ (утръ же) вонзилъ стрикусы и отворилъ ворота Новугороду. Нѣкоторые издатели соединяютъ *утрѣже* въ одно слово, считая его прошедшими временемъ отъ глагола *оутрѣнѣти* — оторвать; но предшествующее *въ полночи* указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ *утромъ*. Таинственное *возни*, при правильномъ пониманіи *утръ же*, должно быть глаголомъ и объясняется всего легче какъ искаженіе изъ *‘онзи’* — вонзилъ. Отказываясь поправить испорченное *стрикусы*, замѣтили только, что корень

¹) Срав. наше колча — хромой, колченогий, колчить — хромать, ковылять.

едва ли испорченъ; это теть корень, который мы имѣемъ въ словахъ: *стрѣкало* (*stimulus*), *стрѣка*, *стрѣкъ*, *стрѣкать* — колоть. *Стрикусы* должны быть какимъ нибудь острымъ орудиемъ, которое вонзаютъ. Если мы обратимъ вниманіе на параллель:

Тѣй клюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ зата стола Кіевскаго...

и

Утры же вонзи стрикусы (?), оттвори врата Новуграду, то вонзи стрикусы будеть соотвѣтствовать предыдущему клюками опрѣся о кони и если послѣднее значить — сжаль коня бедрами, то вонзи стрикусы естественно понимать въ значеніи: вонзилъ шпоры или стрекала.

Великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. О Хорсѣ см. выше стр. 81—86.

Аще и вѣща душа въ друзъ тѣль, нѣ часто бѣды страдаше. Въ этихъ словахъ хотятъ видѣть намекъ на волкодлачью природу Всеслава: хотя вѣщая душа его и въ другомъ, (т. е. чужомъ, напримѣръ, волчьемъ) тѣль, но часто онъ терпѣль бѣду. Не считая Полоцкаго князя волкодлакомъ, мы не можемъ и здѣсь находить указаніе подобнаго рода. Значеніе слова *друзъ* не совсѣмъ ясно: по аналогіи другихъ случаевъ въ томъ же памятникѣ, мы ожидали бы прилагательное полнаго окончанія. Срав. *другаго дни*, ни *другаго* Всеволода, бишаясь *другый*, а *друзіи* Давидовы. Употреблялъ ли авторъ *Слова краткую* форму *другъ* въ смыслѣ — *alius*?

Но сомнѣваясь въ правильности вышеприведеннаго объ-

яснёния, не умѣемъ замѣнить его другимъ, болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ выраженіе *тѣло милое, дорогое,* (філѣон сбѣма) скорѣе можно ожидать у Гомѣра, чѣмъ въ русской поэзіи. Не искажено ли *друзъ тѣль* изъ *дрезъ тѣль*, т. е. отважномъ тѣлѣ? Аналогіей могло бы служить въ томъ же *Словѣ* выраженіе: единъ же изрони жемчужну душу изъ *храбра тѣла*.

Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божія не минути. О книжномъ характерѣ этой припѣвки см. выше стр. 65—68. Изъ почти тождественныхъ выражений въ позднейшей редакціи *Слова о Даниилѣ Заточнике*—суда де Божія ни хитрууму, ни горазну не минути—можно пожалуй заключить, что слова *ни птицю горазду* позднейшая вставка. Впрочемъ, если мы и не заподозримъ этихъ словъ, ихъ можно осмыслить слѣдующимъ образомъ: птица, уносясь на воздухъ отъ опасностей, угрожающихъ ей на землѣ, отличаясь быстротой и ловкостью, можетъ, по представлению автора припѣвки, скорѣе уйти отъ когтей преслѣдующей ее смерти (суда), чѣмъ самый быстрый человѣкъ. Какъ отъ суженаго на конѣ не ускакешь, такъ отъ смерти птицей не улетишь: смерть догонить и быстрого коня и ловкую, юркую, птицу.

X

Коня поютъ на Дунаѣ. О Дунай см. выше стр. 110—113. Выше мы предположили, что плачъ Ярославны, пред-

ставляя подражаніе чѣму-то болгарскому, открывается словами какой-то пѣсни югославянской, въ которой дѣйствіе происходит на Дунаѣ. Это предположеніе теперь считаемъ нужнымъ видоизмѣнить, въ томъ смыслѣ, что начало *плача* представляется намъ значительно искаженнымъ. Мы согласны съ княземъ Вяземскимъ (см. Замѣч. на Слово о П. И., стр. 202), что выраженіе о копьяхъ, что они *поютъ*, крайне слабо, ибо копья не брянчать. Кажется въ народной пѣснѣ, изъ которой взять Дунай и образъ тоскующей жены-кукушки, говорилось не о *пѣніи копій*, а о *поеніи коней*. Въ плачѣ находимъ черты южно-русской поэзіи, въ которой обычно встрѣтить и Дунай, и поеніе коня на Дунаѣ, и тоскующую *возулю*. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ сборника изданнаго г. Чубинскимъ ¹⁾:

Іздить казакъ, іздить, блудить,
Підъ казакомъ воронъ коникъ нудить.
Приблудився ажъ до гаю,
Ажъ до *тихого Дунаю*.
Ой ставъ казакъ коня наповати,
Стала надъ нимъ *возуля* кувати (Часть I, № 66).

—
Ой вийду я за ворота,
Десь мому миленькому не гарна работа—
Въ тихомъ Дунаю свії коні напуває (№ 183).

---

¹⁾ Труды Этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западн. отдѣль. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя Чубинскимъ. Томъ V. Пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныхъ. Изд. подъ наблюденіемъ Костомарова. 1874.

Дѣвушка говоритъ:

Усі идутъ, усі идутъ, а моего не має,
Изъ тихого Дунаэчка коня наповаэ (№ 604).

Приблудився казаченько
До зеленого гаю,
До тихенького Дунаю.
Ставъ коника наповати,
Стала зозуля кувати.
«Ой зозуленъко сивенька!
Ти скажи мені дорогу,
Куди іхати до роду;
Ой до роду, до родини,
До вірненької дружини!» (№ 632).

Въ мало-русскихъ пѣсняхъ часто находимъ и ту черту, что казакъ, пои коня, начинаетъ тонуть въ Дунай и взываетъ къ своей милой:

Якъ приїхавъ до Дунаю,
До широкого гаю,
Ой якъ ставъ милий коня напувати,
Тай зачавъ милий съ конемъ потопати.
— Та ратуй мене, мила,
Щось мя сірне любила! (№ 733).

На подобную просьбу о спасеньи дѣвица въ другой пѣснѣ (№ 405) отвѣчаетъ:

«Ой рада-бъ я рятовить,
Нема човна, ні весельця,
Не горнеться мое сердце».

Въ виду распространенности мотива поенія коня въ Дунай въ мало-русской поэзіи, едва ли слишкомъ смѣло предположить, что и въ представлениі автора *Слова* посилась эта черта. Изображая тоскующую княгиню, онъ могъ вспомнить родной образъ дѣвицы-озули, тоскующей по молодцѣ, который вдали, на чужбинѣ, поилъ коня въ Дунай и утопая взываетъ къ своей ладѣ. Этимъ объясняется выраженіе — коня поять на Дунаи, — неимѣющее связи съ предыдущимъ и какъ бы выхваченное изъ какого-то другаго цѣлаго. Образъ дѣвицы-кукушки, летающей за водою на Дунай, чтобы омыть раны раненому молодцу, указали мы выше (стр. 113—116) въ болгарскихъ пѣсняхъ. Нѣть сомнѣнія, что этотъ образъ общеславянскій и прибѣгать къ заимствованію изъ болгарскаго источника пѣть основанія. Согласно съ этимъ просимъ исправить то, что выше (на стр. 112) сказано о заимствованіи плача изъ болгарского источника.

Исправить текстъ разбираемаго мѣста нѣтъ возможности, потому что, кроме искаженія, здѣсь вѣроятно и пропускъ. Можетъ быть *копія поютъ* не искажено изъ коня *поютъ*, а въ текстѣ было и *копія* и *коня*, причемъ *копія* относилось къ предыдущимъ словамъ, гдѣ упоминаются *стяги* и *хоботы*. Объ этихъ копьяхъ, быть можетъ, говорилось что нибудь, но это пропущено. Затѣмъ слѣдовали слова о поеніи коней на Дунай и кыченіи зезгицы. Срав. соединеніе того и другаго въ вышеприведенныхъ стихахъ:

Ставъ копика *напорвати*,
Стала зозуля *кувати*.

Но вслѣдствіе пропуска *коя*, сказуемыи отъ подлежащаго *копіа* стала глаголь *поять*, что дало безсмыслицу и побудило какого нибудь спрощника измѣнить *поять* въ *поютъ*. Что дѣйствительно все это начало сильно искажено—видно изъ странной формы *Ярославныи* и не менѣе странной *незнаѣмъ*.

Ярославна рано плачетъ въ Путеволъ на забралъ аркучи.

Въ этомъ и другихъ мѣстахъ *Слова* читаемъ мы *аркучи* вмѣсто *аркучи*, согласно съ замѣчаніями проф. Потебни. См. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи (1871), стр. 21 слѣд. и Изъ записокъ по русской грамматикѣ (1874), II стр. 90. Такое употребленіе союза свойственно не только древне-русскому языку, но и другимъ слав. нарѣчіямъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ числа собранныхъ г. Потебней: Пльковици взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, *a рекуче*: «то вы, а то Новгородъди, а намъ не надобѣ (Новгор. I, 43, 14); Котянъ съ князи Половецкими... одариша князь Руськихъ, *a рекуче* тако (ib. 40, 1); се билъ челомъ... *a ркучи* такъ (Акты Юр. 1, 3 и др. XV в.); князь нась зоветь на Ригу, *a хотя* ити на Пльковъ (Новг. I, 43, 17). Подобные обороты находятся въ старинномъ польскомъ языке (a rzkaсz, a rzekacz, см. Ягича—Archiv für slav. Philologie. II, 1, p. 167).

О Днепре словутицю!... свѣтлое и тресвѣтлое слѣице.

Обращенія съ мольбою къ рѣкамъ и солнцу—мотивъ обычный въ народной поэзіи. Въ болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ дѣвица упрашаетъ Дунай:

Дунафе, бѣле Дунафе,
Ай да би ми съ исушилъ!
Заш' ми г' удави брата ми,
Мои-отъ братецъ Стояна,
Со 'се хиляда сватови и т. д.

(№ 243 въ сборникъ Миладиновцевъ).

Въ другой пѣснѣ дѣвица Петкана спрашиваетъ у Дуная, че видѣлъ ли онъ ея милаго:

Добро ти утро, Дунафе!
Дунафе, бѣли Дунафе,
Ясь тебе ке те опитамъ,
Ти менѣ право да кажишъ,
Тако ти морска глобина,
Тако ти польска ширина,
И жити сестра моруна,
Ти право менѣ да кажишъ,
Дали го виде младъ Стоянъ? (№ 396).

Вотъ подобное же обращеніе къ солнцу:

«Сѫнце, мило сѫнце, постой, почекай нѣ'
Дуръ да изминиме три гори зелени,
Три гори зелени, а три яворови,
И три яворови, и три ясенови» (ib. № 238).

Въ болгарской пѣснѣ (№ 4), помѣщенной въ сборнике Верковича «Веда Словена», одинъ царь хочетъ перейти море и долженъ биться со змѣемъ, его залегающимъ. Змѣй обращается къ солнцу съ просьбой:

«Солнце, мое солнце!
Пошли мнѣ, солнышко, твою ясную стрѣлу,
Которая испускаетъ сильный огонь,
Чтобъ этой стрѣлой мнѣ поразить враговъ;
Дабы они мое поле не заняли.
Если ты, солнышко, мою мольбу выслушаешь,
И пошлешь мнѣ ясную стрѣлу,
Я свою меньшую сестру
Дамъ тебѣ возлюбленцо».

XI

Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумльти; князю Игорю не быть. Кликну—стукну земля, вглушумъ трава, вежои ся Половецкіи подвизашися.

Выраженіе князю Игорю не быть не совсѣмъ ясно и вѣроятно испорчено. Быть едва ли неокончательное наклоненіе; такъ какъ нѣтъ другаго примѣра въ Словѣ употребленія окончанія *ть*, вместо *ти*, въ этомъ наклоненіи, хотя случай очевидно могъ бы представиться, ибо форма на *ти* встрѣчается болѣе 35 разъ. Думаемъ, что вместо быть слѣдуетъ читать бысть, причемъ выпадало какое-то другое слово, соответствующее предшествующему разумльти: Овлуръ свиснулъ за рѣкою, даетъ князю знакъ, но Игорю не было слышно. Тогда Овлуръ кликнулъ и земля загудѣла, трава зашумѣла, половецкія юрты заколыхались,

для того чтобы заглушить его крикъ, который такимъ образомъ былъ услышанъ только однимъ Игоремъ. Вмѣсто *вѣшумъ* исправляютъ *вѣстумъ*, но эта поправка совершенно ненужна. Конечно в предлога *въз* передъ слѣдующимъ *и* выпадаетъ по законамъ цслав. благозвучія и *вѣзвумъти* должно перейти въ *вѣшумъти*. См. этотъ глаголъ у Миклошича, с. в.

Въерѣжеся на брѣзъ комонъ и скочи съ него босымъ вѣкомъ и потече къ лугу Донца... Въ предложной приставкѣ *въ* при глаголѣ *врѣжеся* нѣтъ надобности, въ виду слѣдующаго предлога *на*. Срав. врѣжеса дивъ на землю. Полагаемъ поэтому, что *въ* либо просто описка, либо испорчено изъ предлога *възъ*, указывающаго на движение вверхъ. Срав. възврьзи на господа печаль твою; възврѣже ризы своихъ на жрѣба (Mikl., с. в. възврѣсти). О словѣ *бусъ* см. выше стр. 220—223.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѧ, пожрѣши чужи ручи и струны ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Дильтъ темнъ березъ.

Для уясненія этого мѣста, проф. Тихонравовъ дѣлаетъ изъ двухъ словъ—*ростре на*—одно: *рострена*, изъ одного—*кусту*—два: къ усту, и ставитъ послѣ слова *Дильтъ* вопросительный знакъ, такъ что слова *темнъ березъ* относятся уже къ дальнѣйшему предложенію: плачется матери Ростислава.

Такимъ образомъ получается слѣдующій переводъ: «Не таѣ ли (разсказываютъ) Стугна рѣка, бѣдная водою (худу струю имѧ), пожравши чужіе ручи и къ устью (къ усту)

расширенная (роетрена) волнами (стругы), затворила Днѣпръ юношѣ князю Ростиславу?» Хотя этотъ переводъ достигается безъ крупныхъ поправокъ текста, однако съ грамматической стороны можно сдѣлать противъ него возраженія. Во 1-хъ, слова *усто* или *устг*, въ значеніи устья неизвѣстны въ древне-русскому языку; во 2-хъ, отъ слова *струга*—волна—не можетъ быть творит. пад. ин. ч. на *ы*, вмѣсто *ами*; въ 3-хъ, *темниь березъ* не можетъ быть мѣстнымъ падежомъ безъ предлога. Мѣстный *безъ* предлога для слова *березъ* можно бы пожалуй встрѣтить въ Супрасльской рукописи, но не въ русскомъ языке XII в. Собственные имена городовъ не могутъ служить доказательствомъ употребительности безпредложного мѣстного падежа и для нарпцательныхъ именъ. (Срав. въ самомъ *Словѣ*: ту ся брата разлучиста *на* брезѣ быстрой Каялы; въспѣша *на* брезѣ синему морю, *на* своихъ сребреныхъ брезѣхъ).

Кромѣ грамматическихъ затрудненій есть и другія. Уноша Ростиславъ потонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ, переправляясь черезъ нее во время половодья. Вспоминая объ этомъ нечальномъ событии и укоряя злую рѣку Стугну, неужели авторъ могъ выразиться такъ темно и глухо о поступкѣ рѣки и укорять ее не за потопленіе князя, а за то, что Стугна затворила для Ростислава рѣку Днѣпръ? Вѣдь еслибы изъ лѣтописи мы не знали, что юный князь утонулъ въ Стугнѣ, мы изъ этого мѣста *Слова* не могли бы узнать о его участіи о потопленіи здѣсь не говорится ни слова, а прегражденіе доступа къ Днѣпру возможно и безъ потопленія. Но, не соглашаясь съ дѣленіемъ словъ и

интерпретацией проф. Тихонравова, нельзя представить более правильного привода безъ исправоки пущинского текста. Намъ кажется удачною поправка, сдѣланная кн. Вяземскимъ (см. Замѣчанія на Слово о П. И., стр. 442): *унесу князя Ростислава затвори днѣ при темнѣ березѣ.* Только вмѣсто мѣстнаго надежа-безъ предлога (днѣ) мы поставили бы *въ днѣ*, по аналогии другаго мѣста: иже погрузи жиръ *во днѣ* Каяны рѣки половецкыя. Такимъ образомъ исправляется вторая половина темнаго мѣста и остается объяснить первую—*и струны ростре на кусту.* За отсутствиемъ слова *усто*, слѣдуетъ считать *кусту* за одно слово въ мѣстномъ падежѣ на *у.* Стругою, по свидѣтельству Максимовича, въ Поднѣпровской Українѣ называется протокъ бѣгучей воды между рѣчными плавнами или островами, заросшими кустами, деревьями или камышемъ. По словарю Миклашевича цел. струга—тканіе, волна, словин. struga—также рѣки, чеш. strouha—протокъ, канава, польск. struga—(дождевой) ручей, протокъ воды, нижне-лужицк. tsuga—канава. Принимая *струны* въ томъ значеніи, въ какомъ до сихъ поръ это слово употребляется въ Поднѣпровье, разбираемое мѣсто слѣдуетъ понимать такъ, что вслѣдствіе наводненія *струни*, т. е. протоки между плавнами и островками, поднялись и засили кусты, камышъ и деревья, растущіе на плавнахъ и берегахъ. Глаголъ *ростре*—соб. растерла не совсѣмъ подходитъ и быть можетъ искаженъ въ *ростре.*

Итакъ, только при значительныхъ поправкахъ наше мѣсто получаетъ грамматическую правильность и удовле-

творительный смыслъ: не такъ (поступка), говорить, рѣка Стурна: имъя тощую струю, поглотила она чужие ручьи, простирая волны (протоки) на пустарникъ и юношу князя Ростислава затворила на днѣ при темнотѣ берегу.

Тогда сраниц не граахутъ, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозю положа толко, дитлове текомъ путь къ рѣць кажутъ, соловіи веселыми пѣснами севть поспѣдаютъ.

Общепринятый переводъ—сероки не трещали, а только ползали по лозѣ, т. е. по прутью, хворосту—не удовлетворителенъ. Едва ли какойнибудь поэтъ, не закрывающій глаза свои передъ картинами природы, могъ бы, говоря о сорокахъ, выразиться, что онѣ ползаютъ, а не скачутъ. Сорока не принадлежитъ къ лазунамъ, какъ дятль, и не можетъ ползать по деревьямъ.

Во избѣженіе подобной неестественной картины предлагаемъ два новыхъ объясненія.

1. Вместо *по лозю* слѣдуетъ читать *полозie* именит. множ. собираят. отъ *полоза*. Такой имен. множ. при единств. *полозъ* находимъ въ словѣ *полозъ* (саней). Слово *полозъ* отъ глагола *ползти* могло быть южно-русскимъ названіемъ какогонибудь ползучаго гада. До сихъ поръ *полозъ* кое-гдѣ помѣстно встрѣчается какъ название змѣи¹); въ польскомъ *roloz* значитъ *удавъ*. Отъ того же корня происходитъ название улитки, какъ ползучаго животнаго, чешск. *rlž*, серб. *пуж*. (изъ *пужъ*) и

¹) См. Словарь Даля.

спуж. Кстати укажемъ на слѣдующую аналогію: какъ сань въ чешскомъ означаетъ змѣя и до сихъ поръ слышится въ нашихъ саняхъ, такъ и *полозъ*—название змѣя—находимъ въ *полозьяхъ* саней. При такомъ объясненіи выраженіе *полозъ полозша* только означало бы: только гады (змѣи) ползали.

2. Но болѣе правдоподобнымъ кажется намъ второе предположеніе. Авторъ «Слова» повидимому изображаетъ въ этомъ мѣстѣ исключительно состояніе птичьаго царства, говоря о воронахъ, галкахъ, сорокахъ, дятлахъ и соловьяхъ. Поэтому было бы болѣе умѣстно находить въ *полозьяхъ* какихъ нибудь птицъ, нежели гадовъ. И действительно одна птичка, близкая къ дятламъ и такъ же какъ они ползающая по деревьямъ, называется у насъ *ползикъ* (*sitta*). *Ползунами* вообще называется семья дятловъ, иначе *лазуны*. Въ сербскомъ *sitta europaea*, *Blau-specht* называется *пузавацъ* (пльзарь). Всего вѣроятнѣе, что и *полозъ*, за которыми слѣдуютъ непосредственно близкіе къ нимъ *дятлове* (тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ), название какого нибудь южно-русскаго вида изъ семи ползуновъ или лазуновъ.

XII

Рекъ Боянъ иходы на Святгславля пъсноторца стараю времени Ярославля, Ольгова, коганя хоти... Объ

исправлениі *иходы* см. выше стр. 126, примѣч. Пѣсно-
творцемъ Святославовыи называеть себя авторъ *Слова
о П. И.*, и мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ,
что онъ присвоиваеть себѣ это званіе по праву. Слѣдуетъ
думать, что авторъ принадлежалъ къ числу приближен-
ныхъ этого князя и употреблялъ свой литературный та-
ланть на прославленіе своего господина. Вспомнишь, въ
какихъ чертахъ эпического богатыря изображаетъ онъ
Святослава въ его походѣ на Половцевъ. Наступивъ на
землю половецкую, князь притопталъ холмы и овраги,
возмутить рѣки и озера, изсушить потоки и болота и
подобно бурному вѣтру исторгъ поганаго Кобяка отъ
желѣзныхъ полковъ Половецкихъ. Хотя Игорь и герой
повѣсти, но все же авторъ возвышаетъ предъ нимъ Свято-
слава, которого славу поютъ и Нѣмцы, и Венедицы, и
Греки, и Морава. Сонъ Святослава показываетъ, что центръ
тѣжести для автора не на поляхъ половецкихъ, а въ Киевѣ
на горахъ. События, совершившіяся на Каялѣ, оцѣниваются
съ точки зреянія Киевскаго князя, *грознаго великаю* Свято-
слава, который по поводу ихъ изрѣнилъ *золотое слово*. Это
золотое слово укоряетъ героевъ повѣсти, называетъ ихъ
безумными и не видить почета въ томъ, что они сначала
одолѣли враговъ,—*нечестно бо кровь поганую проліясте*.
Далѣе Святославъ жалуется на то, что время измѣнилось,
что князья ему не пособники: не будь княжескихъ усо-
бицъ, онъ могъ бы помолодѣть и не далъ бы гнѣзда сво-
его въ обиду. Въ дальнѣйшихъ воззваніяхъ къ князьямъ,
въ упрекахъ однимъ и похвалахъ другимъ, трудно раз-

личить златое слово Святослава отъ словъ автора. Въ этихъ смѣлыхъ рѣчахъ авторъ скрывается за своего покровителя и съ его точки зрѣнія оцѣниваетъ ту или другую личность. Можно думать, что эта часть Слова имѣла политическую тенденцію, была написана для Кіевскаго князя, и что его пѣснотворецъ облекъ въ поэтическія формы княжій взглядъ на лица и события. Состоя при князѣ въ Кіевѣ, этомъ центре политической и умственной жизни, авторъ могъ хорошо знать и события прошедшихъ временъ и события современные въ разныхъ волостяхъ, и личности удѣльныхъ князей, и ихъ взаимные отношенія. Предполагать, что авторъ былъ въ дружинѣ Игоря во время похода, нѣть никакихъ основаній: въ разсказѣ его о походѣ, о первой битвѣ и о пораженіи нѣть такихъ подробностей, которыя указывали бы на очевидца. Все это изображено въ самыхъ общихъ чертахъ и, возстановляя поэтически картину битвы, авторъ не гонится за вѣрностью подробностей. Болѣе обстоятельный и точный разсказъ находимъ въ Ипат. лѣтописи и этотъ разсказъ могъ дѣйствительно быть записанъ со словъ очевидца. Для сравненія помѣщаемъ его ниже въ приложениі.

Солнце сѣтьтися на небесе, Игорь князь въ Русской земли и т. д. Окончаніе Слова напоминаетъ наши святочныя подблюдныя пѣсни и величанія. Искать тѣсной связи этого окончанія съ разсказомъ поэтуму нѣть необходимости. Хотя Слово, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, нельзя назвать

пѣснью *старымъ князьямъ*, однако оканчивается оно обычнымъ пріемомъ нашихъ величаний: пѣвшее пѣснь *старымъ княземъ*, а потомъ *молодымъ пѣти*. По аналогіи нашихъ величаний, думаемъ, что слово *слава* лучше отдѣлить отъ глагола *пѣти*, не принимая это *слава* за именит. падежъ при неокончательномъ наклоненіи¹⁾). (*Слава* обычный пріпѣвъ подобныхъ величаний:

Слава Богу на небѣ—Слава!

Государю нашему на сей землѣ—Слава!

Чтобы нашему государю не старѣться—Слава!

Его цвѣтному платью не изнашиваться—Слава!

Его добрымъ конямъ не изѣживаться—Слава!

Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться—Слава! и т. д.

---

¹⁾ Этимъ мы беремъ назадъ наше прежніе объясненіе, см. нашу замѣтку въ „Москов. Универс. Извѣстіяхъ“. 1872. IV, 529—30 и нашу статью „Der Letto-slavische Infinitiv“ въ Beiträge zur Vergl. Sprachforschung, т. VIII, стр. 156—174.

Изъ лѣтописи по Ипатскому списку.

(Издание Археографической комиссии, 1871, стр. 430—438).

В то же время Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, поймъ со собою брата Всеволода и с Трубецка, и Святослава Олговича, сыновця своего, изъ Рыльска, и Володимѣра, сына своего, и с Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстину Олкесича, Прохорова внука, с Коуи Черниговскими; и тако идахуть тихо, сбирающе дружину свою: бахуть бо и у нихъ кони тучни велии. Идущимъ же имъ к Донцю рѣки, в годъ вечерний, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяцъ, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «видите ли что есть знаменіе се?» Они же узрѣвшe, и видиша вси и по никоша главами, и рекоша мужи: «инаяже! се есть не на добро знаменіе се». Игорь же рече: «братья и дружино! тайны божия никтоже не вѣсть, а знаменію творѣць Богъ и всему миру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити». И то рекъ, перебреде Донѣць, и тако прѣиде ко Оскolu и жда

два дни брата своего Всеволода, тотъ быша шелъ ии не мѣ
путемъ ис Курьска; и оттуда поиша и Салницѣ, ту
же къ нимъ и сторожеви приѣхаша, ихъ же бахутъ послалъ
языка ловить, и рекоша приѣхавше: «видихомся с рат-
ными, ратники ваши со доспѣхомъ єздать; да или поѣдете
борзо, или возвратися домовь, яко не наше есть веремя». Игорь же рече с братьемъ своею: «оже мы будеть не бив-
шия возвратитися, то соромъ мы будеть пуще и смерти;
но како мы Богъ дастъ». И тако угадавше, и єхаша че-
ресъ ночь; заутра же пятьку наставшу, во обѣднене веремя
усрѣтоша полки Половѣцкиѣ; бахутъ бо до нихъ доспѣлѣ,
вежѣ свої пустили за сѧ, а сами собравшеся отъ мала и
до велика, стояху на оной сторонѣ рѣкы Сиурилия. И
ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а поправу
брата его Всеволожъ, а полѣву Святославъ сыновца его,
напередѣ ему сынъ Володимѣръ и другой полкъ Ярославъ,
иже баху с Ольстиномъ Коуеве, а третий полкъ напереди
же стрѣлци, иже бахутъ отъ всіхъ князий выведеніи; и
тако изрядиша полки своя. И рече Игорь ко браты своей:
«братья! сего есмы искалѣ, а потягнемъ»; и тако поиша
къ нимъ, положаче на Бозѣ упование свое. И яко быша
къ рѣцѣ ко Сиурилию, и выѣхаша ис Половѣцкихъ пол-
ковъ стрѣлци, и поустивше по стрѣлѣ на Русь и тако
поскочиша; Русь же бахутъ не перѣхалѣ еще рѣкѣ Сиур-
лия; поскочиша же и ти Половци силы Половѣцкии, коториѣ
же далече рѣкы стояху. Святославъ же Олговичъ, и
Владимѣръ Игоревичъ, и Ольстинъ с Коуи и стрѣлци
поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ по малу идаста,

не роспustиста полку своего, передний же ти Русь биша
ѣ, иаша; Половцѣ же пробѣгоща вѣжъ, и Русь же до-
шедше вѣжъ и ополонишася, друзии же ночь приѣхаша
к полкомъ с полономъ. И яко собирахася Половци вен,
и рече Игорь ко братома и к мужемъ своимъ: «се Богъ
силою своею возложилъ на врагы наша побѣду; а на насть
честъ и слава; се же видихомъ полки Половѣцкии, оже
мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили? Нынѣ же
поѣдемъ черезъ ночь, а кто поѣдѣть заутра по настъ, то
ци вси поѣдутъ, но лучшии коньници переберутъся, а
самыми какъ ны Богъ дастъ». И рече Святославъ Олго-
вичъ строема своима: «далече есмь гонилъ по Половцехъ,
а кони мои не могутъ; аже иѣ будеть нынѣ поѣхати, то
только ми будеть на дорозѣ остати»—и поможе ему Все-
володъ, ако же облечи ту. И рече Игорь: «да недивно есть
разумѣющій, братъ, умрети»,—и облегоша ту. Свѣтающи
же суботѣ, начаша выступати полци Половецкии, акъ бо-
ровѣ; изумѣвшася князи Рускии, кому ихъ которому по-
ѣхати, бысть бо ихъ бещисленое множество. И рече Игорь:
«се вѣдающе собрахомъ на ся землю всю: Концака, и
Козу Бурновича, и Токсобица Колобича, и Етебича, и Терь-
тробича». И тако угадавше вси сосѣдоша с коний, хо-
тиахутъ бо бывающеся дойти рѣки Донци; молвяхутъ бо: «оже
побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то
отъ Бога ны будеть грѣхъ сихъ выдавше пойдемъ; но
или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ». И та-
рекши вси сосѣдоша съ конѣй и поидоша бывающеся; и тако,
Божиимъ попущениемъ, узвиша Игоря в руку и умр-

твица шлюйцу его, и бысть печаль велика в полку его, и воеводу имахуть, то тъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту дчину до вечера, и мнозии ранени и мертви быша в цолюхъ Рускихъ; наставши же нощи субботни, и поидоша бывши. Бысть же свѣтающе недѣль, возмѧтощася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бѧшеть в то время на конѣ, зане раненъ бяше, пойде к долку ихъ, хотя возвратити ихъ к полку; уразумѣвъ же яко далече шель есть отъ людий, и соймишють погънаше опять к полку, того дѣля, что быша познали князя и возвратилися быша; и тако не возвратися никто же, но токмо Михаилъ Гурговичъ, познавъ князя, возвратился; ие, бяхуть бо добръ смилися с Ковуем, по мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярскихъ, добри бо вен бяхуться идоуще пѣши и посреди ихъ Всевододъ не мало мужество показа. И яко приближися Игорь къ полку своимъ, и перебѣхаща цеперекъ и ту яца, единъ перестрѣль одале отъ долку своего. Держимъ же Игорь, видѣ брата своего Всеводода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видиль падения брата своего; Всевододъ же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста, и бѣдиху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако, во день святаго воскресения, наведе на ня Господь гнѣвъ свой: в радости мѣсто наведе на ны плачъ, и во веселье мѣсто жлю, на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣлъ Игорь: «спомянухъ азъ грѣхи своя предъ Господемъ Богомъ молитъ, яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьянѣй, яко же бо азъ не пощадихъ християнъ,

но взяхъ на щить городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда
бо не мало зло подъяша безвинніи хрестьiani, отлучаеми
отець отъ рожений своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ
друга своего, и жены отъ подружий своихъ, и дщери отъ
материй своихъ, и подруга отъ подругы своеи, и все смя-
тено плѣномъ и скорбю тогда бывшюю, живии мертвымъ
завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святѣи
огнемъ отъ жизни сея искушение прiemши, старцѣ порѣ-
вахуться. уноши же лютыя и немилостивыя раны подъ-
яша, мужи же пресѣкаеми и ра(з)сѣкаеми бывають, жены
же осквѣрянеми; и та вся створивъ азъ — рече Игорь,
— недестойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижу отмѣстье
отъ Господа Бога моего. Гдѣ нынѣ возлюбленный мой
брать? гдѣ нынѣ брата моего сынь? гдѣ чадо рожений
моего? гдѣ бояре думающеи, гдѣ мужи храборъствующеи,
гдѣ рядъ поѣлчный? гдѣ кони и оружья многоцѣнныя? не
отъвсего ли того обнажихся, и связня преда мя в руки
безаконнымъ тѣмъ? Се возда ми Господь по безаконию
моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси
мои на главу мою. Истиненъ Господь и прави суди его
азъло азъ же убо не имамъ со живыми части; се бо нынѣ
вижу другая мучения вѣнца приемлюще, почто азъ единъ
повинній не прияхъ страсті за вся си? Но, Владыко
Господи Боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля
твоя, Господи, тако и милость на мя работъ твоимъ»; — и
тогда кончавшия и полну, розведеніи быша, и пойде каждо
во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужъ
именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его яль Романъ

Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ въ Вобурчеви-
чехъ, а Володимира Копти в Улашевичихъ. Тогда же на
польчиши Концакъ поручися по свата Игоря, зане бяшеть
раненъ. Отъ толикихъ же людий мало ихъ избысть, нѣ-
какомъ получениемъ, не бяшеть бо изъ ни бѣгающимъ
утечи, зане яко стѣнами силными огорожени бяху полки
Половѣцкими; ношахуть Русь съ 15 мужь утекши, а
Ковуемъ мнѣе, а прочии въ морѣ истопоша. В то же
время великий князь Всеволодичь Святославъ шелъ бя-
шеть въ Корачевъ, и сбирашеть отъ вѣрхніхъ земль
вой, хотя ити на Половци къ Донови на все лѣто. Яко
возвратися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверь-
скаго, и слыша о братыи своей, оже шли суть на По-
ловци, утаившеся его: и нелюбо бысть ему. Святославъ
же идяше въ лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во-
тъ гдѣ прибѣже Бѣловодъ Просовичъ, и повѣда Святославу
бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же то слышавъ
и велими воздухнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: «о
люба мя братыя и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускої! даль-
ми бы Богъ притомити поганыя; но не воздержавше
уности отвориша ворота на Русскую землю. Воля Гос-
подня да будетъ о всемъ; да како жаль ми бяшеть на
Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ».
Посемъ же Святославъ послѣ сына своего Олга и Воло-
димира въ Посемье: то бо слышавше возмѧтошася города
Посемьские, и бысть скорбь и туга лютая, якоже николиже
не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверь-
скомъ, и по всей волости Черниговской, князи изымани

и дружина изымана, избита; и мятыхутся аки в мотви, гореди воставахут и немило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душъ своихъ, жалующе по князихъ своихъ. Посемь же посла Святославъ ко Давыдови Смоленську, река: «рекли бяхомъ пойти на Половци и дѣтовати на Донѣ; нынѣ же Половци се побѣдили Игоря, и брата его сыномъ; а поѣди, брате, постерези землѣ Рускоѣ». Давыдъ же приде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Траполя, а Ярославъ в Черниговѣ совокупивъ вои свои стояшеть. Поганыи же Половци побѣдивъ Игоря с братъю, и взяша гордость велику и съвокупиша всъ языкъ свой на Рускую землю; и бысть у нихъ котора: молвящеть бо Кончакъ: «пойдемъ на Киевскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великий князь нашъ Бонякъ»; а Кза молвящеть: «пойдемъ на Семь, гдѣ ся осталъ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же города безъ опаса; и тако раздѣлиша надвое, Кончакъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту весь день. Володимеръ же Глѣбовичъ баше князь въ Переяславль, баше же дерзъ и крѣпокъ к рати, выѣха изъ города и потче к нимъ, и до немъ мало дерзнувъ дружинъ, и бися с нимъ крѣпко; и обиступиша мнозии Половцѣ; тогда прочки видивше князя своего крѣпко бывающеся, выринувшая изъ города, и тако отъяша князя своего, язвена сущи треми копыи. Сий же добрый Володимеръ язвень труденъ вѣѣка во городъ свой, и утре мужественного поту своего за отчину свою. Володимеръ же слашеть ко Святославу, и ко Рюри-

кови, и ко Давыдови, и рече имъ: «се Половьци у мене, а помозите ми». Святославъ же слашетъ ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть у Треполя со Смолляны. Смоллянъ же почаша вѣчъ дѣлти, рекуще: «мы пошли до Киева, да же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ». Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми помочими влегоша во Днѣпръ, противу Половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со Смолляны. То сышавше Половци, и возвратиша оть Переяславля; идущи же мимо приступиша к Римови. Римовичи же затвориша в городѣ, и возлѣзше на заборолѣ, и тако, Божиимъ судомъ, летѣста двѣ городници с людми, тако к ратнымъ, и на прочая гражданы найде страхъ; да которѣи же гражданѣ выдоша изъ града и бяхутъся ходаше по Римскому болоту, то тѣи избыша пѣна, а кто ся осталъ в городѣ, и тѣ вси взяти быша. Володимеръ же слашетъся ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понужвая ихъ к собѣ, да быша ему помоглѣ; они же опоздиша сжидающе Давыда Смолляны, и тако князѣ Рускиѣ опоздиша и не заѣхаша ихъ. Половци же вземше городъ Римовъ, и ополонишася полона, и пойдоша восвояси; князи же возвратиша в дома своя, бахуть бо печални, и со сыномъ своимъ Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бящеть раненъ велими язвами смертьными, и хрестьянъ плененныхъ отъ поганыхъ. И се Богъ, казня ны, грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но нась казня и обращая ны к покаянию, да быхомся востягнули отъ злыхъ своихъ

дѣлъ; и симъ казнить ны нахожениемъ поганыхъ, да некий смирившеся воспомянемъ отъ злого пути. А друзья Половцѣ идоша по оной сторонѣ к Путивлю, Кза у сихъ тяжкихъ, и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишаася восвояси. Игорь же Святославичъ тотъ годъ бѧшеть в Половцахъ, и глаголаше: «азъ по достоянию моему восприяхъ победу отъ повеления твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу прияти нужная вся, ихъ же есть приять азъ». Половци же аки стыдащеся въеводства его и не творяху ему пакости, но приставиша к нему сторожевъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господничевъ пять, то тѣхъ имъ 20; но волю ему даяхуть, гдѣ хотеть ту ъздяшеть и ястрибомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 с ними ъздяшеть; сторожевъ же тѣ слушаҳуть его и чистяхуть его, и гдѣ послашеть кого, бесъ пра творяхуть повелѣнное имъ. Попа же бѧшеть привель из Руси к собѣ, со святою службою: не вѣдяшеть бо божия промысла, но творяшеться тамо и долъго быти. Но избави и Госпедь за молитву хрестьянску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему в Половцахъ, тамо ся нальзе мужъ, родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ; и тотъ принъмъ мысль благу, и рече: «найду с тобою в Русь». Игорь же исперва не имашеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мынящеть бо: «азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружинъ, и нынѣ

иеславнымъ путемъ не имамъ пойти». С нимъ бо бяшеть тысячаго сынь и конюший его, и та нудяста и глаголюща: «пойди, кнаже, въ землю Русскую, аще восходеть Бегъ избавить тя»; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но якоже прежде рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци; и рекоша Игореви думци его: «мысль высоку и неугодну Господеви имѣшь въ собѣ: ты ищеши няти мужа и бѣжати съ нимъ; а о семъ чёмъ не разгадаешь, оже приѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князя и васъ и всю Русь? да не будетъ славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь принялъ во сердцѣ съвѣтъ ихъ, уполошася приѣзда ихъ и возиска бѣжати: не бяшеть бо ему лѣзъ бѣжати въ день и въ нощь, имѣже сторожевѣ стрежахутъ его, но тормо и веремя таково обрѣтѣ въ заходѣ солнца. И послалъ Игорь къ Лаврови конюшаго своего, река ему: «перееди на ону сторону Тора, съ конемъ поводнымъ»: бяшеть бо съвѣчаль съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ то времѧ Половци напилися бяхутъ кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюший повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклониша образу Божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго»— и возимъ на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхутъ спяща. Сий же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вежа. Се же избавление створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ.

И иде пѣшь 11 день до города Донця, и оттолѣ идѣ во свой Новъгородъ — и обрадовашася ему; из Новагорода идѣ ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярославъ же обрадовася ему и помошь ему дати обѣща. Игорь же оттолѣ ѿхъ ко Киеву к великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его.

О П Е Ч А Т К И:

<i>Стр.</i>	<i>Строки</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Слѣдуетъ</i>
7	3 снизу	склады	складъ
8	11 сверху	христіаское	христіанское
37	2 —	приняла	приняло
95	11 —	дивѣ	дѣвѣ
104	8 снизу	и	о
120	3 сверху	происхожденіи.	происходеніи?
123	13 снизу	Греки	Греки
126	10 сверху	пѣснотворце	пѣснотворца
—	10 снизу	бесмысличные	бесмысленаго
130	8 —	признается	признаемся
150	7 сверху	Къ	Въ
—	4 снизу	страд.	врем.
156	1 —	тѣлѣгы (Арх. тѣлѣги)	тѣлѣгы (Арх. телѣги)
160	1 сверху	поправлять	поправляетъ
177	2 снизу	преклоняло	преклонило
208	10 сверху	каково	какова
221	3 —	γυψ	γψ
223	7 —	босови	
